

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ФІЛАЛОГІЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOLOGY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагагіка»)

Выходит три раза в год

2

2019

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **ЗАПРУДСКИЙ С. Н.** – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры истории белорусского языка филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: zaprudski@gmail.com

**Заместители
главного редактора** **ГОНЧАРОВА-ГРАБОВСКАЯ С. Я.** – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русской литературы филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by
АРСЕНТЬЕВА М. Ф. – кандидат педагогических наук, доцент; заведующий кафедрой германских языков факультета международных отношений Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: arsentsyeva@mail.ru
ПРИГОДИЧ Н. Г. – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой истории белорусского языка филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: mik197@tut.by

**Ответственный
секретарь** **ЛЕНКЕВИЧ Е. В.** – кандидат филологических наук; старший преподаватель кафедры истории белорусского языка филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: alena.liankevich@gmail.com

- Аллинёль К.* Гренобльский университет 3 им. Стендаля, Гренобль, Франция.
Воевода Е. В. Московский государственный институт международных отношений, Москва, Россия.
Володина Т. В. Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Волочко А. М. Национальный институт образования, Минск, Беларусь.
Волюнец Т. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Гладкова Г. Карлов университет, Прага, Чехия.
Даниленко А. Университет Пейс, Нью-Йорк, США.
Дубинко С. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Золтан А. Будапештский университет им. Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрия.
Ивашкевич И. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Карпилович Т. П. Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь.
Коваль В. И. Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
Колер Г.-Б. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Кречмер А. Венский университет, Вена, Австрия.
Лукашанец А. А. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Мечковская Н. Б. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Поплавская Т. В. Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь.
Ровдо И. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Саевич М. Государственный университет им. Марии Кюри-Склодовской, Люблин, Польша.
Стариченок В. Д. Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Минск, Беларусь.
Тараненко А. А. Институт языковедения им. А. А. Потебни Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Халипов В. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Хаустович Н. В. Варшавский университет, Варшава, Польша.
Хентшель Г. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Цзян Цюнь Даляньский политехнический университет, Далянь, Китай.
Шамякина Т. И. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар ЗАПРУДСКІ С. М. – кандыдат філалагічных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі беларускай мовы філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: zaprudski@gmail.com

Намеснікі галоўнага рэдактара ГАНЧАРОВА-ГРАБОЎСКАЯ С. Я. – доктар філалагічных навук, прафесар; загадчык кафедры рускай літаратуры філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by
АРСЕНЦЬЕВА М. Ф. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт; загадчык кафедры германскіх моў факультэта міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: arsentsyeva@mail.ru
ПРЫГОДЗІЧ М. Р. – доктар філалагічных навук, прафесар; загадчык кафедры гісторыі беларускай мовы філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: mik197@tut.by

Адказны сакратар ЛЯНКЕВІЧ А. У. – кандыдат філалагічных навук; старшы выкладчык кафедры гісторыі беларускай мовы філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: alena.liankevich@gmail.com

- Аліньель К.* Грэнобльскі ўніверсітэт 3 імя Стэндаля, Грэнобль, Францыя.
Ваявода А. У. Маскоўскі дзяржаўны інстытут міжнародных адносін, Масква, Расія.
Валодзіна Т. В. Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Валочка Г. М. Нацыянальны інстытут адукацыі, Мінск, Беларусь.
Валынец Т. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Гладкава Г. Карлаў універсітэт, Прага, Чэхія.
Даніленка А. Універсітэт Пэйс, Нью-Ёрк, ЗША.
Дубінка С. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Золтан А. Будапешцкі ўніверсітэт імя Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрыя.
Івашкевіч І. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Карпіловіч Т. П. Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Коваль У. І. Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
Колер Г.-Б. Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
Крэчмер А. Венскі ўніверсітэт, Вена, Аўстрыя.
Лукашанец А. А. Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Мячкоўская Н. Б. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Паплаўская Т. В. Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Роўда І. С. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Саевіч М. Дзяржаўны ўніверсітэт імя Марыі Кюры-Складоўскай, Люблін, Польшча.
Старычонак В. Д. Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка, Мінск, Беларусь.
Тараненка А. А. Інстытут мовазнаўства імя А. А. Патабні Нацыянальнай акадэміі навук Украіны, Кіеў, Украіна.
Халінаў В. В. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Хаўстовіч М. В. Варшаўскі ўніверсітэт, Варшава, Польшча.
Генцэль Г. Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
Цзян Цюнь Далянскі політэхнічны ўніверсітэт, Далян, Кітай.
Шамякіна Т. І. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

ZAPRUDSKI S. M., PhD (philology), docent; associate professor at the department of history of the Belarusian language of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: zaprudski@gmail.com

Deputy editors-in-chief

GONCHAROVA-GRABOVSKAYA S. Y., doctor of science (philology), full professor; head of the department of Russian literature of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: goncharova_s@tut.by

ARSENTIEVA M. F., PhD (pedagogics), docent; head of the department of German languages of the faculty of international relations of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: arsentsyeva@mail.ru

PRYHODZICH M. R., doctor of science (philology), full professor; head of the department of history of the Belarusian language of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: mik197@tut.by

Executive secretary

LIANKIEVICH A. U., PhD (philology); senior lecturer at the department of history of the Belarusian language of the faculty of philology of the Belarusian State University (Minsk, Belarus).

E-mail: alena.liankevich@gmail.com

<i>Allignol C.</i>	Stendhal University, Grenoble 3, Grenoble, France.
<i>Voevoda E. V.</i>	Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia.
<i>Valodzina T. V.</i>	Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Center for the Belarusian culture, language and literature research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Valochka H. M.</i>	National Institute of Education, Minsk, Belarus.
<i>Volynets T. M.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Gladkova H.</i>	Charles University, Prague, Czech.
<i>Danylenko A.</i>	Pace University, New York, USA.
<i>Dubinko S. A.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Zoltan A.</i>	Eötvös Loránd University of Budapest, Budapest, Hungary.
<i>Ivashkevich I. N.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Karpilovich T. P.</i>	Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus.
<i>Koval V. I.</i>	Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
<i>Kohler G.-B.</i>	Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
<i>Kretschmer A.</i>	University of Vienna, Vienna, Austria.
<i>Lukashanets A. A.</i>	Center for Belarusian culture, language and literature research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Mechkovskaya N. B.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Poplavskaya T. V.</i>	Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus.
<i>Rovdo I. S.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Sajewicz M.</i>	Maria Curie-Skłodowska University, Lublin, Poland.
<i>Starichenok V. D.</i>	Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus.
<i>Taranenko A. A.</i>	A. A. Potebnya Institute of Linguistics of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
<i>Khalipov V. V.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Khaustovich M. V.</i>	University of Warsaw, Warsaw, Poland.
<i>Hentschel G.</i>	Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
<i>Jiang Qun</i>	Dalian Polytechnic University, Dalian, China.
<i>Shamyakina T. I.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРАЗНАЎСТВА

LITERARY RESEARCH

УДК 821.112.2.09.16'-1+821.411.16'02.09-141

ДИАЛОГ С ЭККЛЕСИАСТОМ В ПОЭЗИИ ПАУЛЯ ФЛЕМИНГА

Г. В. СИНИЛО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется рецепция Книги Экклесиаста (Екклесиаста) в поэзии Пауля Флеминга (1609–1640), одного из крупнейших поэтов немецкого барокко. Показано, что в творчестве Флеминга наглядно репрезентированы важнейшие темы и стилевые приметы барокко – прежде всего стремление к исследованию парадоксов и антиномий бытия и сознания, контрастное соединение трагизма и гедонизма, пессимизма и веры в стойкость человеческого духа. Важной составляющей художественного мира немецкого поэта является его диалог с Библией, особенно с Книгой Псалмов и Книгой Экклесиаста. Как и Экклесиаст, П. Флеминг перед лицом очевидной бессмысленности жизни ищет ее смысл и обретает его в честном труде, дружбе, любви, в верности Богу и самому себе. Пафос нравственного долга и веры, вопреки очевидной абсурдности мира, объединяет библейского мудреца и немецкого поэта. Доказано, что аллюзии на Книгу Экклесиаста чаще всего присутствуют в текстах Флеминга имплицитно и вводятся знаковыми словами-концептами. В первую очередь это слова *eitel* и *Eitelkeit*, несущие в себе тот же спектр значений, что и генеральный концепт Экклесиаста – *hāḇāl* ‘все быстро исчезающее’, ‘дуновение’, ‘бренность’, ‘суетность’, ‘напрасность’, ‘тщетность’, ‘абсурдность’. Как и у Экклесиаста, важнейшими концептами поэзии Флеминга являются также *человек*, *Бог*, *время*, *вечность*. Утверждается, что Книга Экклесиаста – один из наиболее значимых архетекстов поэзии П. Флеминга, т. е. смысло- и текстопорождающий текст, в диалоге с которым он выстраивает свой художественный мир.

Ключевые слова: немецкая поэзия барокко; творчество Пауля Флеминга; Библия; Книга Экклесиаста; диалог текстов; архетекст; аллюзия; концепт.

Образец цитирования:

Синило ГВ. Диалог с Экклесиастом в поэзии Пауля Флеминга. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2019;2:5–19.

For citation:

Sinilo GV. The dialogue with of Ecclesiastes in Paul Fleming's poetry. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2019;2:5–19. Russian.

Автор:

Галина Вениаминовна Синило – кандидат филологических наук, доцент; профессор кафедры культурологии факультета социокультурных коммуникаций, доцент кафедры зарубежной литературы филологического факультета.

Author:

Galina V. Sinilo, PhD (philology), docent; professor at the department of cultural studies, faculty of social and cultural communication, and associate professor at the department of foreign literature, faculty of philology.
sinilo@mail.ru

ДЫЯЛОГ З ЭКЛЕЗІЯСТАМ У ПАЭЗІІ ПАЎЛЯ ФЛЕМІНГА

Г. В. СІНІЛА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Даследуецца рэцэпцыя Кнігі Эклезіяста ў паэзіі Паўля Флемінга (1609–1640), аднаго з выдатных паэтаў нямецкага барока. Паказана, што ў творчасці Флемінга яскрава рэпрэзентаваны найважнейшыя тэмы і стылявыя прыкметы барока – перш за ўсё імкненне да даследавання парадоксаў і антыномій быцця і свядомасці, кантраставае злучэнне трагізму і геданізму, песімізму і веры ў стойкасць чалавечага духу. Важным складнікам мастацкага свету нямецкага паэта з’яўляецца яго дыялог з Бібліяй, асабліва з Кнігай Псалмоў і Кнігай Эклезіяста. Як і Эклезіяст, П. Флемінг перад тварам відавочнай бессэнсоўнасці жыцця шукае і знаходзіць яго сэнс у сумленнай працы, дружбе, каханні, у вернасці Богу і самому сабе. Пафас маральнага абавязку і веры, насуперак відавочнай абсурднасці свету, яднае біблейскага мысляра і нямецкага паэта. Даказана, што алюзіі на кнігу Эклезіяста найчасцей прысутнічаюць у тэкстах Флемінга імпліцытна і ўводзяцца знакавымі словамі-канцэптамі. Гэта найперш словы *eitel* і *Eitelkeit*, якія нясуць у сабе той жа спектр значэнняў, што і генеральны канцэпт Эклезіяста – *hābāl* ‘усё, што хутка знікае’, ‘подых’, ‘тленнасць’, ‘марнасць’, ‘дарэмнасць’, ‘пустое’, ‘абсурднасць’. Як і ў Эклезіяста, найважнейшымі канцэптамі паэзіі Флемінга з’яўляюцца таксама *чалавек*, *Бог*, *час*, *вечнасць*. Сцвярджаецца, што Кніга Эклезіяста выступае адным з найбольш значных архетэстаў паэзіі П. Флемінга – сэнса- і тэкстаспараджальным тэкстам, у дыялогу з якім ён выбудоўвае свой мастацкі свет.

Ключавыя словы: нямецкая паэзія барока; творчасць Паўля Флемінга; Біблія; Кніга Эклезіяста; дыялог тэкстаў; архетэст; алюзія; канцэпт.

THE DIALOGUE WITH OF ECCLESIASTES IN PAUL FLEMING’S POETRY

G. V. SINILO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

This research paper investigates the reception of *The Book of Ecclesiastes* in the poetry of Paul Fleming (1609–1640), one of the most significant poets of German Baroque. We show that Fleming obviously represents the main topics and stylistic features of – first of all the aspiration for researching paradoxes and antinomies of objective reality and consciousness, contrasting junction of tragedy and hedonism, pessimism and faith in firmness of human spirit. The important component of artistic world of the German poet is his dialogue with the Bible, especially with *The Book of Psalms* and *The Book of Ecclesiastes*. As well as Ecclesiastes, Paul Fleming tries to find the purpose of life in the face of its evident senselessness and acquires it in an honest livelihood, friendship, love, faithfulness to God and to his own. The spirit of moral duty and faith in spite of obvious absurdity of the world unites the biblical sage and the German poet. We prove that the text of *The Book of Ecclesiastes* is present in Fleming’s texts implicitly, by the means of allusions, which are introduced by indicative words-concepts. First of all, these are such words as *eitel* and *Eitelkeit*, including the same range of meanings as the general concept of *The Book of Ecclesiastes* – *hābāl*, ‘all that vanishes’, ‘breath’, ‘frailty’, ‘vanity’, ‘fruitlessness’, ‘futility’, ‘absurdity’. The main concepts of Fleming’s poetry, as well as in *The Book of Ecclesiastes*, are also *man*, *God*, *time* and *eternity*. We assert that *The Book of Ecclesiastes* is one of the most important archetexts of P. Fleming’s poetry – meaning- and text-generating texts. In the dialogue with this text the poet develops his artistic world.

Keywords: German poetry of Baroque; poetry of Paul Fleming; The Bible; *The Book of Ecclesiastes*; dialogue of texts; archetext; allusion; concept.

Введение

Пауль Флеминг (*Paul Fleming*, 1609–1640) – один из талантливейших немецких поэтов XVII в. Его жизнь оборвалась слишком рано, в возрасте 30 лет, и он, безусловно, не успел до конца реализовать свое яркое и разностороннее дарование. Однако и то, что сделал Флеминг, поставило его имя в один ряд с крупнейшими немецкими поэтами эпохи – М. Опицем, Ф. фон Логау, А. Грифиусом, К. Г. фон Гофманс-вальдау. Ученик Опица, поэт основанной им Первой силезской школы, Флеминг, в отличие от учителя, теоретика немецкого классицизма, соединившего в поэзии черты классицизма и барокко, был более ярко

выраженным поэтом барокко. В его поэзии наглядно репрезентированы важнейшие темы и стилевые приметы барокко – прежде всего стремление к исследованию парадоксов и антиномий бытия и сознания, контрастное соединение трагизма и почти безудержного гедонизма, пессимизма и веры в стойкость человеческого духа, апелляция к разуму, аналитичность и чувственная яркость, повышенная эмоциональность, усложненная метафоричность, эмблематичность. Важной составляющей художественного мира Флеминга является его диалог с Библией, особенно с Книгой Псалмов и Книгой Экклесиаста, которую в целом можно определить как «осевой» архетекст поэзии барокко (см. об этом подробнее [1]). Творчество П. Флеминга достаточно хорошо изучено в немецком литературоведении¹. В советской науке к нему обращались только Б. И. Пуришев [7; 8] и М. П. Алексеев [9, с. 369–371], и лишь в последнее время оживился интерес российских литературоведов к наследию поэта (А. Г. Майданов [10], С. М. Шаулов [11–13], О. С. Рахманина [14]), которое совершенно не изучено в белорусской науке. При этом проблема библейской архитекстуальности в поэзии П. Флеминга, в том числе и проблема диалога с Экклесиастом, до сих пор не становилась предметом специального рассмотрения ни в зарубежном, ни в белорусском литературоведении.

Цель данного исследования – выявление мотивов Экклесиаста и установление их функций в поэзии П. Флеминга. **Философской и теоретической базой** исследования являются философия диалога М. Бубера и опирающаяся на нее концепция диалога культур (и особенно «диалога текстов») М. М. Бахтина и В. С. Библера, а также обязанный последней теория интертекстуальности (Ю. Кристева, Р. Барт, Ж. Женетт). Кроме того, важной теоретической основой исследования является концепция А. В. Михайлова, интерпретирующего барокко как «завершение риторической эпохи» (см. [15; 16]). **Методология** исследования опирается на завоевания культурно-исторической школы и школы «Новой (Органической) критики». В исследовании применяются компаративный и герменевтический методы, а также методы структурного и целостного анализа текста.

Результаты и их обсуждение

Пауль Флеминг родился в Саксонии, в Гартенштейне, в семье пастора. Он учился в Лейпциге, в латинской школе св. Фомы, затем изучал медицину в Лейпцигском университете. Флеминг писал стихи на латинском и немецком языках. При жизни было напечатано совсем немного: в 1631 г. в Лейпциге были опубликованы сборник любовных стихотворений на латыни и небольшое собрание переложений библейских Псалмов под названием «Давида, древнееврейского царя и пророка, покаянные Псалмы, и Манассии, царя Иудеи, молитва, когда он был уведен в Вавилонский плен. Паулем Флемингом переложены в немецкие стихи» («Davids, des Hebreischen Königs vnd Propheten, Buszpsalme, vnd Manasse, des Königs Juda, Gebet, als er zu Babel gefangen war. Durch Paull Flemmingen in deutsche Reyme gebracht»²). Так определились два основных крыла поэзии Флеминга – латинское и немецкое, ярко-чувственное и религиозно-духовное. Впрочем, в последующем своем развитии поэт соединит оба начала в своих немецких стихотворениях, которые в наибольшей степени выдержали испытание временем.

Спасаясь от бедствий войны и влекомый присущей ему любознательностью, Флеминг в 1633–1639 гг. по приглашению своего друга Адама Олеариуса, или Олеария (*Adam Olearius*; настоящее имя – *Oelschlöger*), известного востоковеда, знатока арабского и персидского языков, этнографа, поэта и дипломата, секретаря Голштинского посольства, принимает участие в экспедиции Голштинского дипломатического и торгового посольства через Россию в Персию. В августе 1633 г. посольство прибыло в Москву и было принято царем Михаилом Федоровичем, первым из династии Романовых. Голштинцы познакомились с Россией до весны 1635 г. Встреча с этой страной, ее городами, реками и огромными пространствами поразила Флеминга и вызвала к жизни довольно большой «русский» цикл. В первую очередь это сонеты, посвященные Москве и написанные с поистине барочной торжественностью и пышностью. Златоглавая Москва предстает в них как *Принцесса (Prinzessin)*, *Благородная Царица городов росссов (Du edle Kaeyserinn der Städte der Ruthenen* [17, S. 524]), красотой которой восхищается поэт. Но главное – над этим городом безоблачное небо. Помня о бедах, терзающих родную Германию, поэт желает Москве и всей русской земле мира и благоденствия. Показателен сонет, написанный перед отъездом из Москвы во время первого посещения России, – «Великому городу Москве, когда он с ней расставался» («An die große Stadt Moskau, als er schied»; в переводе Л. Гинзбурга – «Великому городу Москве, в день расставания»):

¹ Укажем лишь наиболее значительные работы последних десятилетий: Х. Энтнер [2], М. С. Поль [3], Р. Пиетрас [4], М. Тарвас [5], С. Аренд, К. Ситтиг [6].

² Здесь и далее сохраняется оригинальная орфография текстов XVII в.

*Prinzessin deines Reichs, die Holstein Mume nennt,
du wahre Freundin du, durch welcher Gunst wir wagen,
was Fürsten ward versagt und Kön'gen abgeschlagen,
den Weg nach Aufgang zu, wir haben nun erkennt,*

*wie sehr dein freundlichs Herz in unsrer Liebe brennt.
Die Treue wollen wir mit uns nach Osten tragen,
und bei der Wiederkunft in unsern Landen sagen,
das Bündniß ist gemacht, das keine Zeit zertrennt.*

*Des frommen Himmels Gunst, die müsse dich erfreuen,
und alles, was du tust, nach Wundsche dir gedeien,
kein Mars und kein Vulkan dir überlästigt sein!*

*Nim itzo diß Sonnet. Komm ich mit Glücke wieder,
so will ich deinen Preis erhöhn durch stärkre Lieder,
daß deiner Wolgen Schall auch hören sol mein Rhein*
[17, S. 472–473].

*Краса своей земли, Гоштинии родня,
Ты дружбой истинной, в порыве богоравном,
Заказанный иным властителям державным,
Нам открываешь путь в страну истоков дня.*

*Свою любовь к тебе, что пламенней огня,
Мы на Восток несем, горды согласьем славным,
А воротясь домой, поведаем о главном:
Союз наш заключен! Он прочен, как броня!*

*Так пусть во все века сияет над тобою
Войной не тронутое небо голубое,
Пусть никогда твой край не ведает невзгод!*

*Прими пока сонет в залог того, что снова,
На родину придя, найду достойней слово,
Чтоб услышал мой Рейн напевы волжских вод³*
[18, с. 91].

Безусловно, с путешествия голштинцев и поэзии Флеминга начинается история немецко-русских культурных и литературных взаимосвязей. У Флеминга в качестве символов связи культур выступают реки, и, когда поэт говорит о соединении в его стихах Волги и Рейна, он говорит об общении и взаимообогащении культур. Под пером Флеминга едва ли не впервые в мировой литературе обретают живое и полнокровное звучание темы интернационализма, братства народов поверх барьеров, диалога культур. В сонете «На слияние Волги и Камы, в двадцати верстах от Самары» («Über den Zusammenfluß der Wolgen und Kamen, 20. Werste unter Samaren»), написанном 17 августа 1636 г., поэт провозглашает нерушимость союза между Голштинией и Россией. Сам корабль голштинцев, плывущий по волнам русских рек, становится овестьствованной метафорой дружеского союза двух стран:

*Kommt, schauet dieses Schiff, von dem ganz Reußen spricht,
auch diß ist eine Zier der ersten meines Landes,
des treuen Holsteins Pfand, der Knoten eines Bandes,
das zwischen mir und ihm in Ewigkeit nicht bricht⁴* [17, S. 477].

Л. Гинзбург передает последние строки несколько упрощенно, но афористично: *Гоштинии сыны, мы здесь – не на чужбине: / Незыблем наш союз и до скончанья лет!* [18, с. 92]. Глядя на величественное зрелище слияния двух рек, поэт просит Каму не пожалеть своих вод и перелить их в Волгу, ведь ее воды будут питать дальше русские поля и леса:

*Die Wolge fließt vorweg, bestellt die Sicherheit,
beut auf gut Glück und Heil, setzt Wolfahrt ein und schreit,
daß Anfall, Mord und Raub ihr beides Ufer räume*
[17, S. 477].

*И Волга, обновясь, свой да ускорит бег,
Призвавши благодать на тот и этот брег,
Чтоб глад, и мор, и смерть их ввек терзать не смели*
[18, с. 92].

В 1634 г. Флеминг около полугода прожил в Новгороде и написал небольшую поэму-идиллию «В Великом Новгороде россов» («In Gross-Neugart der Reussen») о жизни новгородского крестьянина. Как и положено в идиллии, в поэме представлена идеализированная картина мирного труда на фоне прекрасной природы (при этом Флеминг сохраняет выразительные детали крестьянского быта). Эта идеализация – дань не только жанровой специфике: поэт противопоставляет картины мирной жизни ужасам войны, которые творятся на его родине; в этом свете жизнь русского крестьянина видится ему почти как осуществленная утопия, в которой он ищет отдохновения своей измученной душе.

Получив в России разрешение на торговлю с Персией через Россию, Голштинское посольство в апреле 1635 г. вернулось на родину и в октябре того же года в расширенном составе выехало из Гамбурга во второе путешествие. На этот раз только в марте 1636 г. голштинцы после многих приключений прибыли в Москву (какое-то время члены экспедиции провели в Ревеле (ныне – Таллин), где Флеминг создал поэтический кружок и побудил эстонских поэтов писать по-немецки и на родном языке⁵).

³Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, стихи П. Флеминга цитируются в переводах Л. Гинзбурга.

⁴«Придите, посмотрите на этот корабль, о котором вся Русь говорит, / это также краса первых [людей] моей страны, / залог верной Голштинии, узел союза, / который вечно нерушим между мною и ею» (здесь и далее подстрочный перевод наш. – Г. С.).

⁵Как отмечают эстонские исследователи, благодаря П. Флемингу в первых опытах светской поэзии на эстонском языке сказались уроки его учителя М. Опица (см. [19, с. 383]).

30 июня 1636 г. посольство отправилось из Москвы вплавь по Москве-реке, затем по Оке до Нижнего Новгорода, оттуда – вниз по Волге до Астрахани. В ноябре 1636 г. путешественники потерпели кораблекрушение на Каспийском море. Им пришлось продолжить путь по кавказскому берегу до персидской границы. 3 августа 1637 г. экспедиция достигла Исфахана – столицы Персии. Здесь голштинцы пробыли до 20 декабря того же года.

Восточные впечатления были крайне важны для Флеминга, они существенно расширили его духовные и поэтические горизонты, как и горизонты немецкой культуры в целом. Впервые в европейской поэзии именно Флеминг и его друг Олеарий предприняли попытку освоить персидские мотивы (прежде всего мотивы «Гюлистана» Саади), и этот опыт будет немаловажен для Гердера и Гёте (особенно для его «Западно-восточного дивана»). И все же именно Германия всегда оставалась в центре поэтических усилий Флеминга. В разлуке он ощущает особенно глубинную связь с родиной и приходит к новаторскому решению патриотической темы. В одном из лучших своих сонетов – «К Германии» («An das Deutschland») – поэт, обращаясь к родине как к матери, корит себя за то, что позволил себе в тяжкий час покинуть ее:

*Ja Mutter, es ist wahr. Ich habe diese Zeit,
die Jugend mehr als faul und übel angewendet.
Ich hab' es nicht getan, wie ich mich dir verpfändet.
So lange bin ich aus und denke noch so weit* [17, S. 474].

*Мать-родина! Прости! Жар любопытства влек
Меня из края в край. Я не избег соблазна
И покидал тебя ни с чем несообразно,
Но ничего с собой поделатъ я не мог* [18, с. 93].

Но и в разлуке поэт остается сыном Германии, ведь связь между матерью и сыном не может быть разорвана до конца. Поэт уподобляет себя «слабому судну» (*ein schwaches Boot*), привязанному к большому кораблю (*ans große Schiff*), и приходит к выводу, что родина не только территориальное понятие – родину человек носит в себе самом:

*Ich bin ein schwaches Boot ans große Schiff gehangen,
muß folgen, wie und wenn und wo man denkt hinaus,
ich wil gleich oder nicht. Es wird nichts anders draus.*

*Я лодка малая, привязанная к судну,
Хочу иль не хочу, а следую за ним.
И все же навсегда я остаюсь твоим.*

*Indessen meine nicht, o du mein schwer Verlangen,
ich denke nicht auf dich und was mir Frommen bringt.
Der wonet überall, der nach der Tugend ringt!* [17, S. 474].

*Могу ли я тебя отвергнуть безрассудно?
И в поисках пути, в далекой стороне,
Я смутно сознаю: я дома – ты во мне...* [18, с. 93].

Так и не добившись каких-либо существенных результатов в персидской столице, посольство отправилось обратно тем же путем – через Кавказ и Астрахань, вверх по Волге, Оке, Москве-реке до Москвы, оттуда – в Голштинию, и 30 июля 1639 г. путешественники вернулись в Гамбург, где Флеминг вскоре тяжело заболел и умер 31 марта 1640 г. За три дня до своей кончины поэт написал собственную «Эпитафию» («Herrn Pauli Flemingi der Med. Doct. Grabschrift»), в которой с необычайным мужеством выразил перед лицом смерти готовность уйти из этого мира с чувством исполненного долга, ощущая себя до конца, даже в смерти, живым, веря, что он не будет забыт, что его поэзия будет звучать, пока существует земной мир:

*Ich war an Kunst und Gut und Stande groß und reich,
des Glückes lieber Sohn, von Eltern guter Ehren,
frei, meine, kunte mich aus meinen Mitteln nähren,
mein Schallfloh über weit, kein Landsman sang mir gleich,
von Reisen hochgepreist, für keiner Mühe bleich,
jung, wachsam, unbesorgt. Man wird mich nennen hören,
bis daß die letzte Glut diß Alles wird verstören.
Diß, deutsche Klarien, diß Ganze dank' ich euch.*

*Я процветал в трудах, в искусствах и в бою,
Избранник счастья, горд именитым родом,
Ничем не обделен – ни славой, ни доходом.
Я знал, что звонче всех в Германии пою.*

*Verzeiht mir, bin ichs wert, Gott, Vater, Liebste, Freunde,
ich, sag' ench gute Nacht und trete willig ab.
Sonst Alles ist getan bis an das schwarze Grab.*

*Влекомый к странствиям, блуждал в чуждом краю.
Беспечен, молод был, любим своим народом...
Пусть рухнет целый мир под нашим небосводом,
Судьба оставит песнь немецкую мою!*

*Was frei dem Tode steht, das tu er seinem Feinde.
Was bin ich viel besorgt, den Othem aufzugeben?
An mir ist minder Nichts, das lebet, als mein Leben* [17, S. 460].

*Прощайте вы, Господь, отец, подруга, братья!
Спокойной ночи! Я готов в могилу лечь.
Коль смертный час настал, то смерти не перечь.
Она зовет, себя готов отдать я.*

*Не плачьте ж надо мной на предстоящей тризне.
Все умерло во мне... Все... Кроме искры жизни* [18, с. 93–94].

Собрание «Немецких стихотворений» Флеминга («Teütsche Poemata», 1646) было издано после его смерти А. Олеарием, который опубликовал также и сборник латинских стихотворений своего друга –

«Новые эпиграммы» («Novi Epigrammata», 1649). Олеарий также включил стихотворения, написанные Флемингом во время их совместного путешествия, в качестве поэтических иллюстраций в свою ставшую широко известной книгу «Описание нового путешествия на Восток» («Beschreibung der neuen Orientalischen Reise», 1647).

Поэзия Флеминга намного пережила его эпоху и оказалась созвучной мыслям и чувствам человека XX–XXI вв. Произошло это во многом потому, что поэт чрезвычайно точно выразил свое время, его радости и скорби, его трагические противоречия. Более того, он глубоко проник в загадку самого времени, пожалуй, больше всего тревожившую его современников, как и вообще людей разных эпох. Сделать это ему во многом помог диалог с Экклесиастом, для которого проблемы смысла жизни, возможности или невозможности полноты счастья в этом бренном мире, его противоречивости и абсурдности, непостижимости Бога и Его замыслов являются ключевыми, а концепт «время» – одним из важнейших. Какой путь должен выбрать человек, чтобы его хрупкая жизнь обрела смысл, перестала быть «суею», «тщетой»? Как сохранить верность Богу и самому себе в мире, где царит несправедливость и где, кажется, Божий Промысел неощутим или таинственно сокрыт? Возможно ли радоваться этому миру, если он во многом призрачный, неподлинный, тщетный, абсурдный? Эти и другие вопросы, поставленные Экклесиастом (см. подробнее [20]), были чрезвычайно актуальны для П. Флеминга и его эпохи. В сонете «Все тщетно» («Daß Alles eitel sei»), само название которого паратекстуально отсылает к Экклесиасту, поэт говорит:

*Was, sprichst du, ist es wol, darauf du dich bemühst?
Kunst, Ehre, Reichtum, Lust, die Lüften gleich und Güssen
mit uns selbst schießen hin? Ich auch, Freund, bin geflossen
auf eben diesen Sinn, auf den du weislich siehst.*

*Ich weiß es mehr als wol, daß Alles eitel ist.
Wie aber kömmt es doch, daß wider unser Wissen
wir etwas, das nicht ist, doch schöne heißen müssen,
daß der ein Anders tut, ein Anders ihm erliest?*

*In Unvollkommenheit vollkommen werden wollen,
das machet unsern Sinn auf Neues so geschwollen,
erfüllet auf den Schein, am leichten Winde schwer,*

*an vollem Mangel reich. Wer kan von Herzen sagen:
Ich bin vergnügt in mir, weiß weder Lust noch Klagen.
Wie eitel Alles ist, der Mensch ist eitel mehr!⁶ [17, S. 446].*

Этот сонет является самым настоящим соразмышлением Экклесиасту, который начинает серию своих горьких вопросов вопросом о тщете всех усилий и трудов человека: «Что пользы человеку от всех его трудов, над которыми трудится он под солнцем?» (Еккл 1:3) [21, с. 41]⁷. Бесконечно повторяя, что все суе (таков традиционный перевод на русский язык многозначного генерального экклесиастовского концепта *hābāl* ‘пар’, ‘дыхание’, ‘дуновение’, ‘пустота’, ‘ничто’, ‘ничтожность’, ‘суеа’, ‘тщета’, ‘напрасность’, ‘абсурдность’⁸), более того – «суеа суе» (*hābāl hābālīm* – форма превосходной степени в иврите, означающая в данном случае высшую форму суеа), библейский мудрец рассматривает все земные дела и намерения человека как формы суеа. Но вопреки этой суеа (точнее, тщете) он устремлен к высшему смыслу, который невозможен без Бога (*И о своем Создателе помни с юных дней... (Еккл 12:1) [21, с. 64]; Бога бойся, храни Его заветы... (Еккл 12:13) [21, с. 66]*). Бог сотворил прекрасный мир, который лишь человек превращает в мир суеа, в юдоль страданий. Задача человека – быть верным себе и Богу, довольствоваться собой и простыми, но вечными ценностями жизни – дружбой, любовью, трудом, который приносит радость: *Вот что я увидел благим и прекрасным: / Есть и пить, и видеть благо в своих трудах – / Над чем кто трудится под солнцем / В считанные дни своей жизни, что дал ему Бог... (Еккл 5:17) [21, с. 51–52]*. Многие идеи Экклесиаста перекликаются с учением античных стоиков, но еще более – со стоицизмом Нового времени, согласно которому главную опору

⁶ «Что, говоришь ты, есть то благое, к чему ты стремишься? / Искусство, слава, власть, наслаждение, которые, подобно ветрам и ливням, / стремительно от нас уходят? Я также, друг, прилежно следую / тому смыслу, на который ты мудро указываешь. // Я знаю: более чем благо то, что все тщетно. / Но как же получается, что, вопреки нашему знанию, / мы нечто, что не является таковым, называем прекрасным, / что то, что делает один, отбирает другой? // Чтобы в несовершенстве стать совершенными, / мы должны наполнить себя новым смыслом, / исполниться сиянием веселее легкого ветра, // богаче любой нехватки. Кто может от всего сердца сказать: / Я довольствуюсь собой, не будет подвластен ни радости, ни печали. / Как тщетно все, человек тщетен более всего!»

⁷ Здесь и далее Книга Экклесиаста цитируется в переводе выдающегося российского ассириолога и гебраиста И. М. Дьяконова.

⁸ О спектре значений слова *hābāl* в Библии в целом и у Экклесиаста см. подробнее [20, с. 105–109].

человек должен искать не только в себе самом, но прежде всего в Боге. Этот момент еще более акцентирует в своем сонете Флеминг, опираясь на мистические учения Майстера Экхарта и особенно Якоба Бёме⁹, полагающих, что человек обретает Бога в глубинах собственного духа и только тогда может избежать тщеты, когда рождает Бога в себе самом, наполняет душу Божественным светом. Это то сияние, о котором говорит немецкий поэт в финале своего сонета.

Художественный мир Флеминга отличается контрастным, антиномичным – в духе барочного принципа *discordia concors* – соединением несоединимого. С одной стороны, он поражает невероятным буйством красок, неистовостью и щедростью чувств, необычайным жизнелюбием, с другой – острым ощущением хрупкости и трагизма бытия. С одной стороны – удивительная цельность мировосприятия, с другой – разорванность и метания духа. Но и через эти метания душа поэта стремится к целостности, гармонии с собой и миром. Все это присуще и миру Экклесиаста, который сквозь горькие смыслоутраты ищет смысл бытия и, говоря о тщетности жизни, призывает наслаждаться ее простыми радостями, хранить верность Богу и Его заповедям.

Поэзия Флеминга отличается удивительным жизнелюбием. В ней очень сильны гедонистические мотивы, особенно в любовно-эротической поэзии (например, стихотворение «Как бы он хотел, чтобы его целовали» («Wie Er wolte geküsst seyn»), в котором поэт продолжает традицию «стихов о поцелуях», или «*basia*-стихотворений», начатую еще Катуллом). В любовной лирике Флеминга при всем внешнем следовании канонам Петрарки (особенно в сонетах, написанных на латинском языке) заявлена, как и у Дж. Марино, антипетраркистская позиция, полемически направленная против эпигонов Петрарки: поэт прославляет земную страсть, любовь в единстве духовного и телесного начал. При этом он опирается на ту концепцию любви, которая представлена в Песни Песней, и словно бы выполняет наказ Экклесиаста:

Так ешь же в радости хлеб твой и с легким сердцем пей вино – / Ибо угодны Богу твои деянья. / Во всякое время да будут белы твои одежды, / И пусть не оскудевает на голове твоей умощенье; // Наслаждайся жизнью с женщиной, которую любишь, / Во все дни твоей тщетной жизни, / Которые дал тебе Он под солнцем... (Еккл 9:7–9) [21, с. 59–60]; Радуйся, юноша, молодости своей, / И в дни юности твоей да будет сердцу благо: / Иди по пути, которым влечет тебя сердце... (Еккл 11:9) [21, с. 64].

Характеризуя художественный мир Флеминга, Б. И. Пуришев пишет: «Мир выступает у Флеминга в праздничных одеждах. Приветствуя новобрачных, на землю льются солнечные лучи; набухло чрево земли перед близкими родами; вздымается зеленое озеро; источники брызжут из земных жил, принарядились долины, изукрашились поляны, блещет убранство гор; растут “волосы лесов”; и небо и солнце, поля и озера, источники, сады и скалы, долины, леса и горы – все поет сладостную брачную песню (сонет “На одну свадьбу”). Любовь обновляет землю. Она повсюду. И поэт погружается в радости любви, как в необъятное море. Оно несет его на своих высоких волнах. Возлюбленная дорожка для него всех сокровищ мира (“Похвальное слово одной”). О, как хотел бы он, чтобы все его тело стало сплошным ртом, созданным для поцелуев! (“К ее устам”). Но не только хмельная любовь влечет к себе поэта. Его радуют и восхищают звуки, ароматы и краски раскинувшейся вокруг него Вселенной. Природа несет ему тучные гирлянды своих плодов. И Флеминг, как истинный язычник, приемлет эти роскошные дары природы. Он слышит голоса дриад, ореад и сельванов. Он видит, как плещутся в речной воде наяды. Ведь он, как язычник, влюблен в красочное великолепие мира. Не случайно он так любит цветы. Цветы сплетаются у него в роскошные венки. Май разукрашивает цветами девичьи щеки (“Для одной девушки”). Мир не существует для него без красочного убранства» [8, с. 240].

Отдавая должное этой яркой, праздничной – в духе самого поэта – характеристике его творчества, позволим себе заметить, что вряд ли можно всерьез говорить о язычестве Флеминга (разве только метафорически). Его мироощущение окрашено сильными тонами панентеизма: за каждым явлением тварного мира стоит Творец, присутствие Которого человек не только постигает разумом через мудрые законы природы, но прежде всего через интуитивное вчувствование и эмоциональное постижение красоты мира. Во многих стихотворениях Флеминга, кажущихся лишь прославлением чувственных радостей бытия и внешнего великолепия мира, сквозят мистические подтексты. Однако и в самом упоении жизнью у Флеминга ощущается щемяще-тревожная нота: он ни на мгновение не забывает, что все чувственное великолепие мира, все живое обречено уйти, исчезнуть, что земная жизнь предельно коротка; к тому же катастрофическое время, властно вторгающееся в сверкающий мир, созданный воображением поэта, усиливает ощущение бренности, дисгармоничности, абсурдности мира. Б. И. Пуришев отмечает: «При всем том в языческой поэзии Флеминга есть нечто тревожное. Уж очень напряжены его

⁹О важности для Флеминга мистической философии Я. Бёме см. подробнее [13].

страсти, уж очень афиширует поэт свое клокочущее жизнелюбие, как будто стремится оглушить себя каскадом чувственных радостей. Ведь жить приходилось Флемингу в свирепое, мрачное время. Поэтому за взрывами бурного веселья у него неотступно таится мысль о быстротечности, уязвимости всего земного, и он призывает возлюбленную ловить краткие миги наслаждения (“Побуждение к радости”). <...> В упоении воспев солнце радости и радость солнца, Флеминг заявляет, что душа человека больна (сонет “Он все свершил достойно”), и в приступе меланхолии даже отрекается от мира, который он так любил, называя его “чадом”, скоплением вредных паров (сонет “Новое намерение”). С вакхическим сенсуализмом сталкивается у Флеминга религиозное отречение. Так дух барокко, порожденный трагизмом немецкой жизни, овладевает поэзией талантливого оппонианта» [8, с. 240].

Действительно, через поэзию Флеминга говорит сам дух барокко с его контрастами, с присущими ему в равной степени гедонизмом и аскетизмом, чувственностью и мистицизмом, с его судорожными, экстатическими порывами и метаниями. В упомянутом Б. И. Пуришевым сонете «Новое намерение» («*Neuer Vorsatz*») наглядно и показательно для барокко сталкиваются самый отчаянный пессимизм, ощущение бессмысленности этого мира, который не более чем «чад», «мгла» (*Dunst*) и с которым хочется распрощаться как можно быстрее (эта мысль неоднократно звучит и у Экклесиаста), и столь же отчаянная вера в силу человеческого духа, способного вырваться из тисков тщеты, – при условии, что человек сможет, отринув собственный эгоизм, собственную волю, исполниться волей Божьей – Высшим Благом:

*Hin, Welt, du Dunst; von itzt an schwing' ich mich
frei, ledig, los, hoch über mich und dich
und Alles das, was hoch heißt und dir heißet.*

*Das höchste Gut erfüllet mich mit sich,
macht hoch, macht reich. Ich bin nun nicht mehr ich.
Trutz dem, das mich in mich zurücke reiþet!*¹⁰ [17, S. 449].

Речь идет о порыве человеческого духа из тисков плоти к Богу, о вожделенном для христианского мистика состоянии мистического единения с Богом – *unio mystica*, окончательно открывающегося в смерти, которая и становится подлинным рождением души. Здесь, несомненно, содержатся отзвуки идей Я. Бёме о преодолении «самости» (*Ichheit*) как пути освобождения места воле Божьей в душе человека, а также учения И. Таулера и Я. Бёме о «внутреннем» (подлинно духовном) и «внешнем» (телесном) человеке, восходящего к апостолу Павлу.

Лучшие стихотворения Флеминга выражают бесконечное, говоря словами Экклесиаста, «томление духа», рисуют сложнейшую картину человеческой души, пытающейся постичь смысл этой жизни:

*Зачем я одержим духовным этим гладом,
Пытаясь в суть вещей проникнуть алчным взглядом?
Зачем стремлением мой ум воспламенен
Прозреть событий связь и сложный ход времен?
Когда б постиг я все искусства и науки,
Все золото земли когда б далось мне в руки,
Когда бы я – поэт – в отечестве моем
Некоронованным считался королем,
Когда б (чего ни с кем доселе не бывало)
Не дух, а плоть мою бессмертье ожидало,
И страха смертного я сбросил бы ярем, –
Могли бы вы сказать: «Он обладает всем!»
Но что такое «всё» среди земной печали?
Тень призрака. Конец, таящийся в начале.
Шар, полный пустоты. Жизнь, данная нам зря.
Звук отзвука. Ничто, короче говоря* [18, с. 84].

Нетрудно заметить, что Флеминг исходит из того же тезиса, что и Экклесиаст, – о невозможности окончательного рационального объяснения мира, проникновения в сущность вещей, из мысли о том, что «умножающий знание печаль умножает» (*Еккл 1:18*) [21, с. 43]. Одно только, утверждает поэт, мы

¹⁰ «Прочь, мир, ты чад; отныне взмываю ввысь, / свободный, одинокий, избавленный, высоко над собой и тобой, / и всем тем, что зовется высоким и называется тобою. // Высшее Благо наполняет меня собой, / делает высоким, делает богатым. Я больше не я – / Вопреки тому, что меня в меня назад вырывает!»

понимаем до конца: бренность и относительность нашей земной жизни, ее тщетность. Горькое определение *ничто*, отсылающее к главному эkkлeсиастовскому концепту, венчает стихотворение, как приговор.

Не менее сложная картина духовной и душевной жизни человека предстает в стихотворении «Спор с самим собой». В нем не только акцентированы барочные парадоксы, контрасты, антиномичность, принцип *discordia concors*, но и ярко преломляются жанровые черты диатрибы, свойственные Эkkлeсиасту, часто ведущему спор с самим собой:

*Напрасен весь мой труд, но, в исступленье страстном,
Я только и живу трудом своим напрасным,
Как если бы я был с рассудком не в ладу.
Так я с самим собой безмолвный спор веду.
С самим собой мирюсь и снова в бой вступаю,
Себя себе продаю, себя я покупаю.
И мой заклятый враг в сей призрачной войне
То валит с ног меня, то поддается мне...
Я сам – свой друг и враг. Во мне ведут сраженья
Война и мир... Когда ж, устав в изнеможенье,
Плоть просит отдыха, мой ошалевший дух,
Из тела вырвавшись, как молодой петух,
Кричит, беснуется и – неразумный кочет, –
Где надо бы рыдать, неистово хохочет [18, с. 84–85].*

Некоторые стихотворения Флеминга обнаруживают удивительные параллели с поэзией Дж. Донна, особенно с его философией смерти, с осмыслением смерти как пути к подлинной жизни. Кроме того, важны мотивы внутреннего борения, преодоления тщеты в себе, жажды полного слияния с Богом, выраженные религиозно-философским и одновременно любовно-эротическим языком, сходным с языком «Священных сонетов» Донна. Прекрасным примером такого стихотворения, чрезвычайно показательного для поэтики барокко и содержащего в себе, помимо апелляции к евангельским смыслам, аллюзии на Книгу Эkkлeсиаста, является «Озарение» («Andacht») Флеминга:

*Ich lebe, doch nicht ich; derselbe lebt in mir;
der mir durch seinen Tod das Leben bringt herfür.
Mein Leben war sein Tod, sein Tod war mir mein Leben,
nur geh' ich wieder ihm, was er mir hat gegeben.
Er lebt durch meinen Tod, mir sterb' ich täglich ab.
Der Leib, mein irdnes Teil, der ist der Seelen Grab,
er lebt nur auf den Schein. Wer ewig nicht wil sterben,
der muß hier in der Zeit verwesen und verderben,
weil er noch sterben kan. Der Tod, der geistlich heißt,
der ist alsdann zu spat, wann uns sein Freund hinreißt,
der unsern Leib bringt um. Herr, gieb mir die Genade,
daß dieses Leibes Brauch nicht meiner Seelen schade.
Mein Alles und mein Nichts, mein Leben, meinen Tod,
das hab' ich bei mir selbst. Hilfst du, so hats nicht Not.
Ich wil, ich mag, ich sol, ich kan mir selbst nicht raten,
dich wil ichs lassen tun, du hast bei dir die Taten.
Die Wünsche tu ich nur, ich lasse mich ganz dir.
Ich wil nicht meine sein. Nim mich nur, gieb dich mir!*
[17, S. 29–30].

*Я жив. Но жив не я. Нет, я в себе таю
Того, Кто дал мне жизнь в обмен на смерть Свою.
Он умер, я воскрес, присвоив жизнь Живого.
Теперь ролями с Ним меняемся мы снова.
Моей Он смертью жив. Я отмираю в Нем.
Плоть – склеп моей души – ветшает с каждым днем.
Обманчив жизни блеск. Кто к смерти не стремится,
Тому под бременем скорбей не распрямиться!
Страшитесь, смертные, дух променять на плоть!
От искушения избавь меня, Господь!
Постиж всем существом я высшую идею:
Все то, чего лишен, и все, чем я владею,
И смерть моя, и жизнь со смертью наравне,
Смысл и бессмыслица содержатся во мне!
Какое же принять мне следует решение?
Я смею лишь желать. Тебе дано свершение.
Освободив мой ум от суетной тщеты,
Возьми меня всего и мне предайся Ты!*

[18, с. 85].

В первых двух строках стихотворения речь, конечно же, идет о Сыне Божьем, Его воплощенном Слове – Иисусе Христе, в слиянии с которым христианин рождает в себе «внутреннего человека» и обретает вечную жизнь. Акцентируя суетность и тщету человеческой жизни, Флеминг, как и многие поэты его эпохи, видит избавление от них в жизни вечной, открывающейся в смерти, во всепоглощающей любви к Богу, Которого человек обретает в себе самом. В брэнной земной жизни человек должен учиться преодолевать свою «самость» и помнить о данной ему свободе нравственного выбора: *Mein Alles und mein Nichts, mein Leben, meinen Tod, / das hab' ich bei mir selbst* («Мое все и мое ничто, моя жизнь, моя смерть, / это все во мне самом»). Об этой же антиномичности человека, содержащего в себе смысл и бессмыслицу, вечность и тщету, жизнь и смерть, размышляет и Эkkлeсиаст.

О свободе воли, верности человека самому себе Флеминг говорит в одном из лучших своих сонетов – «К себе» («An Sich»). Это название отсылает к знаменитому трактату Марка Аврелия «К самому себе», одной из настольных книг неостоииков:

*Sey dennoch unverzagt. Gieb dennoch unverlohren.
Weich keinem Glücke nicht. Steh' höher als der Neid.
Vergnüge dich an dir und acht es für kein Leid
hat sich gleich wieder dich Glück', Ort und Zeit verschworen.*
*Was dich betrübt und labt, halt alles für erkohren.
Nimm dein Verhängnüss an. Lass' alles unbetreut.
Thu, was gethan muss seyn, und eh man dirs gebeut.
Was du noch hoffen kanst, das wird noch stets gebohren.*
*Was klagt, was lobt man doch? Sein Unglück und sein Glücke
ist ihm ein ieder selbst. Schau alle Sachen an.
Diss alles ist in dir, lass deinen eiteln Wahn,
und eh du förder gehst, so geh' in dich zu rücke.
Wer sein selbst Meister ist und sich beherrschen kan,
dem ist die weite Welt und alles unterthan*¹¹ [17, S. 472].

Приведем перевод Л. Гинзбурга:

*Будь тверд без черствости, приветлив без жеманства,
Встань выше зависти, довольствуйся собой!
От счастья не беги и не считай бедой
Коварство времени и сумрачность пространства.*
*Ни радость, ни печаль не знают постоянства:
Чередование их предрешено судьбой.
Не сожалей о том, что сделано тобой,
А исполняй свой долг, чураясь окаянства.*
*Что славить? Что хулить? И счастье и несчастье
Лежат в тебе самом!.. Свои поступки взвесь!
Стремясь вперед, взгляни, куда ты шел поднесь.*
*Тому лишь, кто, презрев губительную спесь,
У самого себя находится во власти,
Подвластна будет жизнь, мир покорится весь!* [18, с. 82–83].

Перед нами яркий манифест эпохи неостоицизма: главную этическую задачу человека поэт видит в сохранении целостности своего Я, верности самому себе, ответственности перед собой и миром. Стоическое понятие Постоянства (*Constantia*) реализуется уже через энергичные императивы, которыми насыщен в оригинале первый катрен. Переводчику в основном удалось это сохранить, но при этом «выпало» важное по смыслу выражение «пребудь непотерянным». Зато Л. Гинзбург совершенно точно передает столь важный призыв поэта: *Vergnüge dich an dir.. (Довольствуйся собой!)*. В этой фразе выражена ключевая позиция стоической философии: истинный мудрец довольствуется малым и живет в согласии с самим собой, принимая в равной степени как удары, так и дары судьбы. Чрезвычайно важной является для Флеминга также мысль о том, что истинные причины и счастья, и несчастья – не вовне, но внутри человека (это вполне соответствует позиции библейских пророков, предлагавших искать причину несчастий в себе самом, выдвинувших этический критерий в оценке судьбы человека и исторической судьбы народа). Именно поэтому поэт призывает прежде всего всмотреться в себя самого, понять себя.

¹¹ «И все-таки мужайся [не падай духом]. Не дай себе потеряться [пребудь непотерянным]. / Не уклоняйся от счастья. Встань выше зависти. / Довольствуйся собой и не считай бедой то, / что против тебя в равной степени счастье, место и время вступили в заговор. // Что тебя печалит и услаждает – все принимай, как избрание. / Прими свое прошлое. Не сожалей ни о чем. / Делай то, что должно, и раньше, чем этого от тебя потребуют. / То, на что ты надеешься, всегда свершится. // На что же жаловаться? Что же хвалить? Счастье и несчастье каждого – / В нем самом. Посмотри на все вещи [дела]. / Все это в тебе, оставь свой тщетный самообман [тщетное заблуждение], // и, прежде чем ты дальше пойдешь, вернись к себе самому. / Кто сам себе мастер и может господствовать над собой, / тому широкий мир и всё покорится».

Не менее важен для Флеминга, как и для стоицизма и неостоицизма, пафос морального долга. Он вполне знаком и Экклесиасту: *Сей семена с утра и рук до вечера не покладай, / Ибо ты не знаешь, что удастся – то или это...* (Еккл 11:6) [21, с. 63]. Согласно идее Флеминга, секрет жизненного успеха в этой непредсказуемой жизни заключается в умении победить самого себя, подчинить себя необходимости, ставшей внутренним выбором. Это заставляет вспомнить не только слова Спинозы о свободе как «осознанной необходимости», но и размышления Бен-Сиры, акцентирующего свободу воли, данную Богом человеку: *Он [Бог] от начала сотворил человека и оставил его в руке произволения его. // Если хочешь, соблюдеши заповеди и сохраниши благоугодную верность. // Он предложил тебе огонь и воду: на что хочешь, прострешь руку твою. // Пред человеком жизнь и смерть, и чего он пожелает, то и дастся ему* (Сир 15:14–17; Синодальный перевод).

Чтобы стать «мастером самому себе», необходимо, согласно Флемингу, расстаться с суестью, тщеславием, «тщетным самообманом», «пустыми иллюзиями». *Eitel* – знаковое слово, отсылающее к топике Экклесиаста, ведь именно оно в Лютеровской Библии становится главным эквивалентом слова *hābāl* и имеет те же оттенки: «преходящее», «пустое», «ложное», «ничто», «суесть», «тщета». *Das ist auch eitel* 'Это также тщета [суесть]', – повторяется в немецком переводе Экклесиаста. *Es ist alles ganz eitel, sprach der Prediger, es ist alles ganz eitel* (Pred 1:2) [22, S. 657]. В некоторых случаях с тем же значением употребляется существительное от того же корня: *Eitelkeit: Denn je mehr Worte, desto mehr Eitelkeit...* (Pred 6:11) [22, S. 661].

Достоинство человека, считает Флеминг, и заключается в его способности преодолеть тщету – прежде всего в себе самом, не соблазняться суетными благами, иллюзиями, обилием слов, за которыми не стоят никакие дела или – еще хуже – стоят дурные поступки. Поэтому поэт формулирует, призывая к действию: *Thu, was gethan muss seyn, und eh man dirs gebeut* 'Делай, что должен делать, и раньше, чем от тебя этого потребуют'. Это можно поставить в параллель призыву Экклесиаста: *Все, что готова рука твоя делать, в меру сил твоих делай, / Ибо нет ни дела, ни замысла, ни мудрости, ни знания / В преисподней, куда ты уходишь* (Еккл 9:10) [21, с. 60]. В немецком переводе это передано следующим образом: *Alles, was dir vor die Hände kommt, es zu tun mit deiner Kraft, das tu; denn bei den Toten, zu denen du fährst, gibt es weder Tun noch Denken, weder Erkenntnis noch Weisheit* (Pred 9:10) [22, S. 663].

Вслед за Экклесиастом Флеминг размышляет о проблеме времени и о том, как выстоять человеку в потоке быстротекущего времени и его вечном круговороте: *Auch weiss der Mensch seine Zeit nicht...* (Pred 9:12) [22, S. 663] – 'Также не знает человек своего времени...' (Еккл 9:12) (ср.: *Так и человек не знает срока...* [21, с. 60]). Кажется, откликом на эти слова библейского мудреца становится стихотворение Флеминга «Мысли о времени» («Gedanken über der Zeit»; в переводе Л. Гинзбурга – «Размышление о времени»):

*Ihr lebet in der Zeit und kennt doch keine Zeit,
So wisst Ihr Menschen nicht von und in was Ihr seyd.
Diss wisst Ihr, dass ihr seyd in einer Zeit gebohren.
Und dass ihr werdet auch in einer Zeit verlohren.
Was aber war die Zeit, die euch in sich gebracht?
Und was wird diese seyn, die euch zu nichts mehr macht?
Die Zeit ist was und nichts. Der Mensch in gleichem Falle.
Doch was dasselbe was und nichts sey zweifeln alle.
Die Zeit die stirbt in sich und zeucht sich auch aus sich.
Diss kömmt aus mir und dir, von dem du bist und ich.
Der Mensch ist in der Zeit; sie ist in ihm ingleichen.
Doch aber muss der Mensch, wenn sie noch bleibet, weichen.
Die Zeit ist, was ihr seyd, und ihr seyd, was die Zeit,
Nur dass ihr Wenger noch, als was die Zeit ist, seyd.
Ach dass doch jene Zeit, die ohne Zeit ist kähme,
Und uns aus dieser Zeit in ihre Zeiten nähme.
Und aus uns selbst uns, dass wir gleich köndten seyn,
Wie der itzt jener Zeit, die keine Zeit, geht ein!¹² [17, S. 30].*

¹² Вы живете во времени и все-таки не знаете времени. / Так не знаете вы, люди, о себе и о том, что с вами будет. / Также не знаете вы, почему в какое-то время родились, / И не знаете, в какое время уйдете. / Что за время было, которое вас в себе принесло? / И чем будет то, которое вас сделает ничем? / Время – это нечто и ничто. Человек похож на него. / И все же как одно и то же может быть чем-то и ничем, сомневаются все. / Время, которое умирает в себе и вытягивает себя из себя. / Из меня и тебя приходит то, из которого появились ты и я. / Человек находится во времени; одновременно оно – в нем. / Но все-таки должен человек, если оно еще остается, отступить [подчиниться]. / Время есть то, что вы есть, и вы есть то, что время, / Только не становитесь меньше, чем ваше время. / Ах, когда же придет то время, которое без времени, / И нас из этого времени в свои времена возьмет. / И из нас собственно нас уведет, чтобы мы подобными смогли стать Тому, / Кто есть Тот, для Кого время – не время'.

Стихотворение представляет собой, как это часто бывает у Флеминга, самый настоящий философский трактат, написанный к тому же с неотразимой художественной силой. Размышляя о времени, поэт справедливо говорит, что это одна из самых больших загадок для человека, в равной степени как и «время без времени» – вечность. Человеку дано знать о ней и стремиться к ней, но живет он во времени, которое к тому же необратимо. Оно неумолимо влечет человека к уходу из времени, и порой он не успевает даже понять, для чего же пришел на землю. Время – нечто неуловимое, неосязаемое, и вместе с тем оно определяет все. «Время – это нечто и ничто». Поэт мудро замечает, что мы, люди, в этом смысле похожи на время, в зависимости от того, какой след мы оставляем в нем. Флеминг приходит к глубокому осмыслению самого понятия «время» не как чего-то, существующего только извне и определяющего человека, но проходящего также сквозь человека и определяемого им. Мы живем во времени, а время – в нас; нас определяет время, но мы – его: *Der Mensch ist in der Zeit; sie ist in ihm ingeleichen* 'Человек – во времени, равно как и оно – в нем'. Тем самым поэт утверждает величайшую ответственность каждого человека перед своим временем и своей эпохой. Смысл же любому быстротекущему времени, как и историческому времени вообще, придает для человека знание, что он когда-нибудь перешагнет границу времени и приобщится к вечности – предстанет перед Богом, Который неподвластен времени, Который Сам – Творец времени. Именно смерть выводит из человека его подлинное Я – «собственно нас», т. е. «внутреннего человека», освобождая его от «человека внешнего».

Многочисленными нитями «Мысли о времени» связаны с размышлениями Экклесиаста о смысле бренной человеческой жизни, загадке ускользающего времени, в котором человек чаще всего не знает, не может понять, чему пришло время, которое к тому же кажется повторяющимся, вращающимся по кругу:

Всему свой час, и время всякому делу под небесами: // Время родиться и время умирать, / Время насаждать и время вырывать насаждения, // Время убивать и время исцелять, / Время разрушать и время строить, // Время плакать и время смеяться, / Время рыдания и время пляске, // Время разбрасывать камни и время складывать камни, / Время обнимать и время избегать объятий, // Время искать и время терять, / Время хранить и время тратить, // Время рвать и время шивать, / Время молчать и время говорить, // Время любить и время ненавидеть, / Время войне и время миру (Еккл 3:1–8) [21, с. 46–47].

Труднее всего, рассуждает библейский мудрец, постичь тайну своего времени, попасть в ногу со временем. Но именно человеку определена Творцом и более сложная задача – выходить мыслью за пределы своего времени, своего краткого существования, обнимать собою вечность и стремиться к ней:

Я увидел задачу, которую дал Бог решать сынам человека: Сделал он так, чтобы все было прекрасным в свой срок, / Но и вечность вложил им в сердце: / Чтоб дела, творимые Богом, / От начала и до конца не мог постичь человек (Еккл 3:10–11) [21, с. 47].

Концепция времени, предстающая в Книге Экклесиаста, антиномична и диалектична, как и в Библии в целом. Библия впервые размыкает замкнутый круг циклического языческого времени, впервые открывает время как осмысленное, направленное движение, а вместе с этим – и смысл истории, идущей через падения и взлеты к осуществлению Божественного Добра во всемирном масштабе, к Мессианской эре. Таково понимание времени и в Ветхом, и в Новом Завете, но в последнем чувство близящегося преобразования мира выражено еще более отчетливо и обостренно. У Экклесиаста уже в первой главе мы находим размышления о вечном круговращении мироздания, «вечном возвращении». Однако то, что являлось позитивным для языческой (особенно эллинской) мысли, вызывает у библейского мудреца горький скепсис и страдания: в повторяемости всего, в том числе и человеческих благоглупостей, теряется смысл. Как справедливо замечает С. С. Аверинцев, «автор книги мучительно сомневается, а значит, остро нуждается не в мировой гармонии, но в мировом смысле. Его тоска – как бы подтверждение от противного той идеи поступательного, целесообразного движения, которая так важна и характерна для древнееврейской литературы в целом» [23, с. 296]. Таким образом, Экклесиаст, которого часто именуют скептиком и считают выбивающимся из общей библейской традиции, верен духу Библии – духу осмысленного движения времени, устремленного в будущее, к Миру Грядущему (*Олам га-ба*), обретающего окончательный смысл в Царстве Божьем (*Малькут Элоhim*). Эта идея соединяет Ветхий и Новый Заветы, в единстве которых существует христианское Священное Писание (как писал Августин Блаженный, *Новый Завет в Ветхом скрывается, / Ветхий – в Новом открывается*). Подчеркнем, что именно для барокко концепция времени, представленная в Книге Экклесиаста, как и его скепсис и концептуальное мышление, оказываются чрезвычайно актуальными.

Размышляя над загадкой времени, Флеминг в своем поэтическом шедевре в большей степени в сравнении с Экклесиастом акцентирует зависимость времени от человека и ответственность последнего перед временем. Стихотворение построено на мастерской игре со словом «время» (*die Zeit*), которое обретает новые и неожиданные смысловые оттенки в зависимости от контекста, от того или иного поворота мысли поэта. Эту игру постарался сохранить Л. Гинзбург в своем переводе, хотя какие-то смысловые оттенки неизбежно утратились:

*Во времени живя, мы времени не знаем.
Тем самым мы себя самих не понимаем.
В какое время мы, однако, родились?
Какое время нам прикажет: «Удались!»
А как нам распознать, что наше время значит
И что за будущее наше время прячет?
Весьма различны времена по временам:
То нечто, то ничто – они подобны нам.
Изжив себя вконец, рождает время время.
Так продолжается и человеческое племя.
Но время времени нам кажется длинней
Коротким временем нам отведенных дней.
Подчас о времени мы рассуждаем с вами.
Но время это – мы! Никто иной. Мы сами!
Знай: время без времен когда-нибудь придет
И нас из времени насильно уведет,
И мы, самих себя сваливши с плеч, как бремя,
Предстанем перед Тем, над Кем не властно время [18, с. 83].*

Заключение

Поэзия П. Флеминга, отличающаяся необычайной философской глубиной, емкостью и выразительностью слова, намного пережила свое время, навсегда вошла в историю немецкой и мировой литературы. Поэту помог глубоко выразить свое время и выйти на уровень вечности диалог с Экклесиастом, многомерно преломляющийся в его творчестве, прежде всего на идейно-философском уровне. Именно Флеминг больше других немецких поэтов тяготеет к постановке таких антиномичных – в духе Экклесиаста – проблем бытия, как абсурдность мира и скрытый за нею великий смысл, трагизм бытия и его непреходящая красота, краткость жизни и ценность каждого ее мгновения, слабость человека и великая сила его духа. Как и библейский мудрец, П. Флеминг перед лицом очевидной бессмысленности жизни ищет ее смысл и обретает его в честном труде, дружбе, любви, в верности Богу и самому себе. Этическая задача человека – преодолев «самость», обрести внутри себя «собственно себя», «внутреннего человека» (в этом плане на Флеминга оказывает влияние учение Майстера Экхарта, Иоганна Таулера и особенно Якоба Бёме о «внешнем» и «внутреннем» человеке, восходящее к апостолу Павлу). В отличие от Экклесиаста, скепсис которого столь тотален, что он сомневается, можем ли мы знать что бы то ни было о загробной жизни (хотя и говорит о возвращении человеческого духа к Богу и о Суде Божьем), поэт Нового времени находит опору и утешение в мысли о вечной жизни, открывающейся в смерти. При этом, как и Экклесиаст, Флеминг призывает радоваться каждому мгновению краткой земной жизни и наполнять его смыслом. Пафос нравственного долга и веры, вопреки очевидной абсурдности мира, объединяет библейского мудреца и немецкого поэта.

В отличие от многих поэтов XVII в. у Флеминга практически нет прямых обращений к Книге Экклесиаста – парафраз, переложений, цитат (кроме знаменитого *Alles ist eitel* ‘все суетно [тщетно]’). Библейский текст чаще всего присутствует в текстах Флеминга имплицитно, с помощью аллюзий, которые вводятся знаковыми словами-концептами, отсылающими к Экклесиасту. В первую очередь это слова *eitel* и *Eitelkeit*, несущие в себе тот же спектр значений, что и генеральный экклесиастовский концепт *hābāl* ‘дуновение’, ‘бренность’, ‘суета’, ‘тщета’, ‘абсурдность’. Как и у Экклесиаста, этот концепт несет в себе как нейтральные физические характеристики (хрупкость всего материального, обреченность на гибель), так и метафизические, связанные с аксиологическими коннотациями: мир абсурден и фальшив, не соответствует Божественному замыслу прежде всего по вине человека. Как и у Экклесиаста, важнейшими концептами поэзии Флеминга являются «человек», «Бог», «время», «вечность». Всю его религиозно-философскую лирику, как и Книгу Экклесиаста, можно определить как поэму о человеке – человеке как таковом, о его месте во времени и вечности. Проблема времени и его соотношения с веч-

ностью наиболее глубоко исследуется немецким поэтом. Флеминг приходит к открытию, что время не только определяет человека, но и зависит от него, определяется им. Только бранный человек способен ощутить в себе вечность и преобразовать в нее летучее мгновение жизни – в этом единодушны и древнееврейский поэт, и его отдаленный во времени последователь. Можно утверждать, что Книга Экклесиаста является одним из важнейших архетекстов поэзии П. Флеминга – смысло- и текстопорождающим текстом, «на полях» которого он выстраивает свой художественный мир. Очевидна не только архе-, но и архитектуральная роль Экклесиаста в лирике П. Флеминга: это поэзия философских размышлений, лирических медитаций над важнейшими экзистенциальными проблемами, сохраняющими свою актуальность и сейчас.

Библиографические ссылки

1. Синило ГВ. Книга Экклесиаста как «осевой» архетекст поэзии барокко. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2018;2:5–16.
2. Entner H. *Paul Fleming – Ein deutscher Dichter im Dreißigjährigen Krieg*. Leipzig: Philipp Reclam; 1989. 592 S.
3. Pohl MC. *Paul Fleming. Ich-Darstellung, Übersetzungen, Reisegedichte*. Münster & Hamburg: Lit; 1993. 325 S.
4. Pietraß R, Herausgeber. *«Ich bin ein schwaches Boot ans große Schiff gegangen. Die Lebensreise des Paul Fleming in seinen schönsten Gedichten»*. Mit Grafiken und Lesarten sächsischer Bildkünstler und Dichter. Halle (Saale): Projekte-Verlag Cornelius; 2009. 164 S.
5. Tarvas M, Herausgeber. *Paul Fleming und das literarische Feld der Stadt Tallinn in der Frühen Neuzeit: Studien zum Sprach-, Literatur- und Kulturkontakt einer Region*. Würzburg: Königshausen & Neumann; 2011. 252 S.
6. Arend S, Sittig C, Herausgeber. *Was ein Poëte kan! Studien zum Werk von Paul Fleming (1609–1640)*. Berlin & Boston: De Gruyter; 2012. 477 S.
7. Пуришев БИ. *Очерки немецкой литературы XV–XVII вв.* Москва: Государственное издательство художественной литературы; 1955. 391 с.
8. Пуришев БИ. *Немецкая литература*. В: Виппер ЮБ, Гринцер ПА, Лихачев ДС, Ржевская НФ, Рифтин БЛ, Робинсон АН, редакторы. *История всемирной литературы. Том 4*. Москва: Наука; 1987. с. 235–265.
9. Пумпянский ЛВ, Алексеев МП. Ранний классицизм. М. Опиц и поэты его школы. В: Пуришев БИ, Самарин РМ, Фрадкин ИМ, редакторы. *История немецкой литературы. Том 1*. Москва: Издательство Академии наук СССР; 1962. с. 364–375.
10. Майданов АГ. *Пауль Флеминг. Жизнь и творчество, первый опыт положительного восприятия реалий русской действительности в Западной Европе* [диссертация]. Москва: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; 1992. 207 с.
11. Шаулов СМ. Концепция человека в лирике Пауля Флеминга: опиианство и мистицизм. *Балтийский филологический курьер*. 2003;3:215–230.
12. Шаулов СМ. Петраркизм в час рождения немецкой поэзии: Мартин Опиц и Пауль Флеминг. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология, востоковедение, журналистика*. 2007;4 (часть 2): 82–86.
13. Шаулов СМ. *Мистицизм поэзии и поэзия мистики: Якоб Бёме и рождение немецкой поэзии: концепция человека и мира*. Уфа: Башкирский государственный педагогический университет; 2007. 250 с.
14. Рахманина ОС. *Немецкая поэзия XVII века: теория и художественная практика* [диссертация]. Москва: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; 2002. 129 с.
15. Михайлов АВ. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи. В: Гринцер ПА, редактор. *Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания*. Москва: Наследие; 1994. с. 326–391.
16. Михайлов АВ. *Избранное. Завершение риторической эпохи*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета; 2007. 480 с.
17. Fleming F. *Deutsche Gedichte*. [Internet]. Stuttgart: Lappenberg; 1865 [cited 2019 April 18]. Available from: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Fleming,+Paul/Gedichte/Deutsche+Gedichte/Poetische>.
18. Гинзбург Л, переводчик, составитель. *Немецкая поэзия XVII века*. Москва: Художественная литература; 1976. 208 с.
19. Нирк ЭИ. Эстонская литература. В: Виппер ЮБ, Гринцер ПА, Лихачев ДС, Ржевская НФ, Рифтин БЛ, Робинсон АН, редакторы. *История всемирной литературы. Том 4*. Москва: Наука; 1983. с. 381–383.
20. Синило Г В. *Экклесиаст и его рецепция в мировой культуре. Часть I*. Минск: Белорусский государственный университет; 2012. 220 с.
21. Дьяконов ИМ, Коган ЛЕ, Маневич ЛВ, переводчики, редакторы. *Ветхий Завет: Плач Иеремии; Экклесиаст; Песнь Песней*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет; 1998. 304 с.
22. *Die Bibel: nach der Übersetzung Martin Luther, mit Apokryphen*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft; 1999. 1291 S.
23. Аверинцев СС. Древнееврейская литература. В: Виппер ЮБ, Гринцер ПА, Лихачев ДС, Ржевская НФ, Рифтин БЛ, Робинсон АН, редакторы. *История всемирной литературы. Том 1*. Москва: Наука; 1987. с. 271–302.

References

1. Sinilo GV. The Book of Ecclesiastes as «axial» archetext of the baroque poetry. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2018;2:5–16. Russian.
2. Entner H. *Paul Fleming – Ein deutscher Dichter im Dreißigjährigen Krieg*. Leipzig: Philipp Reclam jun.; 1989. 592 S.
3. Pohl MC. *Paul Fleming. Ich-Darstellung, Übersetzungen, Reisegedichte*. Münster & Hamburg: Lit; 1993. 325 S.

4. Pietraß R, Herausgeber. «*Ich bin ein schwaches Boot ans große Schiff gegangen. Die Lebensreise des Paul Fleming in seinen schönsten Gedichten*». Mit Grafiken und Lesarten sächsischer Bildkünstler und Dichter. Halle (Saale): Projekte-Verlag Cornelius; 2009. 164 S.
5. Tarvas M, Herausgeber. *Paul Fleming und das literarische Feld der Stadt Tallinn in der Frühen Neuzeit: Studien zum Sprach-, Literatur- und Kulturkontakt einer Region*. Würzburg: Königshausen & Neumann; 2011. 252 S.
6. Arend S, Sittig C, Herausgeber. *Was ein Poëte kan! Studien zum Werk von Paul Fleming (1609–1640)*. Berlin & Boston: De Gruyter; 2012. 477 S.
7. Purishev BI. *Ocherki nemetskoi literatury XV–XVII vekov* [Essays of German literature of the 15th–17th centuries]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury; 1955. 391 p. Russian.
8. Purishev BI. [German literature]. In: Vipser JuB, Grintser PA, Likhachiov DS, Rzhevskaya NF, Riftin BL, Robinson AN, editors. *Istoriya vsemirnoi literatury. Tom 4* [History of world literature. Volume 4]. Moscow: Nauka; 1987. p. 235–265. Russian.
9. Pumpianskiy LV, Alekseev MP. [Early classicism. M. Opitz and the poets of his school]. In: Purishev BI, Samarin RM, Fradkin IM, editors. *Istoriya nemetskoi literatury. Tom 1* [The history of German literature. Volume 1]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1962. p. 364–375. Russian.
10. Maidanov AG. *Paul Fleming. Zhizn' i tvorchestvo, pervyi opyt polozhitel'nogo vospriyatiya realii russkoi deistvitel'nosti v Zapadnoi Evrope* [Paul Fleming. Life and creative work, the first practice of positive perception of Russian reality in Western Europe] [dissertation]. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 1992. 207 p. Russian.
11. Shaulov SM. The concept of man in Paul Fleming's lyric poetry. *Baltiiskiiy filologicheskiiy kur'er*. 2003;3:215–230. Russian.
12. Shaulov SM. Petrarchism in the time of birth of German poetry: Martin Opitz and Paul Fleming. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya, vostokovedeniye, zhurnalistika*. 2007;4(part 2):82–86. Russian.
13. Shaulov SM. *Mistitsizm poezii i poeziya mistiki: Jakob Boehme i rozhdenie nemetskoi poezii: kontseptsiya cheloveka i mira* [The Mysticism of poetry and the poetry of mystic: Jakob Bohme and the birth of German poetry: the concept of man and the world]. Ufa: Bashkirian State Pedagogical University Press; 2007. 250 p. Russian.
14. Rakhmanina OS. *Nemetskaya poeziya XVII veka: teoriya i khudozhestvennaya praktika* [German poetry of the XVII century: theory and artistic practice] [dissertation]. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 2007. 129 p. Russian.
15. Mikhailov AV. [Poetics of Baroque. The completion of rhetorical epoch]. In: Grintser PA, editor. *Istoricheskaya poetika. Literaturnye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniya* [Historical poetics. Literary epochs and types of artistic awareness]. Moscow: Nasledie; 1994. p. 326–391. Russian.
16. Mikhailov AV. *Izbrannoe. Zavershenie ritoricheskoi epokhi* [Elected works. The completion of rhetorical epoch]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Press; 2007. 480 p. Russian.
17. Fleming F. *Deutsche Gedichte* [Internet]. Stuttgart: Lappenberg; 1865 [cited 2019 April 18]. Available from: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Fleming,+Paul/Gedichte/Deutsche+Gedichte/Poetische>.
18. Ginsburg L, translator, editor. *Nemetskaya poeziya XVII veka* [German poetry of XVII century]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura; 1976. 208 p. Russian.
19. Nirk EI. *Estoniskaya literatura* [Estonian literature]. In: Vipser JuB, Grintser PA, Likhachiov DS, Rzhevskaya NF, Riftin BL, Robinson AN, editors. *Istoriya vsemirnoi literatury. Tom 4* [History of world literature. Volume 4]. Moscow: Nauka; 1987. p. 381–383. Russian.
20. Sinilo GV. *Ekklesiast i ego retseptsiya v mirovoi kul'ture. Chast' I* [Ecclesiastes and its reception in world culture. Part 1]. Minsk: Belarusian State University; 2012. 220 p. Russian.
21. Diakonov IM, Kogan LE, Manevitsh LV, translators, editors. *Vetkhii Zavet: Plach Ieremii; Ekklesiast; Pesn' Pesnei* [The Old Testament: Lamentations of Jeremiah; Ecclesiastes; Song of Songs]. Moscow: Russian State University for the Humanities; 1998. 304 p. Russian.
22. *Die Bibel: nach der Übersetzung Martin Luther, mit Apokryphen*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft; 1999. 1291 S.
23. Averintsev SS. [Hebrew Literature]. In: Vipser JuB, Grintser PA, Likhachiov DS, Rzhevskaya NF, Riftin BL, Robinson AN, editors. *Istoriya vsemirnoi literatury. Tom 1* [History of world literature. Volume 1]. Moscow: Nauka; 1987. p. 381–383. Russian.

Статья поступила в редколлегию 28.02.2019.
Received by editorial board 28.02.2019.

УДК 82.0

ТИПЫ И СТЕПЕНИ ПРОЯВЛЕНИЯ АНТРОПОМОРФНОСТИ ПЕРСОНАЖЕЙ

А. С. АЛЬШЕВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Статья посвящена разграничению персонажей «не-людей» по степени и типу антропоморфности. С точки зрения наличия либо отсутствия динамики в пределах художественного текста была выявлена антропоморфность двух типов: изначальная и динамичная (приобретенная). В рамках приобретенной выделены первичная и вторичная ступени антропоморфности персонажей. Для анализа приобретенной вторичной антропоморфности определены два вида антропоморфизации – внешняя и внутренняя (связанная с концепцией личности). В отношении персонажей, для которых характерна изначальная либо приобретенная первичная антропоморфность, были выделены три степени антропоморфности персонажей: частичная, средняя (промежуточная), полная.

Ключевые слова: антропоморфизм; типы антропоморфности персонажей; степени антропоморфности персонажей; ступени антропоморфности персонажей; виды антропоморфизации персонажей.

ТЫПЫ І СТУПЕНІ ПРАЯЎЛЕННЯ АНТРАПАМОРФНАСЦІ ПЕРСАНАЖАЎ

А. С. АЛЬШЭЎСКАЯ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Артыкул прысвечаны размежаванню персанажаў «не-людзей» па ступені і тыпу антрапамарфнасці. З пункта гледжання наяўнасці альбо адсутнасці дынамікі ў межах мастацкага тэксту была выяўлена антрапамарфнасць двух тыпаў: першапачатковая і дынамічная (набытая). У рамках набытай вылучаны першасная і другасная ступені антрапамарфнасці персанажаў. Для аналізу набытай другаснай антрапамарфнасці былі пазначаны два віды антрапамарфізацыі: знешняя і ўнутраная, звязаная з канцэпцыяй асобы. У дачыненні да персанажаў, для якіх характэрна першапачатковая альбо набытая першасная антрапамарфнасць, былі вылучаныя тры ступені антрапамарфнасці персанажаў: частковая, сярэдняя (прамежковая), поўная.

Ключавыя словы: антрапамарфізм; тыпы антрапамарфнасці персанажаў; ступені антрапамарфнасці персанажаў; ступені антрапамарфнасці персанажаў; віды антрапамарфізацыі персанажаў.

Образец цитирования:

Альшевская АС. Типы и степени проявления антропоморфности персонажей. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2019;2:20–28.

For citation:

Alshevskaya AS. Types and degrees of manifestation of the characters' anthropomorphicity. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2019;2:20–28. Russian.

Автор:

Анна Сергеевна Альшевская – аспирантка кафедры теории литературы филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Т. И. Шамякина.

Author:

Anna S. Alshevskaya, postgraduate student at the department of theory of literature, faculty of philology.
77schevskaya@mail.ru

TYPES AND DEGREES OF MANIFESTATION OF THE CHARACTERS' ANTHROPOMORPHICITY

A. S. ALSHEVSKAYA^a

^aBelarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is devoted to the differentiation of the characters – «non-humans» in terms of the degree and type of anthropomorphism. From the point of view of the presence or absence of dynamics within the artistic text, initial and dynamic (acquired) types of anthropomorphism were identified. Within the acquired anthropomorphism, two stages of the characters' anthropomorphism are singled out: primary and secondary. For the analysis of acquired secondary anthropomorphism, two types of anthropomorphization were identified – external and internal (related to the concept of personality). Concerning the characters, which are characterized by initial or acquired primary anthropomorphism, three degrees of character anthropomorphism were identified: partial, medium (intermediate), full.

Keywords: anthropomorphism; types of anthropomorphism of characters; degrees of anthropomorphism of characters; stages of anthropomorphism of characters; types of anthropomorphization of characters.

Введение

«Антропоморфизм – наделение материальных и идеальных объектов, предметов и явлений неживой природы, животных, растений, мифических существ человеческими свойствами – физическими, психическими, интеллектуальными качествами, а зачастую и гендерными признаками» [1, с. 90].

Существует достаточное количество научных работ по философии и социологии, посвященных изучению антропоморфизма как формы познания мира, но в литературоведении феномен антропоморфизма как основы образности до сих пор является весьма неисследованной областью. Сведения об антропоморфизме можно найти в небольших статьях энциклопедий и словарей (в основном философских). Ученые-фольклористы и мифологи (В. Пропп, В. Аникин, А. Костюхин, Б. Рыбаков, Е. Новик, Н. Новиков, О. Фрейденберг, Т. Шамякина, А. Ненадовец и др.) упоминают о нем в своих статьях как об одном из аспектов характеристики тотемизма, анимизма, а также фольклорных и мифологических персонажей. Из конкретных литературоведческих работ, которые были посвящены изучению именно антропоморфизма, можно назвать только исследование И. Морозова «Феномен куклы в традиционной и современной культуре» [2], но автор рассматривает весьма узкую предметную область (антропоморфные куклы) и делает акцент более на культурных, чем литературных аспектах изучения антропоморфизма.

Цель данной статьи – выделить типы проявления антропоморфизма на основе наличия или отсутствия динамики степени антропоморфности персонажей в пределах художественного текста, а также разграничить персонажи по степеням проявления антропоморфизма. Полученные результаты позволят исследователям, занимающимся изучением произведений, где в качестве главных героев выступают антропоморфные персонажи, анализировать эти образы-персонажи не только в конкретных произведениях фольклора и литературы, но и в своих научных работах, где подобные персонажи будут рассматриваться в диахронном аспекте, а также в компаративистских исследованиях, посвященных сопоставлению фольклорных и литературных произведений. В первую очередь это касается анализа текстов, относящихся к жанру фэнтези. Данное исследование будет содействовать также более глубокому изучению вопросов, касающихся эволюции антропоморфных образов-персонажей в творческом сознании писателей разных исторических периодов.

Результаты и их обсуждение

Проведенный нами анализ антропоморфных персонажей позволил выделить следующие типы, ступени, виды и степени проявления антропоморфности названных персонажей в фольклорных и литературных произведениях. Результаты исследования представлены в таблице.

На основе изученных материалов – с точки зрения наличия либо отсутствия динамики степени антропоморфности персонажей в пределах произведения – была выявлена антропоморфность двух типов: изначальная и динамичная (приобретенная). Антропоморфность – это признак, характеризующий персонажа-нечеловека, наделенного физическими и психическими свойствами, присущими человеку.

Критерии анализа антропоморфных персонажей

Analysis criteria of anthropomorphic characters

Типы			
Формы проявления	Изначальная антропоморфность	Приобретенная (динамичная) антропоморфность	
Ступени	—	Первичная	Вторичная
Виды	—	—	Внешняя Внутренняя
Степени	Частичная Средняя (промежуточная) Полная		Полная Неполная

1. Изначальная антропоморфность персонажей представляется как данность: она просто существует. В рамках изначальной антропоморфности были выделены следующие ее степени: частичная, средняя (промежуточная), полная.

Частичная степень изначальной антропоморфности характерна для персонажей народных анималистических сказок, поскольку в этих сказках отражаются приметы не только жизни людей, но и зверей. Так, петух кукарекает, собаки гавкают; упоминаются некоторые внешние детали, указывающие на их зооморфность (наличие хвоста у лисы и волка) и т. п. Однако степень проявления антропоморфности в рамках указанного жанра также неоднородна.

Анималистические сказки можно разделить на пять групп: доантропоморфные сказки («Медведь на липовой ноге»); сказки, в которых наблюдается антропоморфизм на уровне мироустройства (некоторые кумулятивные сказки и сказки этиологического характера); сказки, для которых характерно наличие антропоморфного персонажа, как это свойственно основной части анималистических сказок («Лиса и Волк», «Коза-дереза»); сказки, изображающие антропоморфных персонажей как представителей определенных социальных типов («Грибы», «Кот на воеводстве»); фольклорные сказки, подвергшиеся литературной обработке.

Частичная изначальная антропоморфность характерна и для некоторых литературных сказок: можно говорить о наличии в них антропоморфных персонажей, так как последние очеловечиваются на уровне плана содержания (наделяются психическими и интеллектуальными свойствами, характерными для людей), но на уровне плана выражения (представление о внешности и деятельности персонажа) антропоморфностью не обладают. Например, в «Притче о Молочке, овсяной Кашке и сером котишке Мурке» Д. Мамина-Сибиряка Молочко и Кашка внешне неантропоморфные персонажи, но они наделены человеческой речью и способностью испытывать различные чувства (сердятся, хвастаются, ворчат): *Что же мне делать, если у меня такой вспыльчивый характер! – оправдывалось Молочко. – Я и само не радо, когда сержусь* [3, с. 226]. Антропоморфный план создается за счет лексики. Так, кипение каши на плите автор интерпретирует как ворчание: *Она ворчала в своей кастрюле, как старушка* [3, с. 226]. В сказке А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» процесс созревания и начала цветения розы тоже антропоморфизируется за счет использования переносного значения слов и выражений.

Анализ «Казак жыцця» Я. Коласа также дает нам основание говорить о двойственности созданных автором персонажей. М. Мушинский отмечает, что отличительной чертой данного сборника является то, что в нем соединяются «два противоположных, оппозиционных начала – сказочный и реальный» [4, с. 95]. Заметим, что в данном случае именно со сказочным началом связан антропоморфный план содержания, а с реальным – реалистический план содержания. Именно двойственность плана выражения создает в произведении два противоположных друг другу плана содержания: антропоморфный и реалистический.

В сказке Я. Коласа «Стары лес» реалистический план – это буря, от которой сильно пострадали многие деревья, антропоморфный план – война между людьми. Шум леса, вызванный сильным ветром, Я. Колас интерпретирует как ссору между деревьями. В сказке «Вадаспад» отражены родственные отношения между водопадом, дождем, росой и речкой. Учитывая реалистическое представление о данных формах воды, Я. Колас наделяет их определенными чертами характера: например, водопад *шумлівы, заўжды парывісты і не ў меру гаманкі* [4, с. 134], *такі ганарысты, такі надзіманы* [4, с. 137]. Речка, напротив, *уважная, такая спакойная* [4, с. 134]. Эти образы одновременно можно воспринимать и как антропоморфные существа, и как реальные природные объекты, поскольку определение водопада как шумного соответствует его реальной характеристике.

В сказках Я. Коласа наблюдаются антропоморфный и реалистический планы выражения и содержания при изображении не только природных объектов, но и представителей фауны. Антропоморфизм

проявляется на уровне диалогов между животными и птицами, и в их речи отражаются их мысли, стремления. Однако действия, поступки – это действия и поступки животных, а не людей, в отличие, например, от народных сказок, где лиса выходит замуж за кота, журавль сватается к цапле, а медведь и лиса живут в избушке вместе как родственники. В сказке «Як птушкі дуб ратавалі» Я. Колас называет дятла доктором, который лечит деревья, и это вполне соответствует реальности, так как дятел действительно помогает деревьям не болеть, поедая червей, которые заводятся в них.

С «Казкамі жыцця» Я. Коласа можно сравнить и рассказ Ядвигина Ш. «Дуб-дзядуля», где действия елок по отношению к дубам, подтверждающие их «сварливость», изображаются автором в реалистическом ключе: *Міргнеш ім, бывала, жалудком, а яны табе шышкай у бок* [5, с. 29].

Данное явление характерно и для авторских сказок Х. К. Андерсена. Например, в сказке «Стойкий оловянный солдатик» события показаны одновременно в двух планах: как реалистичная история, происходившая с игрушечным оловянным солдатиком, и как антропоморфизированный вариант происходящего с главным героем. Солдатик внешне ведет себя как простая детская игрушка. Это обычное неодушевленное существо, перемещения которого в пространстве происходят в результате внешнего воздействия: сквозняк выбрасывает его в окно, мальчишки отправляют его плавать по водоему на лодочке из старой газеты и т. п. А все, что связано с антропоморфизацией главного героя, происходит не на уровне внешнего проявления, а на уровне внутреннего монолога, чувств, внутренних мотиваций.

Уменьшает степень антропоморфности многократное подчеркивание автором тех деталей, характеристик, описаний внешности, условий быта, которые отдаляют его от человека. Так, в сказке Д. Мамина-Сибиряка «Ванькины именины» автор постоянно подчеркивает игрушечность персонажей-кукол (еда у них не настоящая, не человеческая): *Суп из самых свежих щепок; котлеты из лучшего, самого чистого песку* [3, с. 191]. Описывая их внешность, автор постоянно акцентирует внимание на том, что у одной *немного был попорчен носик*, а у другой *недоставало одной руки* [3, с. 192]. Несмотря на то что куклам свойствен целый ряд человеческих черт, чувств и поступков – семейные взаимоотношения (Петрушка, его жена), человеческие имена (Аня, Катя, Ваня), – подчеркнутая игрушечность персонажей снижает степень изначальной антропоморфности до частичной.

Средняя степень изначальной антропоморфности характерна для большинства литературных сказок. Степень социоморфизации в отдельных из них достигает максимума. Так, хотя в некоторых сказках и действуют животные, но такие истории воспринимаются как рассказы о людях. Например, в стихотворной сказке Р. Кудашевой «Беда петушка» нет характеристик героев, указывающих на их зооморфность, кроме имен (Петушок, Синица). Антропоморфность персонажа-животного по своей сути и антропоморфное мироустройство вызывают в читательском представлении частичную антропоморфизацию зооморфного облика, но не в силу описания внешности (прямохождение, восприятие передних лап по аналогии с человеческими руками и т. п.), а, наоборот, из-за его отсутствия.

В авторских анималистических сказках многие звери имеют человеческие имена. Так, имя главного героя из сказки шведского писателя Я. Экхольма «Тутта Карлссон Первая и единственная, Людвиг Четырнадцатый и другие» – Людвиг Четырнадцатый – даже не ассоциируется с именем животного, как это бывает в народных сказках, где кота зовут Котофей Иванович (от слова «кот»). В других сказках названия животных пишутся как имена собственные, с заглавной буквы (Волк, Заяц).

Если в народной сказке представление антропоморфных персонажей как социальных типов находится еще в зачатке, то многие литературные анималистические сказки уже отражают государственный строй целой страны. Так, в сказке «Приключения Чиполлино» итальянского писателя Дж. Родари представлено феодальное общество; в сказке «Орел-меченат» русского писателя М. Салтыкова-Щедрина – феодально-крепостническая система России, где орлы – это помещики, а вороны – крестьяне; в повести-притче «Скотный двор» английского писателя Дж. Оруэлла показано тоталитарное общество, а роман «Житейские воззрения кота Мурра» немецкого писателя Э. Т. А. Гофмана – это сатирическая пародия на все немецкое общество начала XIX в. (дворянство, бюргерство, духовенство).

Полная изначальная степень антропоморфности животных нехарактерна для анималистических произведений, в которых нет места таким внешним метаморфозам персонажей, как в волшебной сказке. Так, в пьесе Е. Шварца «Обыкновенное чудо» и в романе-памфлете А. Франса «Остров пингвинов» антропоморфный внешний облик ряда персонажей – результат магического воздействия на них. Следовательно, полная антропоморфность персонажей-животных может быть только приобретенной.

Средняя степень изначальной антропоморфности применительна ко многим персонажам волшебной сказки (таких, как Баба-яга, Кощей Бессмертный). В русских волшебных сказках сверхъестественные существа представлены довольно большой группой антропоморфных героев. Здесь большое значение имеют признаки пола (мужской или женский), весьма существенны возрастная характеристика и семейный статус (родители, дети, муж, жена); признаки, определяющие сословное и имуществен-

ное положение персонажа (богатый или бедный). Например, Кощей Бессмертный – нелюбимый муж героини или ее отец, Баба-яга – теща героя, Ворон, Сокол – шурины Ивана-царевича и т. п.

Средняя степень изначальной антропоморфности характерна для некоторых сказок, где главными героями выступают куклы. Если сравнивать такие сказки, как «Золотой ключик, или приключения Буратино» А. Толстого и «Ванькины именины» Д. Мамина-Сибиряка, то в первом случае персонажи-куклы более антропоморфизированы, чем во втором. Во-первых, автор чаще называет главных героев-кукол «мальчиками», «девочками», «человечками» и только в редких случаях напоминает, что это куклы. Во-вторых, им присущи человеческие гастрономические пристрастия: они едят сахар, сыр, колбасу, конфеты и другие продукты. В-третьих, у них появляются сугубо человеческие желания и чувства (например, им свойственно ощущение голода). Обнаруживается и способность мечтать: Буратино думает о еде и представляет ее в своем воображении: *Он закрыл глаза и вдруг увидел жареную курицу на тарелке. Живо открыл глаза – курица на тарелке исчезла* [6, с. 9]. В-четвертых, они спят, как настоящие люди, и видят сны. В-пятых, герои-куклы способны испытывать такое чувство, как любовь. Пьеро влюблен в Мальвину и посвящает своей возлюбленной стихи собственного сочинения. Несмотря на все вышеперечисленное, для персонажей этой сказки характерна средняя, а не полная степень антропоморфности. Персонажам-куклам вообще несвойственна полная изначальная степень антропоморфности по той причине, что по своим физиологическим данным это не люди – они сделаны из определенного материала. Именно это обстоятельство спасает от гибели деревянного человечка Буратино, когда его пытаются утопить в пруду.

Следовательно, полную степень антропоморфности данных персонажей может иметь только приобретенный характер, как в сказке «Приключения Пиноккио» итальянского писателя К. Коллоди, где постепенно перевоспитавшийся Пиноккио становится настоящим мальчиком.

Полная степень изначальной антропоморфности характерна только для абстрактных понятий. Например, месяцы («Двенадцать месяцев» С. Маршака), время («Секундочка» И. Шурко). На примере этих сказок можно говорить о полной степени изначальной антропоморфности, поскольку секундошки, минутки, час, месяц, год, век, эра, день, ночь у И. Шурко и двенадцать месяцев у С. Маршака предстают в образе людей. Они отличаются друг от друга возрастом и имеют гендерные различия. Если в сказке И. Шурко «Секундочка» Пятый час еще мальчик, то Век уже седовласый старец, а Эра – старуха. Антропоморфное мироустройство их быта (живут в замке времени) и взаимоотношений (Ночь и День являются родителями Пятого часа) придают дополнительную полноту их антропоморфности.

Полную степень изначальной антропоморфности приобретают некоторые персонажи волшебной сказки (например, Баба-яга и Кощей Бессмертный) из отдельных русскоязычных литературных произведений российских, белорусских и украинских авторов: в частности, в романах Е. Никитиной «А что вы хотели от Бабы-яги» и «Баба-яга Бессмертная», в романе Т. Коростышевской «Внучка бабы Яги», в повести А. Аливердиева «У Лукоморья», в рассказе А. Гравицкого «Ягодка», в романе О. Громыко «О бедном Кощее замолвите слово» и др. В большинстве произведений Баба-яга – это женщина, умеющая колдовать, и это умение – ее единственная неизменная характеристика. В первую очередь антропоморфизация отразилась на портретной характеристике этого персонажа. Так, в романе В. Жарикова «Четырнадцатое, суббота», а также в повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» Баба-яга изображена просто как древняя старуха. Помимо этого демонического образа, можно выделить и эстетически прекрасный образ молодой Яги: в повести А. Аливердиева у нее *дивные золотые волосы... и сияющие зеленые глаза* [7, с. 134]. В некоторых произведениях Кощей теряет свою бессмертность и, следовательно, приобретает жизненный цикл обычного человека: рождается, взрослеет, стареет, а затем умирает. Именно с этим связано появление образа молодого Кощея в романах Е. Никитиной и О. Громыко.

2. Приобретенная антропоморфность – это антропоморфность, не являющаяся данностью: она возникает, как правило, по каким-то причинам, в результате определенных действий (например, акта творения демиургом). Наличие в отдельных произведениях двух этапов антропоморфизации персонажей говорит о необходимости выделения двух ступеней антропоморфности персонажей: приобретенная антропоморфность может быть первичной (антропоморфизм I ступени антропоморфизации) и вторичной (антропоморфизм II ступени антропоморфизации). Отметим, что **антропоморфизация** – процесс приобретения антропоморфности, а **антропоморфность** – результат процесса антропоморфизации. Следовательно, приобретенная первичная антропоморфность (антропоморфизм I ступени антропоморфизации) – это результат антропоморфизации I ступени, а приобретенная вторичная антропоморфность (антропоморфизм II ступени антропоморфизации) – результат антропоморфизации II ступени.

Для **приобретенной первичной антропоморфности** (*антропоморфизма I степени антропоморфизации*) характерно наличие акта творения, возникновение, «рождение» антропоморфного персонажа (например, создание человека «демиургом из различных природных материалов, а также наделение получившегося антропоморфного артефакта душой») [8, с. 97]: в частности, в фольклорных произведениях (сказках, преданиях, быличках), а также в литературе (миф о создании Богом Адама и Евы, предание о Галатее, легенды о Големе, Франкенштейне и др.). Заметим, что демиургом мог выступать не только Бог, но и человек, а в результате акта творения могли появляться не только люди, но человекоподобные существа, обладающие различной степенью антропоморфности. Приобретенная первичная антропоморфность, как правило, остается статичной: степень антропоморфности персонажа не подвергается изменению на протяжении всего произведения. В качестве исключения можно назвать сказку К. Коллоди «Приключения Пиноккио. История деревянной куклы», где персонаж на протяжении повествования претерпевает две стадии антропоморфизации (первичную и вторичную) и, в отличие от Буратино, в конце произведения становится человеком.

В произведениях, где приобретенная первичная антропоморфность остается статичной, персонажей можно классифицировать так же, как и при изначальной антропоморфности, – по трем степеням: частичной, средней (промежуточной), полной.

Приобретенная частичная степень первичной антропоморфности характерна, например, для Голема – искусственно созданного из глины человека (в еврейской народной легенде и в романе «Голем» австрийского писателя Г. Майринка). Он не обладал способностью к человеческой речи, не нуждался в пище, обладал физической силой, во много раз превышающей человеческую.

Прежде чем говорить о **приобретенной средней (промежуточной) степени первичной антропоморфности**, заметим, что такие персонажи, как куклы, – это всегда результат творения человека, поэтому они не могут быть изначально антропоморфными. Но поскольку мы изучаем проявление антропоморфизма в рамках художественного произведения, то при выделении таких типов антропоморфности, как изначальная и приобретенная, нас в первую очередь интересует динамика антропоморфизации персонажей в пределах изучаемого текста художественного произведения – поэтому таких персонажей, как Мальвина, Пьеро из сказки А. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино», а также кукол из сказки Д. Мамина-Сибиряка «Ванькины именины» мы будем рассматривать как изначально антропоморфных. А Буратино, главного героя сказки А. Толстого, стоит уже отнести к персонажам с приобретенной первичной антропоморфностью, поскольку его создание из полена происходит в рамках художественного произведения. Ранее отмечалось, что степень антропоморфности этого персонажа промежуточная (средняя).

Средняя степень приобретенной первичной антропоморфности характерна и для народных сказок: «В восточнославянских сказках и поверьях о происхождении детей их, как и Пиноккио/Буратино, родители нередко изготавливают из дерева – так, как в варианте сказки “Ивашко и ведьма” – “Тельпушок”» [2, с. 100]. В народной сказке «Снегурочка» девушку лепят из снега. Если внешне она выглядит как девушка, то по физиологическим свойствам она не является таковой: тает от тепла.

Полная приобретенная первичная антропоморфность свойственна представлению о создании человека из определенных материалов. Например, «боги, демиурги или культурные герои создают первых людей из самых разнообразных материалов: костяка животных, орехов, из дерева» [8, с. 87]. Так, в некоторых мифах североамериканских индейцев «демиург Манабуш создает человека из скелета зверей, рыб, птиц» [8, с. 87]. В качестве примеров также можно привести сотворение Богом Адама «из праха земного» [8, с. 87], создание Пигмалионом Галатеи из слоновой кости и оживление этой статуи Афродитой. В народной сказке «Мальчик-с-пальчик» мальчик «нарождается» из части тела (отрезанного пальца старухи).

Полная приобретенная первичная антропоморфность персонажей характерна и для романа «Остров пингвинов» французского писателя А. Франса, где причина превращения пингвинов в людей – ошибка аббата Мазля, который из-за своей близорукости принял их за людей и окрестил. А. Франс подробно описывает их внешнее превращение: *Клюв превратился в рот, и оттуда посылались слова... крылья преобразились в руки, а лапы – в ноги; грудь стала обиталищем беспокойной души* [9, с. 183]. Однако в романе процесс антропоморфизации приобретает негативную окраску: в результате внешнего превращения в людей пингвины деградируют. До этого они были *миролюбивы, болтливы, чрезвычайно любопытны* [9, с. 160], но стоило превратить их в людей, как птичьему миролюбию пришел конец. С одной стороны, пингвины – это воплощение человеческих пороков, а с другой, получается, что быть человеком – быть еще более жестоким, чем животные. Таким образом, автор разводит понятие быть человеком и быть личностью. Следовательно, пингвины, превратившись в людей, так и не стали личностями.

Приобретенная вторичная антропоморфность (*антропоморфизм II ступени антропоморфизации*). Прежде чем приступить к анализу произведений, для которых характерен данный тип антропоморфизации героев, необходимо сказать о разграничении двух видов антропоморфизации – внешней и внутренней.

Внешняя антропоморфизация – это приобретение, во-первых, человеческого облика, во-вторых, физиологических (биологических) свойств человека.

Внутренняя антропоморфизация связана с концепцией личности. Стоит разграничивать понятия «личность» и «индивид»: «Индивид – это человек как отдельно взятый представитель человеческого рода в целом»; «Личность – это человек в аспекте его социально значимых и индивидуально-психических характеристик» [10, с. 357]. Следовательно, быть по своей биологической природе человеком еще не значит быть личностью.

Что касается ранее рассмотренных типов антропоморфности персонажей, то можно говорить о том, что авторов фольклорных и литературных произведений, анализируемых в данной статье, не интересовали их персонажи как личности вследствие социоцентрической направленности этих текстов: «Человек видел свое природное предназначение в том, чтобы служить чему-то, располагающемуся вне его, в социуме» [11, с. 42]. Жизнь героя принадлежит не ему, а судьбе, Богу, родине. По мнению А. Андреева, «герой – это благородная форма неспособности быть личностью» [11, с. 42].

В произведениях, для которых свойственна приобретенная вторичная антропоморфность, акцентируется в первую очередь становление персонажей как личностей, там наблюдается переход от социоцентричного к персонцентричному тексту. А. Андреев выделяет три уровня природы человека: «Тело (натура), душа (в большей степени психика, натура, нежели сознание, культура) и дух (культура, точнее, ее базовый элемент: сознание)» [11, с. 42]. Ученый уточняет, что «на биологическом уровне человек отразится как закрытая система рефлексов, на психологическом – как закрытая система психологических реакций, на духовном – как автономный идеальный мир» [12, с. 12–13]. Главным художественным содержанием в произведениях, по мнению исследователя, является «конфликт натуры и культуры – конфликт либо обогащающий личность (вектор прогресса культуры), либо отражающий процесс деградации личности (вперед, к природе: тенденция регресса культуры» [11, с. 42]. А. Андреев считает, что «если человека называют венцом творческой природы, натуры, то личность с полным на то основанием следует считать венцом культуры, ее целью и результатом» [11, с. 42].

Данная концепция личности основывается на классической философской модели человека, так называемой триадичной (триединой) модели, предполагающей его рассмотрение «в единстве таких составляющих, как тело, душа, дух» [10, с. 355].

Констатировать полную приобретенную вторичную антропоморфность персонажей можно лишь в том случае, если персонаж обладает не только полной внешней антропоморфностью, но и полной степенью внутренней антропоморфизации.

Неполная приобретенная вторичная антропоморфность может быть представлена в следующих вариантах: 1) неполная внешняя + неполная внутренняя антропоморфность; 2) полная внешняя + неполная внутренняя антропоморфность; 3) неполная внешняя + полная внутренняя антропоморфность.

Например, датский писатель Х. К. Андерсен в сказке «Тень» подчеркивает, что если Тень и стала человеком, то только внешне: *Тень была одета превосходно, и это-то, собственно, и придавало ей вид настоящего человека* [13, с. 389]. Таким образом, быть человеком и казаться, выглядеть, как человек, – разные вещи. Состояние, дорогая одежда, женитьба – это только внешние проявления. Для Х. К. Андерсена важна духовная составляющая человека. Он показывает, что ученый сам перестает быть человеком в полном смысле этого слова. Тень стремится к самоутверждению за счет своего бывшего хозяина, мстит ему за то время, когда была от него зависима. Она не становится личностью, поскольку «личность всегда озабочена утверждением жизни и противостоит жизнеотрицанию» [11, с. 20], а самые жизнеутверждающие взаимоотношения между людьми построены на любви и дружбе. Тень женится, но не по любви; это не духовный порыв, а рациональное решение. Следовательно, говорить о полной внутренней антропоморфизации в данном случае нельзя, так как Тень, в отличие от человека, несет в себе только злое начало, а значит, не может быть полноценным человеком (личностью).

Уточним, что для полной внешней антропоморфности недостаточно иметь антропоморфный облик: необходимо стать человеком и с точки зрения физиологических свойств. Например, в пьесе-сказке А. Островского «Снегурочка» главная героиня по внешним параметрам – человек, но ее природная (биологическая) сущность нечеловеческая, поскольку она тает в финале произведения. Следовательно, нельзя говорить о полной внешней антропоморфности данного персонажа, а значит, и о его полной приобретенной вторичной антропоморфности. Но при этом, в отличие от народной сказки, где баба

с дедом лепят Снегурочку из снега, в пьесе А. Островского способ продолжения рода подобен человеческому: Снегурочка – дочь Мороза и Весны.

Внутренняя антропоморфизация Снегурочки приводит ее к физической гибели, поскольку растопило ее тепло не внешнее (как в народной сказке), а внутреннее, т. е. способность любить. Снегурочка обладает разумом, но не чувствами (*Сердце Снегурочки, холодное для всех, и для тебя любовью не забьется* [14, с. 171]). Точнее, она испытывает определенные чувства, но многие из них деструктивны, жизнеотрицательны (например, обида, досада, тоска, зависть, ревность): *Обидно мне, досада томительно-тоскливо глядеть на вас, глядеть на вашу радость* [14, с. 171]; *Завидно мне чужое счастье; Мучительную ревность узнала я, любви еще не зная* [14, с. 171]. Все это говорит о том, что в данный момент Снегурочка еще не является личностью. Она ощущает неполноценность своей жизни: *Хочу любить – но слов любви не знаю, и чувства нет в груди* [14, с. 171]. Вопрос для нее не в том, чтобы просто жить, а в том, как жить, т. е. насколько полноценно. Героиня приходит к выводу, что лучше недолгая, но наполненная жизнь, чем длинное, но пустое, бессмысленное существование. Она принимает на себя всю ответственность за свой выбор и ни капли не раскаивается в этом: *Пусть гибну я, любви одно мгновенье дороже мне годов тоски и слез* [14, с. 186]. Именно «духовность человека – то есть его свобода формировать себя, свое отношение к миру, быть ответственным за свое поведение» [12, с. 13] определяет выбор героини. Значит, в конце пьесы Снегурочка становится полноценной личностью. Следовательно, можно говорить о ее полной внутренней антропоморфизации.

О полной степени приобретенной вторичной антропоморфности можно говорить лишь относительно персонажа пьесы Е. Шварца «Обыкновенное чудо», где с главным героем Медведем происходит сначала внешняя, а затем внутренняя антропоморфизация. Он приобретает внешний облик человека в результате волшебного превращения. Из ремарок мы узнаем, что главный герой – это изящно одетый юноша, *скромен, прост, задумчив* [15, с. 410]. Такая характеристика свидетельствует о том, что он изменился не только внешне, но в нем уже началась и внутренняя антропоморфизация. Мы узнаем, что юноша успел получить хорошее образование: учился в Сорбонне, Лейдене и Праге, что, естественно, отразилось на его внутреннем мире и поведении. Как и любой другой человек, еще ни разу в жизни не любивший, главный герой наивно полагает, что принцесса, увидев его в облике медведя, сразу разлюбит. Только полюбив, Медведь понимает: *Быть настоящим человеком – очень нелегко* [15, с. 455]. Любовь заставляет его по-другому посмотреть на жизнь, и в итоге он становится не просто человеком, а настоящей личностью: *Любовь так переплавila его, что не стать ему больше медведем* [15, с. 473].

В сказке Х. К. Андерсена «Русалочка» рассказывается о «хотя и безответной, именно человеческой и человеческой любви» [13, с. 16] главной героини к принцу. Если, с точки зрения Е. Шварца, любовь делает человека человеком, то у Х. К. Андерсена религиозный (христианский) подход к преображению: для того чтобы стать человеком, нужно обрести бессмертную душу. Русалкам *не дано бессмертной души* [13, с. 104], поэтому они никогда не воскресают, а у людей *есть бессмертная душа, которая живет вечно* [13, с. 104]. Согласно Х. К. Андерсену, русалка может приобрести бессмертную душу, если кто-нибудь из людей полюбит ее и обвенчается с ней. *Тогда частица его души сообщится тебе* [13, с. 104], – говорит Русалочке ее бабушка. Но принц женится на другой, поэтому данный путь обретения бессмертия недостижим, следовательно, невозможна полная внутренняя антропоморфизация в соответствии с христианской концепцией, утверждающей, что именно наличием бессмертной души человек отличается от других существ.

Рассматривая «земное очеловечивание» главной героини, в первую очередь необходимо подчеркнуть внутреннюю антропоморфизацию Русалочки: любовь к принцу делает ее не просто человеком, а личностью. Истинное счастье для Русалочки – видеть своего любимого человека счастливым. Именно поэтому она жертвует жизнью ради него. Русалочка приносит себя в жертву, но не превращается в морскую пену (т. е. не умирает), а переходит в иное (бестелесное) состояние, становясь одной из дочерей воздуха. Это дает ей возможность на получение в будущем (через триста лет) бессмертной души. Значит, Русалочка сможет стать человеком не только в соответствии с концепцией личности, но и с христианской точки зрения.

Приобретение внешней антропоморфности Русалочки происходит при помощи колдовства: обретя таким способом ноги, она становится внешне полностью похожа на человека. Причем полная внешняя антропоморфизация имеет здесь вторичный характер, так как изначально Русалочка – получеловек-полурыба. Этим она отличается от мифологической русалки, которую можно встретить не только в воде, но и на суше. Мифологическая русалка – утопленница, а следовательно, человек, подвергшийся процессу антиантропоморфизации, т. е. процессу противоположному антропоморфизации (превращению человека в нечеловека). Героиня Х. К. Андерсена – русалка не мифологическая, а сказочная, живущая в подводном мире, мироустройство которого во многом похоже на мир людей.

Заклучение

Антропоморфность персонажей бывает двух типов: изначальная или динамичная (приобретенная). В рамках приобретенной антропоморфности стоит выделить две ступени антропоморфизации персонажей, т. е. приобретенная антропоморфность может быть первичной (антропоморфизм I ступени антропоморфизации) и вторичной (антропоморфизм II ступени антропоморфизации). В отношении персонажей, для которых характерна изначальная либо приобретенная первичная антропоморфность, были выделены следующие степени антропоморфности: частичная, средняя (промежуточная), полная. Для характеристики приобретенной вторичной антропоморфности (II ступени антропоморфизации) были выделены два вида антропоморфизации – внешняя и внутренняя. Внешняя – приобретение человеческого облика (портретные данные), а также физиологических (биологических) свойств человека. Внутренняя связана с концепцией личности. Отметим, что внешняя и внутренняя антропоморфизации могут быть полными и неполными.

Библиографические ссылки

1. Забияко АП, Элбакян ЕС, Соколов МН. Антропоморфизм. В: Кравец СЛ, редактор. *Большая Российская энциклопедия. Том 2*. Москва: Большая российская энциклопедия; 2005. с. 90.
2. Морозов ИА. *Феномен куклы в традиционной и современной культуре (кросс-культурное исследование идеологии антропоморфизма)*. Москва: Индрик; 2011. 352 с.
3. Аникин ВП, составитель. *Сказки русских писателей*. Минск: Юнацтва; 1984. 352 с.
4. Колас Я. *Песні жалбы. Казкі жыцця*. Мінск: Мастацкая літаратура; 2007. 230 с.
5. Ядвігін Ш. *Выбраныя творы*. Мінск: Мастацкая літаратура; 2006. 239 с.
6. Толстой А. *Золотой ключик, или Приключения Буратино*. Москва: Акварель; 2012. 144 с. Совместное издание с «Команда А».
7. Аливердиев А. Баба Яга. *Звездная дорога*. 2000;12:131–140.
8. Токарев СА, редактор. *Мифы народов мира: энциклопедия. Том 1*. Москва: Большая энциклопедия; 2003. 671 с.
9. Франс А. *Восстание ангелов. Остров пингвинов*. Богословский М, Рыкова Н, Дынник В, переводчики. Алма-Ата: Меуктеп; 1986. 352 с.
10. Яскевич ЯС, редактор. *Философия*. Минск: РИВШ; 2006. 624 с.
11. Андреев АН. *Основы теории литературно-художественного творчества*. Минск: БГУ; 2010. 216 с.
12. Андреев АН. *Целостный анализ литературного произведения*. Минск: НМЦентр; 1995. 144 с.
13. Андерсен ХК. *Сказки и истории. Том 1*. Брауде Л, составитель. Ленинград: Художественная литература; 1977. 584 с.
14. Островский АН. *Снегурочка*. Москва: Детская литература; 1966. 192 с.
15. Шварц Е. *Пьесы*. Москва: Флюид ФриФлай; 2008. 496 с.

References

1. Zabiayko AP, Elbakyan ES, Sokolov MN. [Antropomorfizm]. Kravets SL, editor. *Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya. Tom 2* [Great Russian encyclopedia. Vol. 2]. Moscow: Bol'shaya russiiskaya entsiklopediya; 2005. p. 90. Russian.
2. Morozov IA. *Fenomen kukly v traditsionnoi i sovremennoi kul'ture (kross-kul'turnoe issledovanie ideologii antropomorfizma)* [Phenomenon of the doll in traditional and modern culture (cross-cultural study of anthropomorphism ideology)]. Moscow: Indrik; 2011. 352 p. Russian.
3. Anikin VP, compiler. *Skazki russkikh pisatelei* [Fairytale by Russian writers]. Minsk: Yunatstva; 1984. 352 p. Russian.
4. Kolas Y. *Pesni zhal'by; Kazki zhyccja* [Songs of mourning; Tales of life]. Minsk: Mastatskaja litaratura; 2007. 230 p. Belarusian.
5. Yadvigin Sh. *Iybranyja tvory* [Selected works]. Minsk: Mastatskaja litaratura; 2006. 239 p. Belarusian.
6. Tolstoy A. *Zolotoi klyuchik, ili Priklyucheniya Buratino* [The Golden Key, or The Adventures of Buratino]. Moscow: Akvarel; 2012. 144 p. Russian. Co-published by the «Komanda A».
7. Aliverdiev A. Baba Yaga. *Zvyozdnaya doroga*. 2000;12:131–140. Russian.
8. Tokarev SA, editor. *Mify narodov mira: entsiklopediya. Tom 1* [Myths of the peoples of the world: encyclopedia. Volume 1]. Moscow: Bol'shaya entsiklopediya; 2003. 671 p. Russian.
9. France A. *Vosstanie angelov. Ostrov pingvinov* [Revolt of the Angels. Penguin Island]. Bogoslovsky M, Rykova N, Dynnik V, translators. Alma-Ata: Meuktep; 1986. 352 p. Russian.
10. Yaskevich YS, editor. *Filosofiya* [Philosophy]. Minsk: National Institute of the Higher Education; 2006. 624 p. Russian.
11. Andreev AN. *Osnovy teorii literaturno-khudozhestvennogo tvorchestva* [Fundamentals of the theory of literary creativity: a manual for students of philological faculties]. Minsk: Belarusian State University; 2010. 216 p. Russian.
12. Andreev AN. *Tselostnyi analiz literaturnogo proizvedeniya* [Holistic analysis of the literary work]. Minsk: NMCenter; 1995. 144 p. Russian.
13. Andersen HC. *Skazki i istorii. Tom 1* [Fairytale and stories. Volume 1]. Silman T, translator. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura; 1977. 584 p. Russian.
14. Ostrovsky AN. *Snegurochka* [Snow Maiden]. Moscow: Detskaya literatura; 1966. 192 p. Russian.
15. Schwartz E. *P'esy* [Plays]. Moscow: Fluid FreeFly; 2008. 496 p. Russian.

УДК 81'373

СЕМАНТИКО-ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ МЕТАЯЗЫКОВЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

М. С. ГУТОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрены мотивированность номинативных единиц и связанная с ней идиоматичность, показана градуальная природа обоих свойств. Предложена применимая как к лексемам, так и к фраземам классификация по типу связи между означаемым и означающим с различием фонетически, покомпонентно и ассоциативно-образно мотивированных и частично и полностью немотивированных единиц. Возможности применения ономаσιологической классификации продемонстрированы на примере русского и английского лексико-фразеологических полей метаязыковых (относящихся к языку и речи) обозначений. Определены соотношения мотивированных и немотивированных обозначений в метаязыковых полях (3,2–3,3 : 1) и в их лексических (1,6–1,9 : 1) и фразеологических (7,3–10 : 1) частях и относительная продуктивность разных видов мотивированности. Отмечено, что лексика в основном ориентирована на выражение общих понятийных значений, фразеология – на передачу частных эмотивных (преимущественно) и частных понятийных значений.

Ключевые слова: лексико-фразеологическое поле; метаязыковые номинативные единицы; мотивированность; идиоматичность; ономаσιологические различия между лексикой и фразеологией.

Образец цитирования:

Гутовская МС. Семантико-ономаσιологическое своеобразие лексико-фразеологического поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2019;2: 29–41.

For citation:

Gutovskaya MS. Semantic-onomasiological peculiarity of the metalanguage lexical-phraseological field in the Russian and English languages. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2019;2:29–41. Russian.

Автор:

Марина Степановна Гутовская – кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой английского языкознания филологического факультета.

Author:

Marina S. Gutovskaya, PhD (philology), docent; head of the department of English linguistics, faculty of philology. marina-gutovskaya@yandex.by

СЕМАНТИКА-АНАМАСІЯЛАГІЧНАЯ АДМЕТНАСЦЬ ЛЕКСІКА-ФРАЗЕАЛАГІЧНАГА ПОЛЯ МЕТАМОЎНЫХ АБАЗНАЧЭННЯЎ У РУСКАЙ І АНГЛІЙСКОЙ МОВАХ

М. С. ГУТОЎСКАЯ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разгледжаны матываванасць намінацыйных адзінак і звязаная з ёй ідыяматычнасць, паказана градуальная прырода абедзвюх уласцівасцей. Прапанавана прыдатная як для лексем, так і для фразем класіфікацыя паводле тыпу сувязі паміж азначаемым і азначальным з адрозненнем фанетычна, пакампанента і асацыяцыйна-вобразна матываваных і часткова і цалкам нематываваных адзінак. Магчымасці выкарыстання анамасіялагічнай класіфікацыі прадэманстраваны на прыкладзе рускага і англійскага лексіка-фразеалагічных палёў метамоўных (звязаных з мовай і маўленнем) абазначэнняў. Акрэслены суадносіны матываваных і нематываваных абазначэнняў у метамоўных палях (3,2–3,3 : 1) і ў іх лексічных (1,6–1,9 : 1) і фразеалагічных (7,3–10 : 1) частках, а таксама адносная прадуктыўнасць розных відаў матываванасці. Адзначана, што лексіка арыентавана галоўным чынам на перадачу агульных паняццёвых значэнняў, фразеалогія – на выяўленне прыватных эмацыйных (пераважна) і прыватных паняццёвых значэнняў.

Ключавыя словы: лексіка-фразеалагічнае поле; метамоўныя намінацыйныя адзінкі; матываванасць; ідыяматычнасць; анамасіялагічныя адрозненні паміж лексікай і фразеалогіяй.

SEMANTIC-ONOMASIOLOGICAL PECULIARITY OF THE METALANGUAGE LEXICAL-PHRASEOLOGICAL FIELD IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

M. S. GUTOVSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The paper considers motivation of nominative units and related to it idiomatycity, shows gradual nature of these properties. It proposes a classification of nominative units (lexemes and phrasemes) by the type of relationship between the signified and the signifier which distinguishes phonetical, component-based and associative motivation and partial and complete conventionality. It demonstrates the possibilities of applying the onomasiological classification by the example of the Russian and English metalanguage (connected with language and speech) lexical-phraseological fields. It determines the ratio of the transparent and opaque units in the fields (3,2–3,3 : 1) and their lexical (1,6–1,9 : 1) and phraseological (7,3–10 : 1) parts and the relative frequency of the various forms of motivation. It notes that the lexemes mostly convey general cognitive meanings, the phrasemes – particular emotive (predominantly) and particular cognitive meanings.

Keywords: lexical-phraseological field; metalanguage nominative units; motivation; idiomatycity; onomasiological differences between lexemes and phrasemes.

Введение

1. Проблематика, цель исследования. Ономасиология занимается вопросами номинативной техники и изучает способы представления значения в структуре знака. Одна из актуальных задач ономасиологии состоит в установлении возможных типов связи между означаемым и означающим номинативных единиц и выявлении соотношения мотивированных и немотивированных единиц в национальных языках.

Проблема мотивированности языка, природы языковых обозначений интересовала пытливые умы с древних времен. Первая в средиземноморской традиции дискуссия о природе имен развернулась в Древней Греции между сторонниками двух противоположных концепций слова, известных как теория фюсей и теория тесей. Приверженцы теории фюсей считали, что звуковая оболочка имени соответствует природе именуемой вещи, и доказывали «природную» мотивированность означающего означающим имени существованием в языке звукоподражательных слов и наличием сходства между

ощущением вещи и ощущением ее имени. Сторонники теории тесей отстаивали конвенциональность отношений между формой и содержанием и видели в именах условные установления, сознательно принятые людьми.

Изучением понятий означающего и означаемого и характера отношений между ними занимались Ч. С. Пирс, Ф. де Соссюр, Л. Блумфилд, Р. О. Якобсон, С. Ульман, Э. Бенвенист. Ч. С. Пирс разработал [1, с. 75–97], а Р. О. Якобсон во многом лингвистически конкретизировал [2; 3] классификацию знаков по степени мотивированности их означаемого означаемым. В ней различаются три класса знаков: знаки-индексы, в которых означающее смежно с означающим (в языке индексальные знаки представлены интонацией, междометиями, шифтерами); знаки-иконы, у которых означающее сходно с означаемым (звукоподражания); знаки-символы – условные знаки, для которых природная мотивированность означающего означаемым не характерна (большинство слов языка).

С оформлением структурной лингвистики в центре внимания оказались отношения между элементами языковой системы и фокус исследовательского интереса с первичной, природной мотивированности переместился на вторичную, внутрисистемную. Внутрисистемная мотивированность присуща производным словам и значениям: производные сохраняют в своей семантике и структуре указание на соотношенность с другими единицами языка, на базе которых они образованы. В зависимости от языкового уровня, к которому относятся деривационные явления, различаются несколько видов мотивированности производных единиц: фонетическая, семантическая, словообразовательная (морфологическая), синтаксическая.

Ономасиологические наблюдения показывают, что в каждом языке имеются как мотивированные – характеризующиеся первичной или вторичной мотивированностью, – так и немотивированные номинативные единицы. Удельный вес мотивированных и немотивированных обозначений и относительная активность отдельных видов мотивированности в разных языках могут быть различны. По данным В. Г. Гака, в русском и французском языках преобладают мотивированные слова: соотношение мотивированных лексических единиц – суффиксальных производных и сложных слов – и немотивированных единиц – простых слов, к числу которых в работе В. Г. Гака отнесены и конверсивы, – составляет 3 : 1 [4, с. 55, 59]. Во вьетнамском языке, по сведениям Н. В. Солнцевой, большинство слов являются немотивированными: доля непроеводных слов – 69 % [5, с. 138].

Проблема отношений между содержанием и формой номинативных единиц принадлежит к числу извечных проблем философии языка. Ее изучение имеет давнюю историю, однако многие аспекты в настоящее время остаются неясными. Отсутствуют критерии определения мотивированности, применимые к лексемам и фраземам. Лексические и фразеологические обозначения образуют единую номинативную систему. Для изучения лексико-фразеологической системы как сложного целого, определения места и роли в ней двух классов номинативных единиц, принципов их взаимодействия и номинативных функций насущной является задача выработки интегрирующего подхода и создания классификаций, адаптированных для обоих классов обозначений. Ощущается недостаток эмпирических данных о пропорциях мотивированных и немотивированных единиц в номинативных фондах национальных языков в целом и в их лексических и фразеологических составляющих в частности, а также о продуктивности разных видов мотивированности. Малоизученными остаются особенности представления значения в разнооформленных номинативных единицах – лексемах и фраземах. Решению названных актуальных проблем посвящена данная статья.

2. Теоретические основы, материал и методы исследования. В работе предлагается применимая и к лексемам, и к фраземам ономасиологическая классификация номинативных единиц с различением пяти дифференцированных по характеру мотивированности классов единиц – фонетически, покомпонентно и образно мотивированных, частично и полностью немотивированных.

Мотивированность в лексике и фразеологии тесно связана с идиоматичностью. Эти свойства номинативных единиц находятся в отношениях обратной пропорциональной зависимости: чем более явной является мотивированность единицы, тем меньше ее идиоматичность, и наоборот. Мотивированность и идиоматичность, как ономасиологические характеристики, определяются функциональными и семантическими признаками образующих номинативные единицы элементов.

Идиоматичность номинативной единицы проявляется в смысловой неразложимости соединения элементов. Традиционно идиоматичность изучается путем сопоставления значений, реализуемых компонентами в составе наименования, с их узуальными (общепринятыми и фиксируемыми словарями) значениями. Например, для того чтобы определить, является ли фразема идиоматичной, необходимо сопоставить словарные дефиниции значений фраземы и входящих в ее состав слов: сначала соотносятся буквальное и актуальное (приводимое в словаре) значения фраземы и каждому ее слову-компоненту приписывается условное значение, затем условное значение каждого слова-компонента сопоставляется со словарными значениями данного слова. Идиоматичными признаются фраземы, в составе которых

хотя бы одно слово выступает в неузуальном (не отмеченном словарями) значении, неидиоматичными – фраземы, все компоненты которых реализуют узуальные значения. Например, во фраземе *крепкое слово* ‘бранное или неприличное выражение’ (ФСРЛЯ, т. 2, с. 248) компонент *слово* употребляется в одном из своих узуальных значений ‘высказывание, словесное выражение мысли, чувства и т. п.’ (МАС, т. 4, с. 139), а компонент *крепкое* фигурирует в особом, отличном от словарных значений ‘бранное или неприличное’, следовательно, фразема является идиоматичной по компоненту *крепкое*. Подробно об идиоматичности и методе ее выявления говорится в другой работе автора [6].

Мотивированные наименования характеризуются членимостью структуры и семантики: они сформированы из элементов свободного употребления, их общее значение опирается на узуальные значения каждого из компонентов, т. е. оно неидиоматично. Строение таких номинативных единиц показывает способ представления некоторого содержания в языке [7, с. 92, 124]. Единицы *переименовать*, *reporter*, *канонический текст*, *word for word* являются мотивированными обозначениями соответствующих метаязыковых явлений. Они четко делятся на отдельные языковые элементы, а их значение формируется из значений элементов (хотя во многих случаях и не является простой их суммой): значение лексемы *переименовать* ‘дать кому-, чему-л. другое имя или название’ (Online БТС) – из значений вычленяющихся в ее составе основы глагола *именовать* ‘называть, давать имя, наименование’ (Online БТС) и приставки *пере-* ‘7. Обозначает повторение действия заново, еще раз или иначе’ (Online БТС); значение *reporter* ‘1. Тот, кто делает доклад; докладчик. 2. Сотрудник (газеты, телевидения), пишущий или передающий репортажи; репортер, обозреватель’¹ (Online FD) – из значений основы *report* ‘1. Делать официальное сообщение на определенную тему. 2. Писать или передавать репортажи в средствах массовой информации’ (Online FD) и суффикса *-er* ‘означает производителя действия, названного производящей основой’ (Online FD); значение фраземы *канонический текст* ‘подлинно авторский текст в его последней редакции, общепринятый для всех изданий этого произведения’ (ФСРЯ, с. 105) – из значений конституирующих ее слов *канонический* ‘1. Твердо установленный, принятый за образец’ (Online БТС) и *текст* ‘1. Слова, предложения в определенной связи и последовательности, образующие какое-л. высказывание, сочинение, литературное произведение, документ и т. п., напечатанные, написанные или запечатлѐнные в памяти’ (Online БТС); значение *word for word* ‘дословно, слово в слово’ (LID, р. 390) – из значений лексемы *word* ‘1. Слово, единица языка, служащая для называния отдельного понятия’ (Online FD) и предлога *for* ‘10. В составе наречных сочетаний передает усилительное значение’ (Online FD).

Немотивированные именованные неразложимы по форме и значению. Немотивированные единицы представляют собой «химическое соединение каких-то растворившихся и с точки зрения современного языка аморфных частей» [8, с. 29]. В этом случае с позиции синхронии невозможно определить причины, по которым некое значение оказалось выраженным конкретной номинативной единицей. Языковые единицы *буква*, *ask*, *сапоги всмятку*, *ad hominem argument* являются немотивированными, условными обозначениями. Лексемы *буква*, *ask* неделимы на морфы, их значение целостно. В них не отражено, почему лексемой *буква* в русском языке передается значение ‘графический знак в составе алфавита’, лексемой *ask* в английском – значение ‘задать вопрос’. Фраземы *сапоги всмятку* ‘ерунда, чепуха’ (ФСРЯ, с. 39) и *ad hominem argument* ‘аргумент, касающийся личных качеств, а не доводов собеседника’ (Online IFD) также отличаются структурной и семантической слитностью. Структурная цельность проявляется в том, что, несмотря на фонетическую и орфографическую раздельнооформленность фразем (их компоненты произносятся и пишутся раздельно), акцентологически и графически выделенные компоненты не обладают важнейшими свойствами слов – грамматической и семантической самостоятельностью – и оказываются обособленными от языковой системы. Компоненты фраземы *сапоги всмятку* не имеют форм словоизменения (фразема употребляется в фиксированном виде) и утрачивают в составе фраземы свои узуальные значения. Два первых компонента (латинизмы) фраземы *ad hominem argument* изолированы от системы английского языка, самостоятельно неизвестны английскому языку – в нем не существует таких слов за пределами фраземы. В семантическом плане обе фраземы выступают как единое целое: общее значение не выводится из значений частей, т. е. оно идиоматично. Внутренняя форма фразем затемнена. Для того чтобы установить связь между планом содержания и планом выражения этих языковых единиц, необходимо обратиться к этимологическим данным либо к сведениям из других языков.

Между двумя противопоставленными классами номинативных единиц – мотивированными неидиоматичными и синхронно немотивированными высокоидиоматичными обозначениями – имеются промежуточные случаи, и это позволяет говорить о градуальной природе обсуждаемых свойств и дифференцировать языковые единицы по степени мотивированности и идиоматичности. В зависимости от характера связи между означаемым и означающим представляется возможным разделить мотиви-

¹Здесь и далее толкования значений английских номинативных единиц, взятых из англоязычных словарей, переведены автором.

рованные наименования на три группы: единицы с фонетическим, покомпонентным и ассоциативно-образным способом мотивации; немотивированные обозначения – на две подгруппы: частично – по связанному компоненту – немотивированные и полностью немотивированные единицы.

Возможности применения представляемой ономаσιологической классификации демонстрируются на примере русских и английских метаязыковых обозначений. Материалом исследования послужил корпус употребительных лексических и фразеологических метаязыковых обозначений русского и английского языков, отобранный из современных словарей. Общий объем корпуса составил 4600 номинативных единиц, в их числе 1478 лексем и 1029 фразем русского языка, 1243 лексемы и 850 фразем английского языка. Процедура формирования исследовательского корпуса подробно описана в другой работе автора [9, с. 61–62]. За единицу исследования принимается номинативная единица – лексема, фразема.

Ономаσιологическая квалификация номинативных единиц осуществляется на основе анализа лексем и фразем с точки зрения их фонематического состава, структурной членимости – возможности выделения в их строении отдельных языковых элементов – и смысловой разложимости – степени соотносимости значений составных единиц со значениями их элементов.

Ономаσιологические классы метаязыковых обозначений в русском и английском языках

1. Фонетически мотивированные неидиоматичные номинативные единицы. Группу фонетически мотивированных образуют номинативные единицы со звукоподражаниями – элементами, имитирующими звуковые признаки явлений речи фонетическими средствами данного языка и самим своим звуковым обликом подсказывающие значения включающих их единиц: *xpунeть* ‘говорить хриплым голосом’ (*Online БТС*) (от звукоподражательного *xpu* (*Online ЭСПЯ*)), *whisper* ‘говорить шепотом’ (звукоподражательное слово (*Online ED*)); *разводить тары-бары* ‘болтать, заниматься пустыми разговорами’ (РФИЭС, с. 687), *yadda yadda (yadda)* ‘скучные, длинные речи’ (LID, р. 397) (фраземы построены на типичном для своего языка звуковом повторе). В номинативных единицах со звукоподражаниями связь между формой и содержанием проявляется отчетливо: означающее похоже на означаемое, звучание единицы имитирует называемые ею акустические признаки. Семантика обозначений этой группы обычно легко определяется носителями языка на основе элемента звукоподражательного характера. Они квалифицируются как неидиоматичные.

2. Покомпонентно мотивированные неидиоматичные номинативные единицы. Группу покомпонентно мотивированных единиц составляют словообразовательно мотивированные лексемы и предметно-логически мотивированные фраземы.

К словообразовательно мотивированным относятся лексемы с производной основой, опирающиеся на значения сочетающихся в них морфемных компонентов: аффиксальные производные (*переговариваться* ‘1. Обмениваться словами, короткими фразами. 2. вести переговоры, договариваться о чем-л.’ (*Online БТС*), *confirmation* ‘1. Действие по значению глаг. *confirm*. 3. Подтверждающее утверждение или доказательство’ (*Online FD*)) и безаффиксальные производные, среди которых выделяются сложения (*законопроект* ‘проект закона’ (*Online БТС*), *spokesman* ‘человек, который говорит от имени другого или других’ (*Online FD*)), сращения, образованные на базе словосочетания путем объединения двух или более элементов (*вполголоса* ‘негромко, не в полный голос’ (*Online БТС*), *so-called* ‘так называемый, обычно называемый определенным именем’ (*Online FD*)), аббревиации (*редколлегия* ‘редакционная коллегия (коллектив работников, ведущих издание, выпуск газеты, журнала и т. п.)’ (*Online БТС*), *loan* ‘4. лингв. Сокращенное от *loan word*’ (*Online FD*)), усечения основ (*факс* ‘= *телефакс*’ (*Online БТС*), *phone* ‘= *telephone*’ (*Online FD*)), конверсивы, возникшие в результате перехода лексемы из одного частеречного класса в другой (*ведущий* ‘2. Тот, кто ведет концерт, теле- или радиопередачу, сопровождая их комментариями’ (*Online ТСС*), *compound* ‘2. лингв. Слово, состоящее из двух или более элементов; сложное слово’ (*Online FD*) – производное от прил. *compound* ‘составной; сложный’ (*Online ED*)).

В семантическом плане производные лексемы по-разному соотносятся со значениями составляющих их частей. Некоторые производные неидиоматичны по семантике: их значение складывается из значений частей (аддитивный, или суммативный, тип словообразовательной деривации [10, с. 130]). Неидиоматичностью семантики характеризуются относительные прилагательные (*парадоксальный* ‘являющийся парадоксом; невероятный’ (*Online БТС*), *dramatic* ‘имеющий отношение к драме или театру; драматический’ (*Online FD*)), определительные наречия (*громко* ‘соотносится по значению с прил. *громкий*’ (*Online БТС*), *silently* ‘безмолвно, молча’ (*Online FD*)), существительные со значением отвлеченного признака (*вежливость* ‘отвлеч. суш. по значению прил. *вежливый*’ (*Online ТСС*), *clarity* ‘2. Ясность (о манере изложения, стиле)’ (*Online FD*)) и отвлеченного действия (*обсуждение* ‘процесс действия по значению глаг. *обсуждать*’ (*Online ТСС*), *accusation* ‘1. Процесс действия по значению

глагол *accuse* (Online FD)), многие безаффиксальные производные (примеры см. выше). Другим производным присуща некоторая (слабая) степень идиоматичности: их семантика не равняется сумме значений входящих в их состав частей, содержит добавочные семы (неаддитивная, или интегративная, деривация [10, с. 130]): лексема *читатель* (основа глагола + суффикс *-тель* со значением ‘производитель действия, названного производящей основой’) обозначает не только человека, который читает, но и посетителя общественной библиотеки (Online БТС); лексема *booklet* (основа существительного + суффикс *-let* со значением уменьшительности) указывает не только на размер книги, но и на тип ее обложки, объем и возможное содержание – ‘небольшая книга в мягкой обложке объемом не более 80 страниц, обычно содержащая рекламный материал, инструкцию по применению и т. д.’ (Online FD).

Предметно-логическая мотивированность присуща неидиоматичным фраземам, семантика которых выводится из узуальных значений компонентов. Н. Б. Мечковская показала, что с учетом типа узуального значения, реализуемого словом-компонентом во фраземе, – прямого, метонимически производного, метафорически производного – можно различать полностью неидиоматичные, слабо идиоматичные и частично идиоматичные фраземы [11, с. 167–168, 154].

Семантика полностью неидиоматичных фразем целиком складывается из основных узуальных значений слов-компонентов: значение фраземы *нисходящая интонация* ‘лингв. Интонация с постепенным понижением тона’ (ФСРЯ, с. 169) выводится из единственного значения слова *нисходящий* ‘убывающий, понижающийся’ (Online БТС) и прямого значения слова *интонация* ‘1. Ритмико-мелодический строй речи, чередование повышений и понижений тона при произнесении’ (Online ТСС). Полная неидиоматичность – явление достаточно редкое для фразеологии. Даже у тех фразем, значения которых включают в себя значения всех их слов-компонентов, в семантике часто присутствуют некие дополнительные семантические признаки, отличные от тех, что составляют значения слов-компонентов, а значит, создающие некоторую идиоматичность [12, р. 183]. Значение фраземы *канцелярский слог* ‘невыразительный, тяжелый слог, изобилующий принятыми в деловых бумагах словами и оборотами’ (ФСРЯ, с. 105) включает значения моносемантических компонентов *канцелярский* ‘соотносящийся по значению с сущ. *канцелярия* – отдел учреждения, ведающий делопроизводством’ (Online БТС) и *слог* ‘способ, манера словесного изложения; стиль’ (Online БТС), но не исчерпывается ими: в семантике фраземы имеются дополнительные семы ‘невыразительный’, ‘тяжелый’.

Семантика слабо идиоматичных фразем опирается на узуальные метонимически производные (возникшие в результате метонимического или синекдохического переноса) значения слов-компонентов: фразема *household word* ‘расхожее, широко известное слово’ (Online FD) является слабо идиоматичной по компоненту *household*, участвующему во фразеологической семантике своим словарным метонимическим значением ‘2. Хорошо известный’ (Online FD) (компонент *word* актуализирует словарное основное значение ‘1. Единица языка, служащая для обозначения отдельного понятия’ (Online FD)).

В составе частично идиоматичных фразем имеются слова (одно или более), реализующие узуальные метафорически производные (образованные на основе метафорического или функционального переноса) значения. Фразема *thorny question* ‘сложный, вызывающий противоречия вопрос’ (LID, р. 277) является частично идиоматичной по компоненту *thorny*, реализующему словарное метафорическое значение ‘3. Трудный, противоречивый’ (Online FD).

3. Ассоциативно-образно мотивированные идиоматичные номинативные единицы. Группу ассоциативно-образно мотивированных обозначений формируют лексемы и фраземы в переносных значениях, которые обнаруживают семантическую двуплановость, связь переносного значения с прямым. В случаях переносного употребления мотивированность обозначений оказывается опосредованной – осуществляется с опорой на их прямое значение – и обуславливается ассоциативным сходством между двумя явлениями – тем, что передано прямым значением, и тем, что выражено переносным: *пилить* ‘3. разг. Изводить, донимать непрерывными попреками, придирками; корить’ (Online БТС), *kick* (досл. ‘брыкаться’) ‘4.b. Возражать, перечить’ (Online FD); *тяжелая артиллерия* ‘о наиболее авторитетных аргументах, к которым прибегают, когда в споре исчерпаны собственные доказательства’ (ФСРЯ, с. 12), *call off the dogs* (досл. ‘отозвать собак’) ‘прекратить нападки, критику, переменить неприятную тему разговора’ (LID, р. 90; АРФС, с. 298). Именования этой группы являются идиоматичными, их содержание прямо не связано с формой.

4. Частично – по связанному компоненту – немотивированные и идиоматичные номинативные единицы. Группу частично немотивированных и идиоматичных единиц образуют номинативные единицы со слабой членимостью, в составе которых есть элементы несвободного употребления – связанные корни, или радикалоиды (термин Г. О. Винокура), уникальные аффиксы, или унификсы (термин Е. А. Земской [13, с. 59]), у лексем, уникальные синтагматически связанные элементы у фразем. Такие компоненты выделяемы из состава номинативной единицы лишь на фоне других, свободно функционирующих компонентов.

Слабой членимостью характеризуется лексема *добавить* '2. Сказать или написать в дополнение' (*Online БТС*): в ней с несомненностью различаются повторяющиеся в том же значении во многих других словах префикс *до-* ('2. Пополнение чего-л. до известной меры, до нормы, прибавка сверх чего-л.' (*Online БТС*): *докупить, досыпать*), суффикс *-и* и показатель инфинитива *-ть*, а радикалоид *-бав-* вычленяется только как остаток. Последний бытует в русском языке в связанном виде – в окружении аффиксов – и в современном восприятии сам по себе непонятен – его значение можно вывести из значений тех слов, в состав которых он входит: *прибавить* '4. Сказать, написать в дополнение к чему-л.' (*Online БТС*), *разбавить* '2. разг. Лишить что-л. силы, содержательности, однородности, добавляя что-л. постороннее: *разбавить рассказ ненужными подробностями*' (*Online ТСС; Online БТС*) и др. Слабой является членимость лексемы *length*: радикалоид *-leng-* выделяется по остаточному принципу, лишь на фоне распространенного и потому отчетливо различимого суффикса *-th*, в свободном виде в английском языке не встречается и самостоятельного значения не имеет.

В слабочленимых фразах в качестве синтагматически связанных элементов часто выступают устаревшие слова (историзмы, архаизмы: *обиняком говорить* 'говорить с помощью намеков, иносказаний' (ФСРЯ, с. 175)), слабо адаптированные заимствования (в русском и английском языках в основном церковнославянизмы и латинизмы, появившиеся как неточные кальки в переводах грамматик и богослужебных книг с греческого: *родительный падеж* 'грамм. падеж, отвечающий на вопросы: кого? чего?' (ФСРЯ, с. 242) (*родительный* – словообразовательная калька XIV в. греч. *genikē* во фразеологической кальке греч. *genikē ptōsis* 'родительный падеж' (*Online ЭСРЯ*)), а также слова, не имеющие оттенка устарелости, но утратившие свободу в сочетаемости (*poison-pen letter* 'анонимное оскорбительное письмо' (*Online IFD*)). Синтагматически ограниченные лексические компоненты нельзя считать автономными единицами языка – они существуют в языке и употребляются в речи только как компоненты определенной фраземы (одной или нескольких), их значение актуализируется только в составе фразем. Несвободный, фразеологически связанный статус таких слов сигнализируется в русской лексикографии: в общих словарях (словарях лексики и фразеологии), например в МАС, несамостоятельные синтагматически замкнутые слова приводятся как заголовочные слова отдельных словарных статей, но рассматриваются только в составе помещенных в ромбовой части (после знака ◇) фразем и не снабжаются толкованиями значений (толкуется только значение включающей их фраземы): *взгадать*. ◇ *ни вздумать, ни взгадать, ни пером описать* 'о ком-, чем-л. таком прекрасном, что трудно вообразить, передать' (МАС, т. 1, с. 165).

Обозначения со слабой членимостью являются идиоматическими по связанным компонентам. Семантика синтагматически связанных компонентов непрозрачна – они непонятны носителям языка вне состава тех номинативных единиц, в которых они закреплены. Это придает наименованиям идиоматичность. Мера непрозрачности уникальных компонентов и, соответственно, степень немотивированности включающих их обозначений могут быть различны. Адъективный компонент фраземы *диакритический знак* непрозрачен: корневая морфема греческого происхождения *-диакритич-* не встречается в общеупотребительных словах русского языка, и поэтому значение уникального слова-компонента не вполне понятно. Мера непрозрачности адъективных компонентов фразем *сложносокращенное слово* 'лингв. Слово, образованное из сокращенных частей слов, входящих в состав какого-л. наименования' (ФСРЯ, с. 264), и *hard-luck story* 'трогательная история о личных неудачах и перипетиях' (LID, p. 329) заметно меньше: фразеологически связанные компоненты представляют собой потенциальные сложные слова, их значение подсказывается значениями соединяющихся в них корневых морфем. Степень немотивированности у первой фраземы выше, чем у двух других.

5. Полностью немотивированные идиоматические номинативные единицы. Абсолютно немотивированными с точки зрения синхронии являются лексемы с нечленимыми, непроизводными основами: *весть* 'известие, сообщение' (*Online БТС*), *true* '4. Правдивый, искренний' (*Online FD*). Соотношение формы и содержания у таких лексем произвольно, условно. Значение никак не связано со строением.

Полная синхронная немотивированность присуща и безобразным идиоматическим фраземам, утратившим свое буквальное (этимологическое) значение. Затемненность буквального плана таких фразеологических единиц может быть обусловлена разными причинами экстра- и интралингвистического характера: забвением обстоятельств, в которых возник фразеологизм, выходом из употребления входящих во фразеологизм слов или отдельных значений слов, утратой словом грамматических форм и др. Во фраземе *благим матом* (*кричать/орать/вопить* и т. п.) имеется исчезнувшее слово *мат* со значением 'голос', а прилагательное *благий* употреблено в устаревшем значении 'сильный' (РФИЭС, с. 419). Во фраземе *curry favour* (досл. 'чистить скребницей благосклонность') 'стараться добиться чьей-л. благосклонности лестью, услужливостью' (LID, p. 115) алогичность буквального плана и непонятность мотива номинации связаны с изменением первоначальной формы оборота и утратой породивших его

ассоциаций: фразема возникла в результате искажения выражения *curry favel* ‘чистить скребницей рыжую лошадь’, в котором отражено средневековое представление о рыжей лошади как олицетворении хитрости и обмана (*Online IFD*).

Ономасиологическая структура поля

Соотношение мотивированных – фонетически, покомпонентно и образно – и немотивированных – частично и полностью – номинативных единиц в русском и английском метаязыковых полях составляет примерно 3 : 1. Количественное превосходство мотивированных наименований – вписанных в другие языковые и внеязыковые представления и обладающих самообъяснительной силой – говорит о том, что мотивированность приветствуется в обоих языках. Данные о распределении русских и английских метаязыковых обозначений по ономасиологическим классам, различающимся в характере мотивированности и степени идиоматичности, приводятся в таблице.

Удельный вес ономасиологических классов
поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках

The proportion of the onomasiological classes
of the metalanguage lexical-phraseological field in the Russian and English languages

Ономасиологические классы по характеру мотивированности и степени идиоматичности		Русский корпус		Английский корпус	
		количество	%	количество	%
Мотивированные обозначения	Фонетически мотивированные неидиоматичные наименования	21	1	16	1
	Покомпонентно мотивированные неидиоматичные именованья	1057	42	672	32
	Ассоциативно-образно мотивированные идиоматичные обозначения	853	34	903	43
	<i>Всего мотивированных обозначений</i>	<i>1931</i>	<i>77</i>	<i>1591</i>	<i>76</i>
Немотивированные обозначения	Частично (по связанному компоненту) немотивированные и идиоматичные названия	140	6	38	2
	Полностью немотивированные идиоматичные наименования	436	17	464	22
	<i>Всего немотивированных обозначений</i>	<i>576</i>	<i>23</i>	<i>502</i>	<i>24</i>
Всего		2507	100	2093	100

Различия по языкам в продуктивности обсуждаемых типов мотивировки показывают, что мотивированность метаязыкового поля в русском языке является более явной, чем в английском. В русском материале больше процент наименований с прямой покомпонентной мотивированностью, тогда как в английском – с переносной образной, и меньше процент синхронно немотивированных именованья. В русском корпусе выше процент единиц, немотивированных по связанному компоненту, однако, ввиду того что доля наименований этого типа в корпусах обоих языков невелика, этот показатель существенно не влияет на общую более высокую мотивированность исследуемого номинативного поля в русском языке в сравнении с английским.

Межязыковые отличия в активности разных видов мотивированности определяются типологическим своеобразием рассматриваемых языков.

Доля образно мотивированных обозначений в переносных значениях и лексем, и фразем больше в английском материале, чем в русском. В английском – языке более аналитическом в сравнении с русским – у слов и словосочетаний активнее развиваются новые значения. В нем, как и в других языках аналитического типа, шире распространено переосмысление, более обыденным является переносное употребление уже существующих языковых единиц.

Процент обозначений с покомпонентной мотивировкой – словообразовательной у производных лексем, предметно-логической у фразем – в русском материале выше, чем в английском. Русский – язык с более высокой по сравнению с английским степенью синтетичности – обладает более развитой системой суффиксально-префиксальных средств, реализуемых в многочисленных моделях аффиксального словообразования, и чаще прибегает к морфемной деривации. Активнее русский язык использует и поясняемые своими компонентами составные фразеологические обозначения.

Доля непроизводных слов в английском корпусе больше, чем в русском. В более аналитическом в сравнении с русским английском языке богатый арсенал непроизводных основ отчасти компенсирует относительно небольшое количество приставок и суффиксов и обеспечивает материальную базу для шире распространенного в языках аналитического строя безаффиксального словообразования – сложения и конверсии. Сравнительно высокая продуктивность безаффиксальных способов деривации имеет морфемно-грамматические предпосылки: легкому соединению слов английского языка способствует меньшая (в сравнении с русским) морфологическая выраженность в нем категории падежа; грамматической перекаатегоризации – смене частеречной принадлежности слова – благоприятствует слабая морфологическая маркированность частей речи.

Различия между лексикой и фразеологией с точки зрения ономасиологических свойств мотивированности и идиоматичности

В русском и английском языках ономасиологическая организация метаязыковой лексики и фразеологии различна: три наиболее активных типа мотивированности – покомпонентная, образная, произвольная (отсутствие мотивированности) – имеют в лексике и фразеологии разный ранг.

Соотношение лексем и фразем в ономасиологических разрядах русского метаязыкового поля отражено на рис. 1, английского – на рис. 2.

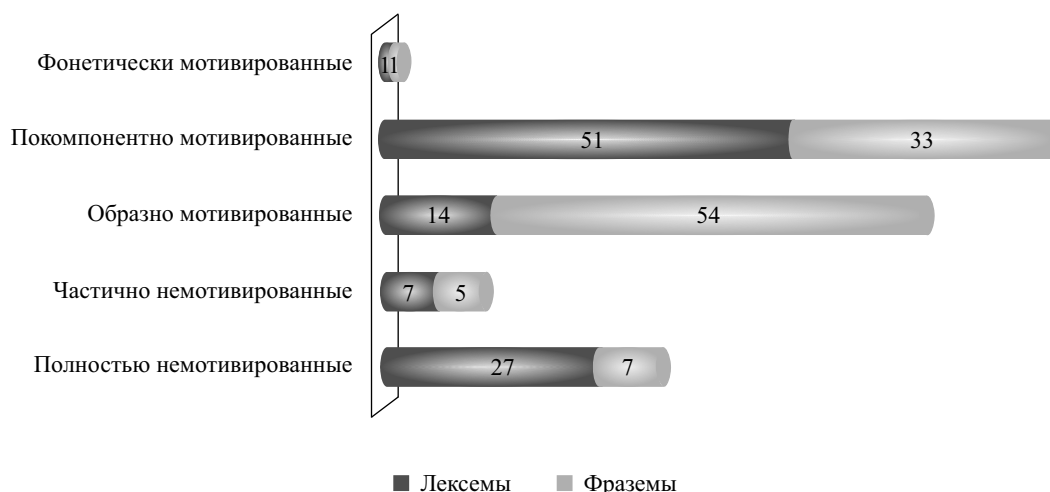

Рис. 1. Процентное соотношение лексем и фразем
в ономасиологических группах русского поля метаязыковых обозначений
Fig. 1. The percentage of the lexemes and phrasemes
in the onomasiological classes of the Russian metalanguage lexical-phraseological field

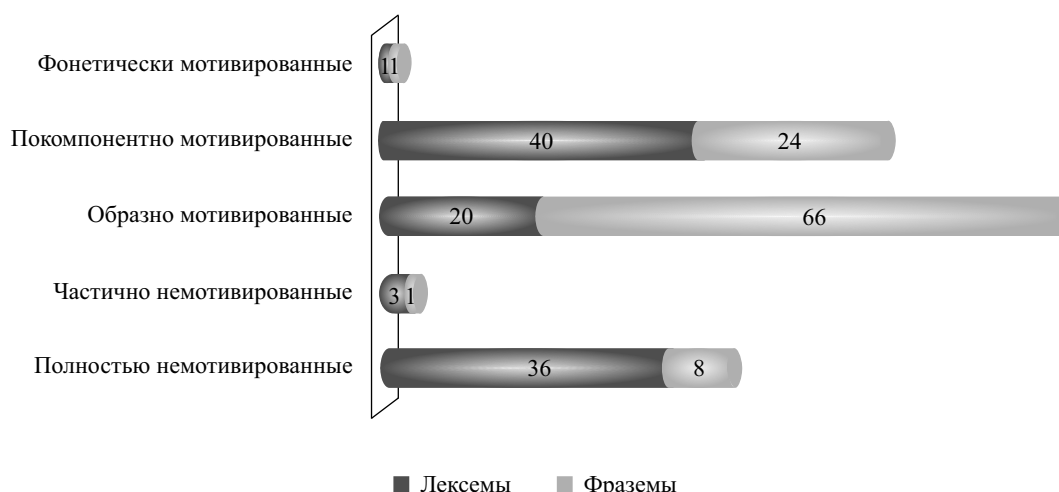

Рис. 2. Процентное соотношение лексем и фразем
в ономасиологических группах английского поля метаязыковых обозначений
Fig. 2. The percentage of the lexemes and phrasemes
in the onomasiological classes of the English metalanguage lexical-phraseological field

В лексических корпусах обоих языков преобладают **покомпонентно мотивированные единицы** с предметно-понятийной семантикой, во фразеологических – **образно мотивированные единицы** с эмоционально-оценочными оттенками значений.

Язык и, в частности, его лексико-фразеологический фонд аккумулируют в своей семантике рациональный и эмоциональный опыт освоения человеком мира. Вопрос о закономерностях распределения между лексикой и фразеологией функций по выражению понятийной и эмотивной семантики в современной лингвистике остается открытым. Одни языковеды полагают, что лексический и фразеологический корпусы (при широком понимании фразеологии, включении в ее состав как идиоматичных наименований, так и неидиоматичных, а также общеупотребительных терминологических наименований) сбалансированы по признаку «нейтральность vs экспрессивность» – представлены мощными пластами репрезентативов (чистых номинативов) и экспрессивов [14, с. 207, 211–212]. Другие исследователи допускают различия между лексикой и фразеологией в спектре обсуждаемой антиномии и считают, что лексем ориентированы на передачу понятийных, а фраземы – эмотивных значений [15, с. 68].

Чисто номинативная, или репрезентативная, функция реализуется лексемами, и фраземами. Однако фразеологическая номинация выполняет хотя и важную, но в определенном смысле дополнительную по отношению к лексической номинации роль. Важность фразем-репрезентативов заключается в том, что большинство из них выступают в роли первичных наименований своих денотатов и не имеют в языке однословных соответствий: *косвенная речь*, *prepositional verbs* ‘предложные глаголы’ (Online FD). Дополнительность состоит в том, что они в основном называют признаки лексически именованных сущностей, описывают оставшиеся за рамками лексической номинации подробности: *речь* – *прямая речь* ‘чужая речь, переданная в повествовании без изменений от лица говорящего’ (ФСРЯ, с. 229), *говорить* – *выбирать слова* ‘говорить осторожно, обдумывая каждое слово’ (ФСРЯ, с. 40), *verb* ‘глагол’ – *frequentative verb* ‘глагол со значением многократности’ (Online IFD), *tell* ‘сказать’ – *tell it like it is* ‘сказать, как оно есть, не приукрашивая’ (Online IFD) (подробно об этом см. в другой работе автора [16, с. 63]). Неравной оказывается и количественная представленность лексем и фразем репрезентативов: в русском и английском материале среди покомпонентно мотивированных единиц с предметно-понятийной, фиксирующей результаты интеллектуального освоения сферы языка и речи, семантикой лексем в среднем в 1,5 раза больше, чем фразем.

Экспрессивная функция осуществляется как фразеологическими, так и лексическими единицами. Однако образно мотивированные фраземы превосходят соответствующие лексем по выразительности: более «мощный» экспрессивный эффект фразем обусловлен тем, что они «отражают образ-ситуацию и выступают как микротекст в тексте» [17, с. 83] (ср. лексему *звонить* и фразему *звонить во все колокола* с общим значением ‘всем, повсюду рассказывать о чем-л.’). Значительное превосходство наблюдается и по числу: в русском и английском корпусах в кругу образных единиц с эмоционально-оценочными, отражающими чувственные переживания оттенками значения фразем в среднем в 3,5 раза больше, чем лексем.

Результаты исследования ономаσιологических свойств метаязыковых наименований вносят вклад в понимание номинативных функций лексики и фразеологии, их роли в обозначении содержащейся в семантической системе языка объективно-логической и субъективно-психологической информации. Полученные количественные и качественные данные свидетельствуют о том, что лексика и фразеология имеют свое номинативное предназначение: лексика специализируется на выражении общих понятийных значений, фразеология – на передаче частных эмотивных (преимущественно) и частных понятийных.

В лексических корпусах русского и английского языков доля синхронно **полностью немотивированных** – непроемких, нечленимых – **единиц** в 4 раза выше, чем во фразеологических корпусах. Объясняется это типологически значимыми особенностями устройства номинативных единиц в рассматриваемых языках. В фузионных языках, к числу которых принадлежат русский и английский, процесс демотивации, утраты в многокомпонентном целом семантической самостоятельности отдельных элементов, естественнее протекает в лексике, чем во фразеологии. Фузионное слово отличается высокой семантической и формальной слитностью, «сплавленностью» структурных компонентов, и поэтому в нем сравнительно легко происходит стирание границ между морфемами, прежде всего между корнем и аффиксом. Появляющиеся в результате опрощения новые непроемкие основы активно функционируют в языке: они пополняют фонд корневых морфем, которые используются для образования новых слов. Утрате мотивированности фразем, обычно провоцируемой архаизацией значений отдельных слов-компонентов, препятствует их раздельнооформленность. Многие фраземы с компонентами в устаревающих значениях подвергаются вторичному – ложноэтимологическому – осмыслению: паронимической, омонимической или полисемантической трансформации компонентов

[14, с. 171–185], в результате чего их образ обновляется, находится (хотя и ценой искажения исходной образности) новое объяснение формы. Другие фраземы продолжают употребляться и после исчезновения образной мотивированности, хотя и менее активно.

Как в лексических, так и во фразеологических подкорпусах рассматриваемых языков немного **частично** – по связанному компоненту – **немотивированных обозначений**. Единицы, включающие элемент с узкой синтагматикой и нечеткой семантикой, не вполне понятны говорящим и поэтому реже употребляются и постепенно уходят из языка. Доля номинативных единиц со связанными компонентами в русском материале больше, чем в английском (связанных лексем 7 % в русском, 3 % в английском корпусе; связанных фразем 5 % в русском, 1 % в английском материале). В качестве самостоятельных элементов часто выступают корни и слова иноязычного происхождения, слабо адаптированные в принимающем языке. Степень ассимиляции заимствований из латинского и французского языков в русском ниже, чем в английском. Слабой освоенностью в русском языке таких иноязычных элементов и объясняется сравнительно более высокий процент обозначений со связанным компонентом.

Меньше всего в метаязыковой лексике и фразеологии обоих языков **фонетически мотивированных единиц**. По мнению В. М. Солнцева, С. В. Воронина, удельный вес звукоподражаний в языках неуклонно снижается: в современных языках их меньше, чем было в период возникновения языков [18, с. 136; 19, с. 145]. Фонетическая мотивировка, возможно игравшая важную роль в эпоху зарождения языков, в современный период уступает место покомпонентной (словообразовательной у лексем, предметно-логической у фразем) и образной мотивировке.

Заключение

В русском и английском метаязыковых полях соотношение мотивированных и немотивированных обозначений составляет 3,2–3,3 : 1, в лексических частях полей 1,6–1,9 : 1, во фразеологических – 7,3–10 : 1. Количественное превосходство наименований, обладающих внутренней формой, говорит о предпочтительности мотивированности в обоих языках. Для фразеологии мотивированность характерна в гораздо большей степени, чем для лексики. Активность разных видов мотивированности в метаязыковой лексике и фразеологии различна: покомпонентная мотивированность преобладает в лексике, во фразеологии находится на втором месте; образный способ представления значения доминирует во фразеологии, в лексике занимает третье место; доля немотивированных обозначений в лексике выше, чем во фразеологии.

Функции лексем и фразем по выражению связанных с языком и речью значений разграничены: лексика актуализирует общее понятийное содержание, обозначает основные рациональные признаки метаязыковых феноменов ('высказывать доводы' – *аргументировать, обосновывать, фундировать, подтверждать*), фразеология обогащает лексически обозначенную понятийную основу рассудочными деталями ('высказывать доводы, апеллирующие к личности оппонента, а не к сути дискуссии, с целью внушить недоверие к его позиции' – *перейти на личности*) и расцветивает ее эмоционально-оценочными оттенками ('(неодобрительное) привести в качестве довода что-л. надуманное' – *притягивать за волосы*).

Таким образом, на фоне лексики фразеология в целом предстает как область номинативных средств с более высокой в основном образной мотивированностью и более конкретной, сфокусированной на эмоциональных (преимущественно) и рациональных деталях семантикой.

Выявленные закономерности ономастической организации номинативного поля в целом и его лексической и фразеологической составляющих скорее всего не универсальны: по общему признанию, применительно к номинативному уровню языка полные универсалии вряд ли возможны. Будучи представленными в неблизкородственных (принадлежащих разным группам) русском и английском языках, они могут быть квалифицированы как типологически значимые характеристики. Исследование большего количества языков поможет установить, насколько широко распространены вскрытые принципы устройства словаря.

Сокращения

АРФС – Англо-русский фразеологический словарь / сост. А. В. Кунин. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956; **МАС** – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. Т. 1–4; **РФИЭС** – Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко. М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005; **ФСРЛЯ** – Фразеологический словарь русского литературного языка : в 2 т. / сост. А. И. Федоров. Новосибирск : Наука, 1995; **ФСРЯ** – Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов. М. : Медиа : Дрофа, 2007; **LID** – Longman Idioms Dictionary. Harlow : Pearson Educ. Ltd, 1998; **Online БТС** – Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] /

сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts> (дата обращения: 22.11.2018); **Online TCC** – Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] / сост. Т. Ф. Ефремова. URL: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 22.11.2018); **Online ЭСРЯ** – Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://etymological.academic.ru> (дата обращения: 22.11.2018); **Online ED** – Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. URL: <http://www.etymOnline.com/index.php> (date of access: 22.11.2018); **Online FD** – The Free Dictionary [Electronic resource]. URL: <http://www.thefreedictionary.com> (date of access: 22.11.2018); **Online IFD** – Idioms by The Free Dictionary [Electronic resource]. URL: <http://idioms.thefreedictionary.com> (date of access: 22.11.2018); **Online MT** – Multitran [Electronic resource]. URL: <http://www.multitran.com> (date of access: 22.11.2018).

Библиографические ссылки

1. Пирс ЧС. *Логические основания теории знаков*. Санкт-Петербург: Алетейя; 2000. 352 с.
2. Якобсон РО. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол [1957]. В: Ревзина ОГ, составитель. *Принципы типологического анализа языков различного строя*. Москва: Наука; 1972. с. 95–113.
3. Якобсон Р. В поисках сущности языка [1965]. В: Степанов ЮС, составитель. *Семиотика. Антология*. Москва: Академический проект; 2001. с. 111–126. Совместное издание с «Деловая книга».
4. Гак ВГ. *Сопоставительная лексикология*. Москва: Международные отношения; 1977. 264 с.
5. Солнцева НВ. *Проблемы типологии изолирующих языков*. Москва: Наука; 1985. 253 с.
6. Гутовская МС. Идиоматичность как градуальное свойство фразеологизмов и метод ее исследования. *Вестник БДУ. Серия 4. Филология. Журналистика. Педагогика*. 2015;2:32–39.
7. Потебня АА. *Мысль и язык* [1862]. Москва: Юрайт; 2016. 288 с.
8. Виноградов ВВ. *Русский язык. Грамматическое учение о слове* [1947]. Москва: Высшая школа; 1986. 640 с.
9. Гутовская МС. Грамматическая структура лексико-фразеологического поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2017;2:58–71.
10. Кубрякова ЕС, Панкрац ЮГ. Деривация. В: Ярцева ВН, редактор. *Языкознание. Большой энциклопедический словарь*. Москва: Большая Российская энциклопедия; 1998. 129–130.
11. Мечковская НБ. Классы идиом и их корреляты в механизмах диахронической фразеологии (на материале восточнославянских, словенского и польского языков). В: Лукашанец АА, редактор. *Мовазнаўства. Літаратурнаўства. Фалькларыстыка. XIV міжнародны з'езд славістаў (Охрыд, 2008). Доклады беларускай дэлегацыі*. Минск: Права і эканоміка; 2008. с. 149–172.
12. Mel'čuk IA. Phrasemes in language and phraseology in linguistics. In: Everaert M, Linden E-J, van der Schenk A, Schreuder R, editors. *Idioms: Structural and Psychological Perspectives*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates; 1995. p. 167–232.
13. Земская ЕА. *Современный русский язык. Словообразование*. Москва: Флинта; 2012. 323 с.
14. Мокиенко ВМ. *Славянская фразеология*. Москва: Высшая школа; 1989. 287 с.
15. Мечковская НБ. Образная концептуализация градуально-количественных представлений в русской фразеологии. В: Jachnow H, Drechsler T, Idrizovic Z, editors. *Kognition, Sprache und phraseologische/parömiologische Graduierung*. Weisbaden: Harrassowitz; 2005. p. 58–153.
16. Гутовская МС. Тематическая организация лексико-фразеологического поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2018;1:49–65.
17. Телия ВН. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва: Языки русской культуры; 1996. 288 с.
18. Солнцев ВМ. *Язык как системно-структурное образование* [1971]. Москва: Недра; 1977. 341 с.
19. Воронин СВ. *Основы фоносемантики* [1982]. Москва: URSS; 2006. 239 с. Совместное издание с «Ленанд».

References

1. Peirce ChS. *Logicheskie osnovaniya teorii znakov* [Logical foundations of the theory of signs]. Saint Petersburg: Aletheiya; 2000. 352 p. Russian.
2. Jakobson RO. [Shifters, verbal categories and the Russian verb]. In: Revzina OG, compiler. *Principles of typological analysis of different languages*. Moscow: Nauka; 1972. p. 95–113. Russian.
3. Jakobson R. [Quest for the essence of language]. In: Stepanov YuS, compiler. *Semiotika. Antologiya* [Semiotics. Anthology]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2001. p. 111–126. Co-published by the «Delovaya kniga». Russian.
4. Gak VG. *Sopostavitel'naya leksikologiya* [Comparative lexicology]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 1977. 264 p. Russian.
5. Solntseva NV. *Problemy tipologii izoliruyushchikh yazykov* [Problems of typology of isolating languages]. Moscow: Nauka; 1985. 253 p. Russian.
6. Gutovskaya MS. Idiomaticity as a gradual property of phraseological units and method of its study. *Vestnik BDU. Seryja 4. Filologija. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 2015;2:32–39. Russian.
7. Potebnya AA. *Mysl' i yazyk* [Thought and language]. Moscow: Yurait; 2016. 288 p. Russian.
8. Vinogradov VV. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [The Russian language: grammatical theory of the word]. Moscow: Vysshaya shkola; 1986. 640 p. Russian.
9. Gutovskaya MS. Grammatical structure of the metalanguage lexical-phraseological field in the Russian and English languages. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2017;2:58–71. Russian.
10. Kubryakova ES, Pankrats YuG. Derivation. In: Yartseva VN, editor. *Yazykoznanie. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistics. Big encyclopedic dictionary]. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya; 1998. p. 129–130. Russian.
11. Mechkovskaya NB. [Classes of idioms and their correlates in the mechanisms of diachronic phraseology (on the material of the East Slavic, Slovenian and Polish languages)]. In: Lukashanec AA, *Movaznavstva. Litaraturaznavstva. Fal'klarystyka. XIV*

mizhnarodny z'ezd slavistaw (Ohrid, 2008). Daklady belaruskaj djelegacyi [Linguistics. Literature. Cultural Studies. Folklore. XIV International Congress of Slavists (Ohrid, 2008). Reports of the Belarusian delegation]. Minsk: Prava i jekonomika; 2008: p. 149–172. Russian.

12. Mel'čuk IA. Phrasemes in language and phraseology in linguistics. In: Everaert M, Linden E-J, van der Schenk A, Schreuder R, editors. *Idioms: Structural and Psychological Perspectives*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates; 1995. p. 167–232.

13. Zemskaya EA. *Sovremenniy russkii yazyk. Slovoobrazovanie* [Modern Russian language. Word formation]. Moscow: Flinta; 2012. 323 p. Russian.

14. Mokienko VM. *Slavyanskaya frazeologiya* [Slavic phraseology]. Moscow: Vysshaya shkola; 1989. 287 p. Russian.

15. Mechkovskaya NB. [Figurative conceptualization of gradual-quantitative notions in Russian phraseology]. In: Jachnow H, Drechsler T, Idrizovic Z, editors. *Kognition, Sprache und phraseologische/parämiologische Graduierung*. Weisbaden: Harrassowitz; 2005. p. 58–153. Russian.

16. Gutovskaya MS. Thematical organization of the metalanguage lexical-phraseological field in the Russian and English languages. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2018;1:49–65. Russian.

17. Teliya VN. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguistic-cultural aspects]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 1996. 288 p. Russian.

18. Solntsev VM. *Yazyk kak sistemno-strukturnoe obrazovanie* [Language: a system and a structure]. Moscow: Nedra; 1977. 341 p. Russian.

19. Voronin SV. *Osnovy fonosemantiki* [Fundamentals of Phonosemantics]. Moscow: URSS; 2006. 239 p. Co-published by the «Lenand». Russian.

Статья поступила в редколлегию 12.04.2019.
Received by editorial board 12.04.2019.

УДК 811.161.1'373.611(043.3)

АКТИВИЗАЦИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА НЕПРОИЗВОДНЫХ ГЛАГОЛОВ С ЛАТИНСКОЙ КОРНЕВОЙ МОРФЕМОЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Е. В. СТРИГО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Проводится количественный и структурно-семантический анализ новых слов, как непосредственно, так и опосредованно мотивированных непроеводными глаголами с корневой морфемой латинского происхождения и зафиксированных в словарях рубежа XX–XXI вв., но отсутствующих в составе соответствующих словообразовательных гнезд в «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова. Устанавливается, что в период конца XX – начала XXI в. 52 % проанализированных девербальных гнезд расширили свой состав, в результате чего словообразовательная мощность непроеводных латиноязычных глаголов увеличилась с 8,8 до 10,4. Обнаружено, что большая часть новообразований – это имена существительные и (в меньшей степени) имена прилагательные второй – третьей ступеней деривации. Определено, что наиболее актуальные способы образования новых слов – это сложение и (реже) суффиксация. Акцентируется внимание на том, что фактор многозначности мотивирующего слова оказывает положительное влияние на реализацию его словообразовательного потенциала. Выявляется некоторая избирательность использования исконных и заимствованных аффиксов при образовании дериватов определенной части речи и определенного словообразовательного значения.

Ключевые слова: словообразовательный (деривационный) потенциал; производное слово (дериват); модификация; мутация; соединительное словообразовательное значение; глаголы с латинской корневой морфемой.

АКТЫВІЗАЦЫЯ СЛОВАЎТВАРАЛЬНАГА ПАТЭНЦЫЯЛУ НЕВЫТВОРНЫХ ДЗЕЯСЛОВАЎ З ЛАЦІНСКАЙ КАРАНЁВАЙ МАРФЕМАЙ У СУЧАСНАЙ РУСКАЙ МОВЕ

К. В. СТРЫГА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Праводзіцца колькасны і структурна-семантычны аналіз новых слоў, як непасрэдна, так і апасродкавана матываваных невытворнымі дзеясловамі з каранёвай марфемай лацінскага паходжання і зафіксаваных у слоўніках мяжы XX–XXI стст., але якія адсутнічаюць у складзе адпаведных словаўтваральных гнёздаў у «Словаўтваральным слоўніку рускай мовы» А. М. Ціханава. Устанаўліваецца, што ў перыяд канца XX – пачатку XXI ст. 52 % прааналізаваных дэвербальных гнёздаў пашырылі свой склад, у выніку чаго словаўтваральная магутнасць невытворных лацінамоўных дзеясловаў павялічылася з 8,8 да 10,4. Высветлена, што большая колькасць новаўтварэнняў з’яўляюцца назоўнікамі і (менш) прыметнікамі другой – трэцяй ступеней дэрывацыі. Вызначана, што найбольш актуальныя спосабы ўтварэння новых слоў – гэта складанне і (радзей) суфіксацыя. Звяртаецца ўвага на тое, што фактар мнагазначнасці матывавальнага слова становіцца ўплывае на рэалізацыю яго

Образец цитирования:

Стриго ЕВ. Активизация словообразовательного потенциала непроеводных глаголов с латинской корневой морфемой в современном русском языке. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2019;2:42–47.

For citation:

Stryha KV. Activization of word-formation potential of non-derivative verbs with root morpheme of Latin origin in the modern Russian language. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2019;2:42–47. Russian.

Автор:

Екатерина Викторовна Стриго – кандидат филологических наук; доцент кафедры классической филологии филологического факультета.

Author:

Katsiaryna V. Stryha, PhD (philology); associate professor at the department of classical philology, faculty of philology. str.katya@mail.ru

словаўтваральнага патэнцыялу. Выяўляецца некаторая выбіральнасць выкарыстання спрадвечных і запазычаных афіксаў пры ўтварэнні дэрыватаў пэўнай часціны мовы і пэўнага словаўтваральнага значэння.

Ключавыя словы: словаўтваральны (дэрывацыйны) патэнцыял; вытворнае слова (дэрыват); мадыфікацыя; мутацыя; злучальнае словаўтваральнае значэнне; дзеясловы з лацінскай каранёвай марфемай.

ACTIVIZATION OF WORD-FORMATION POTENTIAL OF NON-DERIVATIVE VERBS WITH ROOT MORPHEME OF LATIN ORIGIN IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

K. V. STRYHA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Quantitative and structural-semantic analysis of new words, both directly and indirectly motivated by non-derivative verbs with root morpheme of Latin origin and fixed in dictionaries of the turn of XX–XXI century, but absent in the composition of the corresponding word-formation nests in the «Word-Formation dictionary of the Russian language» of A. N. Tikhonov is carried out. It is established that in the period of the end of the XX – the beginning of the XXI centuries 52 % of the analyzed deverbal nests expanded their composition, as a result of which the derivational capacity of non-derivative Latin-speaking verbs increased from 8.8 to 10.4. It is specified that the main number of new words are nouns and (to a lesser extent) the adjectives of the second – the third stages of derivation. It is determined that the most relevant ways of formation of new words are addition and (less often) suffixation. The attention is focused on the fact that the factor of the ambiguity of the motivator has a positive impact on the realization of its word-formative potential. Some selectivity of the use of primordial and borrowed affixes in the formation of derivatives of a certain part of speech and a certain word-formative meaning is revealed.

Keywords: word-formative (derivational) potential; derivative word (derivative); modification; mutation; connective word-formative meaning; verbs with root morpheme of Latin origin.

Введение

Определение словообразовательного потенциала слов различных частей речи и лексико-семантических групп является одной из актуальных проблем современной дериватологии (см. работы Е. А. Земской, А. Н. Тихонова, Я. В. Свечкаревой и др.). Словообразовательный потенциал, понимаемый как способность слова к порождению новых лексических единиц [1, с. 7], выявляется в процессе детального исследования состава и структуры его словообразовательного гнезда (СГ), при этом учитывается количество входящих в СГ дериватов, их частеречная принадлежность и характер выражаемых ими словообразовательных значений (СЗ) (подробнее об этом см. в [2]). Кроме того, особый интерес вызывает изучение особенностей реализации деривационного потенциала слов с позиций не только синхронии, но и диахронии, что позволяет установить способности слова к образованию новых лексем в динамике.

Цель настоящей работы – определить особенности реализации словообразовательного потенциала непроеизводных глаголов с корневой морфемой латинского происхождения в период конца XX – начала XXI в. Актуальность исследования слов с латинской корневой морфемой обусловлена прежде всего тем, что данный корпус заимствованной лексики составляет значительный по объему пласт словарного запаса всего русского языка и является функционально значимым во многих сферах жизнедеятельности человека. В ходе анализа лексем, образованных на рубеже XX–XXI вв. от слов с латинской корневой морфемой, обнаруживаются дальнейшие перспективы развития деривационного потенциала слов данной группы и становится очевидным, что латинский материал и в настоящее время – важный источник пополнения и обогащения словаря русского языка.

Материал и методы исследования

В «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова¹ мы обнаружили 262 СГ с опорным словом – глаголом с латинской корневой морфемой (*галлюцинировать* < лат. *hallucinatio* ‘бред’; *демонстрировать* < лат. *demonstrare* ‘показывать’)². Большинство базовых глагольных лексем харак-

¹ Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. 2-е изд., стер. М. : Русский язык, 1990. Т. 1. 860 с. Т. 2. 886 с.

² Основным источником при выяснении этимологии непроеизводных глаголов послужил словарь Л. П. Крысина (*Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов. М. : Эксмо, 2008. 944 с.).

теризуется довольно высоким деривационным потенциалом, о чем свидетельствуют следующие факты: 1) мощность³ СГ непроизводных глаголов с корневой морфемой латинского происхождения равна 8,8 [3, с. 4]; 2) 74 % данных deverбальных СГ имеют древовидную структуру⁴, состоящую из нескольких словообразовательных цепочек (СЦ) и словообразовательных парадигм (СП) [3, с. 3]. Чтобы узнать, как проявляют свой деривационный потенциал заимствованные единицы в течение последних десятилетий своего существования в русском языке, мы отобрали по словарным источникам рубежа XX–XXI вв.⁵ новые производные (всего 425 лексем), которыми могут быть дополнены СГ интересующих нас глаголов с латинской корневой морфемой, но которые отсутствуют в «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова (1990; 2008). Включение новых слов в состав соответствующих deverбальных СГ осуществлялось в соответствии с принципами словообразовательного моделирования, разработанными А. Н. Тихоновым [5]. В ходе нашей работы мы также использовали описательный метод, метод словообразовательного анализа, метод количественной обработки данных.

Результаты и их обсуждение

Анализ материала, собранного для исследования, показал, что новыми словами пополнилось 136 deverбальных СГ. Причем новообразования отмечены у 69 % СГ всех многозначных опорных глаголов и у 47 % СГ всех однозначных. В итоге средние показатели мощности СГ анализируемых глагольных лексем увеличились до 10,4. 17 СГ усложнили свою структуру: 2 СГ (*аннигилировать*, *сульфировать*) структурного типа «гнездо-пара», включающие в свой состав по одному деривату, развились в «гнезда-цепочки», состоящие из одной (полиарной) СЦ; 14 СГ типа «гнездо-веер»⁶ (*консолидировать*, *реципировать*, *стратифицировать* и др.) и 1 СГ типа «гнездо-цепочка» (*кульминировать*) преобразовались в гнезда древовидного типа.

Количественный и частеречный состав новых производных на разных ступенях деривации представлен в таблице.

Новые слова, мотивированные непроизводными глаголами с латинской корневой морфемой

New words motivated by non-derivative verbs with root morpheme of Latin origin

Ступени	Части речи				Всего
	Имя существительное	Имя прилагательное	Глагол	Наречие	
I ступень деривации	29	19	10	—	58
Последующие ступени	200	160	4	3	367
Всего	229	179	14	3	425

Среди новообразований, являющихся непосредственно мотивированными исходными глаголами с латинской корневой морфемой, преобладают субстантивные дериваты. Наиболее частотны среди них отвлеченные имена существительные⁷, образованные с помощью аффиксов *-ниџ-е* (8)⁸ (*генерирование*,

³Мощность СГ составляют все его производные. Средние показатели мощности СГ той или иной группы слов определяются в результате деления общего количества производных, присутствующих в гнездах слов данной группы, на количество их производящих (непроизводных слов с латинской корневой морфемой) [3, с. 9].

⁴Здесь и далее структурные типы СГ приводятся в соответствии с терминологией А. И. Моисеева [4, с. 86].

⁵Большой толковый словарь русского языка / ред. С. А. Кузнецов. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts> (дата обращения: 17.04.2019); *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. М. : Русский язык, 2000. Т. 1. 1209 с. Т. 2. 1101 с.; *Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов. Новейший словарь иностранных слов и выражений. М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2002. 976 с.; *Сводный словарь современной русской лексики* : в 2 т. / под ред. Р. П. Рогожниковой. М. : Русский язык, 1991. Т.1. 800 с. Т. 2. 1600 с.; *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. 3-е изд., испр. и доп. М. : АСТ : Астрель, 2008 Т. 1. 860 с. Т. 2. 1029 с.; Толковый словарь русского языка конца XX века: языковые изменения / сост.: Е. Ю. Ваулина; ред. Г. Н. Скляревская. СПб. : Фолио-Пресс, 2002. 700 с.; Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Скляревской. М. : Эксмо, 2007. 1136 с.; Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / сост.: Е. Ю. Ваулина ; под ред. Г. Н. Скляревской. М. : Астрель, 2005. 1024 с.; *Шуринов И. А.* Толковый словообразовательный словарь русского языка. М. : АСТ, 2004. 894 с.; Словари и энциклопедии на Академике. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 16.04.2019).

⁶«Гнездо-веер» включает в себя одну СП, состоящую как минимум из двух дериватов.

⁷Словообразовательная семантика производных здесь и далее описывается в соответствии с классификацией СЗ В. В. Лопатина и И. С. Улуханова, представленной в «Русской грамматике» (Русская грамматика. Т. 1 / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука, 1980. 1568 с.).

⁸Здесь и далее в скобках указывается число выявленных дериватов.

детерминирование), **-к-а** (2) (дифференцировка), **-ур-а** (1) (контрасигнатура) и нулевым аффиксом (1) (эквивилбр). Причем некоторые имена действия появляются в качестве словообразовательных синонимов к уже имеющимся в СГ дериватам. Например, новое производное *имитирование* является синонимом деривата *имитация* в СГ «имитировать», новое производное *армирование* – синоним деривата *армирование* в СГ «армировать»⁹. В результате расширения первоначальной семантики некоторых иноязычных глаголов новые лексико-семантические варианты (ЛСВ) появляются и у его производных. Например, глагол *импортировать*, помимо значения ‘везти – ввозить из-за границы товары’¹⁰, начинает применяться для характеристики действий по преобразованию файлов в области информационных технологий; вслед за изменением семантики производящего новый ЛСВ появляется и у производного: *импорт* 1) экон.: ‘ввоз в какую-л. страну товаров из-за границы’; 2) информ.: ‘преобразование данных из файлов’¹¹. Эти же особенности семантики мы видим и у нового слова *импортирование*, которое появляется в качестве полного синонима к находящемуся с СГ деривату *импорт* (*импортирование* 1) экон.: ‘= импорт 1’; 2) информ.: ‘= импорт 2’¹².

Лексические дериваты на первой ступени словопроизводства представлены в основном актантными существительными – наименованиями субъекта действия (9) (*концентратор*, *пролонгатор*). Реже на первой ступени деривации мы встречаем производные со словообразовательными значениями вещества (*флуоресценин*, *агломерит*), заболевания (*галлюциноз*), объекта/результата действия (*вулканизат*), приспособления для выполнения действия (*копир-О*). Несколько субстантивов выражают соединительное СЗ (3) (*интерпретоскоп*, *вапориметр*).

Основную массу адъективного блока компонентов первой ступени деривации составляют адъективные образования причастного происхождения. Они оформляются с помощью суффикса **-нн-** (9) (*индустрированный*, *перфорированный*) и имеют значение ‘подвергшийся действию и содержащий результат этого действия’. Прилагательные с суффиксом **-ющ-** (5) (*адсорбирующий*) реализуют значение ‘характеризующийся действием’, с суффиксом **-ем-** (3) (*дифференцируемый*) – ‘способный подвергнуться действию или произвести это действие’. Одно производное с суффиксом **-абельн-** (*агглютинабельный*) выражает значение ‘пригодность, доступность’.

Глагольный блок производных первой ступени деривации включает в себя 10 слов с модификационным СЗ. При добавлении приставки чаще всего наблюдаются случаи перфективации (*сымитировать*, *протранскрибировать*), реже префиксальные образования выражают степень интенсивности действия (небольшую интенсивность: *подкорректировать*) и характер совершения действия во времени (повторное действие: *реинвестировать*). Одно постфиксальное производное выражает значение возвратного глагола, образованного от переходного глагола (*инфицироваться*).

На второй – пятой ступенях деривации также наиболее востребованными являются субстантивные производные. Из них 143 новых слова представляют собой десубстантивные и деадъективные имена существительные с соединительным СЗ (*адаптация* → *эмбри-о-адаптация*, *агглютинин* → *гем/агглютинин*, *вибрационный* → *вибр-о-инструмент*). Четыре деривата, называющие технические приборы, реализуют соединительное СЗ в сочетании с мутационным СЗ, вносимым суффиксом (*вибр-о-гаситель*, *конденсат-о-отводчик*).

Среди суффиксальных образований мы обнаружили 18 отадъективных имен (*адсорбционность*) и четыре отглагольных (*ретранслирование*) с транспозиционным СЗ. Область мутации представлена: отсубстантивными существительными со значением лица (3) (*агитбригадовец*, *информатик*); отадъективными существительными со значением лица (2) (*экспедиционник*, *мобилизованный*); отпричастным существительным со значением ‘явление, характеризующееся отношением к действию’ (*редуцированные*); отглагольным существительным со значением ‘неодушевленный предмет, предназначенный для осуществления действия’ (*десенсибилизатор*). Модификационные СЗ мы находим в суффиксальных десубстантивных именах со значением женскости (5) (*дегенератка*, *конспираторша*) и стилистической модификации (2) (*мультик*, *информашка*). При этом мы наблюдаем рост производных, свойственных разговорной речи, так как десубстантивные и деадъективные существительные с мутационным СЗ (*кооперативщик*), а также десубстантивные существительные с модификационным СЗ (*реципиентка*), образованные при помощи русских суффиксов, имеют оттенок разговорности, что не совсем характерно для производных в анализируемых девербальных гнездах, основная масса которых относится к книжной лексике и используется преимущественно в письменной речи. Разговорно-просторечными синонимами мотивирующих являются и несколько новообразований с усеченными основами:

⁹ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. М. : Русский язык, 2000. 2310 с.

¹⁰ Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts> (дата обращения: 17.04.2019).

¹¹ Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика.

¹² Там же.

мульти (разг.) (= мультипликационный фильм), опер (жарг., прост.) (= оперуполномоченный), фотокор (= фотокорреспондент).

Более полно область модификации представлена префиксальными именами существительными (14), выражающими словообразовательные значения противоположности (**анти**вибратор, **дереализа**ция, **реабсорб**ция), отрицания (**ина**даптация), увеличительности (**сверх**доминирование), совместности (**ко**адаптация), повторности (**ре**адаптация ¹³), составной части того, что названо мотивирующим словом (**под**вулканизация), времени (**пре**адаптация).

Адъективный блок дериватов не первой ступени словопроизводства также характеризуется большим количеством (84) сложных имен прилагательных с мотивирующим, выступающим как первым, так и вторым компонентом производного слова (административный → административн-о-процессуальный, судебн-о-административный). Два адъектива образовано путем сращения (**слабо**/легированный, **средне**/легированный). Среди суффиксальных дериватов мы обнаружили 61 десубстантивное образование с общераспространенными инвариантными суффиксами **-ск-** (8) (**оппонентский**) и **-н-** (23) (**реагентный**) с морфами **-онн-** (20) (**трансплантационный**), **-ивн-** (7) (**декламативный**), **-очн-** (3) (**перфокарточный**). В отдельных случаях мы наблюдаем появление в одной СП двух адъективных производных, оформленных разными суффиксами и относящихся к разным ЛСВ производящей основы, например, если одни ЛСВ представляют мотивирующее существительное как одушевленный предмет, а другие ЛСВ – как неодушевленный: **мультипликатор** 1) 'художник' (одуш.) и 2) 'фотоприбор'; 3) 'устройство'; 4) 'коэффициент' (неодуш.) → **мультипликаторский** 'относящийся к м. 1' (одуш.) и **мультипликаторный** 'относящийся к м. 2–4' (неодуш.); **координатор** 1) 'прибор'; 2) 'устройство' (неодуш.) и 3) 'лицо' (одуш.) → **координаторный** 'относящийся к к. 1, 2' (неодуш.) и **координаторский** 'относящийся к к. 3' (одуш.)¹⁴.

Два девербальных суффиксальных образования являются адъективированными причастиями (**отрепетированный**, **десенсибилизирующий**). Одно суффиксальное производное появляется в результате чересступенчатого словообразования с пропущенным глагольным звеном (**нефтеэкспорт** → (**нефтеэкспорт**ировать) → **нефтеэкспорт-иру/ющ-ий**). Немногочисленные префиксальные (8) и префиксально-суффиксальные (4) дериваты реализуют СЗ противоположности (**анти**вибрационный, **противо**коррозийный), отсутствия (**без**ынтегральный, **неин**фекционный), значение 'выходящий за пределы чего-либо' (**сверх**оперативный), пространства (**внутри**редакционный, **надынтегральный**).

На второй и третьей ступенях словопроизводства мы также обнаружили 3 деадъективных наречия и 4 девербальных глагола. Адвербиальные производные реализуют транспозиционное СЗ (**интегрально**). Глаголы, образованные префиксальным и постфиксальным способами (**ре**адаптироваться, **про**дезинфицироваться, **проинформироваться**), выражают модификационные СЗ. Одно глагольное производное образовано путем сложения и выражает соединительное СЗ (**саморегулироваться**).

Три производных слова характеризуются множественной словообразовательной мотивацией и, как следствие, множественной словообразовательной структурой (**аккумуляторный** → **гидр-о-аккумуляторный** 1 и **гидроаккумулятор** → **гидроаккумулятор-н-ый** 2; **ре**адаптироваться → **ре**адапти-и-а 1 и **адаптация** → **ре-адаптация** 2).

Заключение

Наше исследование показало, что на рубеже XX–XXI вв. 52 % от общего числа всех исследованных нами словообразовательных гнезд иноязычных глаголов продолжают развиваться. Около 14 % всех выявленных нами новых производных сосредоточено на 1-й ступени деривации, около 86 % – на 2-й – 5-й ступенях. Большинство (54 %) всех новых слов представляют собой субстантивные образования, среди которых преобладают дериваты сложной семантики, относящиеся ко 2-й и 3-й ступеням словопроизводства. Имена прилагательные составляют 42 % всех новообразований; основное их количество образуется путем сложения и (реже) суффиксации и группируется на 2-й – 3-й ступенях деривации. Среди глагольных производных (3 % всех новых слов) наиболее частотны префиксальные образования, реализующие модификационное СЗ совершенного вида. Новые адвербиальные производные почти не встречаются (менее 1 %).

В процессе образования новых слов участвуют исконные и заимствованные словообразовательные элементы. Активность использования аффиксов русского языка прослеживается при образовании имен прилагательных (**недискриминационный**), префиксальных глаголов (**отреставрировать**) и суффиксальных существительных с транспозиционным СЗ (**рем**итирование, **квалифицированность**). Заимствованные словообразовательные элементы наиболее востребованы при образовании девербальных

¹³ В данном случае имеет место неединственная мотивация.

¹⁴ Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М. : Эксмо, 2008. 944 с.

суффиксальных существительных с мутационным СЗ (*апеллятор*) и префиксальных существительных с модификационным СЗ (*постадаптация*). Сложные субстантивы и адъективы в основном представляют собой терминологическую лексику, при образовании которой часто используются усеченные основы существительных и прилагательных с интернациональными корнями (*электродетонатор*) или связанные компоненты интернационального характера (*гидровибратор*).

Библиографические ссылки

1. Свечкарева ЯВ. *Деривационный потенциал номинаций времен года в динамическом аспекте: на материале русского языка XI–XX вв.* [автореферат диссертации]. Томск: Томский государственный университет; 2007. 11 с.
2. Стрижевич ЕВ. О методике определения словообразовательного потенциала иноязычной лексемы. В: Ровдо ИС, редактор. *Русский язык: система и функционирование (к 75-летию филологического факультета БГУ). Сборник материалов VI Международной научной конференции; 28–29 октября 2014 г.; Минск, Беларусь. Часть I.* Минск: Издательский центр БГУ; 2014. с. 285–290.
3. Стриго ЕВ. *Словообразовательный потенциал слов с латинской корневой морфемой в русском языке* [автореферат диссертации]. Минск: БГУ; 2017. 27 с.
4. Моисеев АИ. Словообразовательная цепь как разновидность словообразовательной парадигмы. В: Лыков АГ, редактор. *Русская словообразовательная синтагматика и парадигматика. Сборник научных трудов.* Краснодар: Кубанский государственный университет; 1991. с. 84–91.
5. Тихонов АН. *Формально-семантические отношения слов в словообразовательном гнезде* [автореферат диссертации]. Москва: Академия наук СССР, Институт русского языка; 1974. 35 с.

References

1. Svechkareva JaV. *Derivacionnyj potencial nominacij vremen goda v dinamicheskom aspekte: na materiale russkogo jazyka XI–XX vv.* [Derivational potential of nominations of seasons in dynamic aspect: on the material of Russian language of XI–XX centuries] [dissertation abstract]. Tomsk: Tomsk State University; 2007. 11 p. Russian.
2. Strizhevich KV. [On the method of determining the word-formation potential of a foreign lexeme]. In: Rovdo IS, editor. *Russkii yazyk: sistema i funktsionirovanie (k 75-letiyu filologicheskogo fakul'teta BGU). Sbornik materialov VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 28–29 oktyabrya 2014 g.; Minsk, Belarus'. Chast' I* [Russian language: system and functioning (to the 75th anniversary of the faculty of philology of BSU). Collection of materials of the VI International scientific conference; 2014 October 28–29; Minsk, Belarus. Part 1]. Minsk: Publishing House of BSU; 2014. p. 285–290. Russian.
3. Stryha KV. *Slovoobrazovatel'nyi potentsial slov s latinskoi kornevoi morfemoi v russkom yazyke* [Derivational potential of words with Latin root morpheme in Russian language] [dissertation abstract]. Minsk: Belarusian State University; 2017. 27 p. Russian.
4. Moiseev AI. [Word-formation chain as a kind of word-formation paradigm]. In: Lykov AG, editor. *Russkaya slovoobrazovatel'naya sintagmatika i paradigmatica. Sbornik nauchnykh trudov* [Russian word-building syntagmatics and paradigmatics. Collection of scientific papers]. Krasnodar: Kuban State University; 1991. p. 84–91. Russian.
5. Tikhonov AN. *Formal'no-semanticheskie otnosheniya slov v slovoobrazovatel'nom gnezde* [Formal-semantic relations of words in a word-formation nest] [dissertation abstract]. Moscow: Academy of Sciences of USSR, Institute of Russian Language; 1974. 35 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 22.04.2019.
Received by editorial board 22.04.2019.

УДК 811.111'25

О ДИАЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ БЛАГОДАРСТВЕННОГО ПИСЬМА И ЗАПРОСА)

И. И. КОВАЛЕВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются особенности анализа диалогической структуры межкультурного делового общения на примере переводов с русского языка на английский текстов, относящихся к жанрам благодарственного письма и запроса. В качестве минимальных единиц анализа выделяются элементарные диалогические циклы. Их разновидности и последовательности соотносятся с речевыми жанрами делового общения и структурируются посредством использования определенных переводческих приемов и тактик, подчиненных универсальным диалогическим стратегиям десубъективизации содержания исходного текста, сохранения лица и адаптации темпорально-пространственных смыслов к принимающей культуре.

Ключевые слова: благодарственное письмо; диалогическая стратегия; межкультурное деловое общение; запрос; прием перевода; тактика; элементарный диалогический цикл.

ПРА ДЫЯЛАГІЧНУЮ СТРУКТУРУ МІЖКУЛЬТУРНАЙ ДЗЕЛАВОЙ КАМУНІКАЦЫІ (НА ПРЫКЛАДЗЕ ПАДЗЯЧНАГА ПІСЬМА І ЗАПЫТУ)

І. І. КАВАЛЕЎСКАЯ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт,
пр. Партызанскі, 26, 220070, г. Мінск, Беларусь

Разглядаюцца асаблівасці аналізу дыялагічнай структуры міжкультурнай дзелавой камунікацыі на прыкладзе перакладаў з рускай мовы на англійскую тэкстаў, якія адносяцца да жанраў падзячнага пісьма і запыту. У якасці мінімальнага адзнака аналізу вылучаюцца элементарныя дыялагічныя цыклы. Іх разнавіднасці і паслядоўнасці суадносяцца з маўленчымі жанрамі дзелавой камунікацыі і структуруюцца з дапамогай пэўных перакладчыцкіх прыёмаў і тактык, падпарадкаваных універсальным дыялагічным стратэгіям дэсуб'ектывізацыі зместу зыходнага тэксту, захавання асобы і адаптацыі тэмпаральна-прасторавых сэнсаў да прымаючай культуры.

Ключевые слова: падзячнае пісьмо; дыялагічная стратэгія; міжкультурная дзелавая камунікацыя; запыт; прыём перакладу; тактыка; элементарны дыялагічны цыкл.

Образец цитирования:

Ковалевская ИИ. О диалогической структуре межкультурного делового общения (на примере благодарственного письма и запроса). *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2019;2:48–56.

For citation:

Kavaleuskaya II. Dialogic structure of intercultural business communication (as exemplified in letter of thanks and inquiry). *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2019;2:48–56. Russian.

Автор:

Ирина Ивановна Ковалевская – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры межкультурной экономической коммуникации факультета международных бизнес-коммуникаций.

Author:

Irina I. Kavaleuskaya, PhD (philology), docent; associate professor at the department of business English department, faculty of international business communication.
vickostserg@mail.ru

DIALOGIC STRUCTURE OF INTERCULTURAL BUSINESS COMMUNICATION (AS EXEMPLIFIED IN LETTER OF THANKS AND INQUIRY)

I. I. KAVALEUSKAYA^a

^a*Belarusian State Economic University,
26 Partyzanski Avenue, Minsk 220070, Belarus*

The paper deals with the analysis of the dialogic structure of intercultural business communication exemplified in the texts of letter of thanks and letter of inquiry translated from Russian into English. The minimal units of the analysis are described as elementary dialogic cycles. Their varieties and combination patterns are correlated with the genres of business communication and arranged using the translation techniques and tactics associated with the dialogic strategies of desubjectivization, face saving and adaptation of space and time implications to the target culture.

Keywords: letter of thanks; dialogic strategy; intercultural business communication; letter of inquiry; technique of translation; tactic; elementary dialogic cycle.

Введение

Разработка вопросов, связанных с повышением эффективности межкультурного делового общения (далее – МкДО) и поиском путей его совершенствования, является сегодня одной из важных задач языковедов. При рассмотрении этих проблем часто выходят за рамки системного описания языка, вступая в сферу междисциплинарных исследований, используя методы социолингвистики, этнолингвистики, лингвострановедения, прагмалингвистики и когнитивной лингвистики для выявления особенностей языковых картин мира и их связи с культурой; предлагают свой вариант моделирования МкДО, выражающий его определенный аспект. Особую значимость приобретают интегрирующие концепции, к числу которых относится диалоговая модель М. М. Бахтина, в русле которой, предполагаем, возможно детальное изучение специфики диалогической структуры различных речевых жанров МкДО.

Теоретические основы исследования

В основе бахтинской методологии лежат межличностные отношения, которые строятся с другим как с равным партнером: только совместно с ним вырабатывается новая информация.

Суть концепции раскрывается в понятиях адресованности (без слушающего нет и говорящего, без адресата нет и адресанта), хронотопа (всякое высказывание приобретает смысл только в контексте, в конкретное время и в конкретном месте), смены ролей (в процессе коммуникации собеседники поочередно меняются ролями, высказываясь об общем предмете разговора) и диалога (каждое высказывание выражает «некоторую позицию говорящего, на которую можно ответить, в отношении которой можно занять ответную позицию») [1, с. 252].

В соответствии с диалогической концепцией язык принадлежит не одному субъекту, а диалогичному множеству субъектов речи. Язык следует понимать «не как систему лингвистических единиц – слов и предложений, а как систему реальных единиц речевого общения – высказываний»¹. М. М. Бахтин, расширяя понятие слова до высказывания, раскрывает диалогическую сущность слова и провозглашает диалогизм общим принципом речевой деятельности, согласно которому составной частью речи любого субъекта является присутствие другого.

Направленность на другого описывается в терминах диалогичности. В широком глобальном смысле диалогичность интерпретируется как «речевое проявление социальной сущности языка, реализуемой при коммуникации» [2, с. 13]; она свойственна и письменной речи, а не ограничивается устным речевым диалогом, являющимся лишь одной из разнообразных форм ее проявления. Диалогичность письменной речи определяется как «выраженное в тексте средствами языка взаимодействие общающихся, понимаемое как соотношение (или столкновение) двух смысловых позиций, как учет адресата (в широком смысле, в том числе и второго Я), отраженный в речи, а также эксплицированные в тексте признаки собственно диалога» [2, с. 36].

Изучение диалогичности письменной речи в социальном плане – эффективности общения, культуры речи – представляется весьма значимым в сфере межкультурных деловых отношений. Специфика МкДО, важность его целей и задач, сложность и значимость передаваемой информации в данной сфере

¹ Степанов Е. А. Диалогичность как онтологическая структура слова : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01. Томск, 2003. С. 13–14.

требуют четкости, соблюдения определенных правил в построении бизнес-текстов и в целом оптимизации МкДО путем детального изучения особенностей диалогической структуры речевых жанров, в которых МкДО осуществляется.

Понятие речевого жанра определяется Бахтиным как относительно устойчивый тип высказывания, отражающий специфические условия и цели той или иной области человеческой деятельности «не только своим содержанием (тематическим) и языковым стилем, то есть отбором словарных, фразеологических и грамматических средств языка, но прежде всего своим композиционным построением» [1, с. 257]. Понимание речевого жанра как ключевой категории фундаментальной теории М. Бахтина позволяет современному жанроведению развиваться в русле целого ряда направлений языкознания – лингвистической антропологии, социолингвистики, лингвопрагматики, когнитологии, лингвистики текста, стилистики, риторики и др. В них подчеркивается связь новейших жанроведческих работ с диалогической концепцией, отмечается ее интегрирующий характер и то, что все эти подходы выделяют и развивают в ней те стороны, которые соответствуют их специфическим задачам².

Изучение диалогической природы высказываний и многообразия их жанровых форм в сфере международных деловых отношений имеет огромное значение для гармонизации последних. Диалогический характер структур, составляющих эти высказывания, проявляется, с одной стороны, в том, что они являются реакцией на «чужое слово других людей, полное отзвуков чужих высказываний» и отраженное в определенных традициях оформления текста. Взаимодействуя с «чужим словом», эти структуры приобретают стилистически значимую форму [1, с. 268–269]. С другой стороны, они направлены на ответную реакцию адресата, предвосхищая ее и наполняясь новым смыслом. В этой связи текст, относящийся к любому жанру, представляет собой диалогическое единство, в котором отбор и аранжировка языковых структур осуществляется с учетом адресата. В функции средств диалогизации могут использоваться разноуровневые языковые структуры, сигнализирующие о создании зон контакта субъектов коммуникации. Закономерности функционирования структурных разновидностей речи можно выявить и описать только под углом зрения специфики общения в определенной сфере деятельности.

Диалогизация межкультурного общения в сфере деловых отношений осуществляется путем использования структур, указывающих на несовместимость точек зрения его участников. Понятие «точка зрения» интерпретируется как «выраженная в системе определений позиция субъекта по отношению как к теме, так и к собеседнику» [3, с. 28]. Следуя общему правилу (т. е. анализ форм речевого общения должен сопровождаться анализом содержания общения), подчеркнем необходимость исследования точки зрения переводчика, выступающего в функции посредника в межкультурной коммуникации, с учетом позиций автора исходного текста (далее – ИТ) и адресата текста перевода (далее – ПТ).

Интерпретация диалогических отношений субъектов коммуникации требует уточнить понятие минимальной единицы речевого общения. По мнению Л. Р. Дускаевой, «нельзя рассматривать в качестве такой единицы речевой акт, который совершается говорящим в одностороннем порядке по отношению к слушающему с определенной иллюзией и рассчитан на перлокутивный эффект». Диалогическое единство, выделенное в ходе анализа собственно диалога, не позволяет раскрыть специфику выражения диалогичности во внешне монологической речи. Тщетными признаются также попытки использования для анализа диалогической структуры текста таких единиц, как эпизод, период, абзац, сверхфразовое единство, смысловой блок, коммуникативный блок, речевая тактика, регистр речи, характер которых может истолковываться только по отношению к позиции автора текста [4, с. 34–35]. Действительно, категория автора находится в центре внимания в большинстве функциональных, стилистических исследований, а адресат рассматривается «как пассивный субъект авторской речевой деятельности». Исходя из этого, Л. Р. Дускаева предлагает для обозначения элементарной единицы структурирования диалогичности использовать цикл, понятие которого было введено в научный обиход психологии при анализе внутреннего мысленного диалога как взаимодействия смысловых позиций [4, с. 35]. Поддерживая данную позицию, считаем возможным выделение элементарных диалогических циклов (далее – ЭДЦ) в качестве минимальных структурных единиц МкДО, отражающих особенности речевого взаимодействия его участников.

Согласно предложенной Г. М. Кучинским дефиниции цикл представляет собой «единое целое, образованное двумя взаимосвязанными речевыми актами партнеров, из которых первый как бы открывает, начинает общение и детерминирует последующий» [3, с. 22]. В циклах рассматриваются коммуникативные цели, с которыми общающиеся вступают во взаимодействие. Г. М. Кучинский выдвигает гипотезу о существовании определенных способов образования сложных форм речевого общения из элементарных циклов следующих трех видов: 1) сообщение – отношение; 2) вопрос – ответ; 3) побуждение к действию – его выполнение или невыполнение [3, с. 24–25].

²Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь : Изд-во Перм. ун-та. 2002. С. 11–12.

Результаты и их обсуждения

Признавая сложность полного описания форм межкультурного речевого взаимодействия на основе трех выделенных видов ЭДЦ, рассмотрим особенности структурирования из них реального межкультурного диалога на примере нижеприведенных переводов с русского языка на английский. Каждое высказывание в них представляет собой отдельный цикл, в котором оформляется внутренний диалог переводчика с автором ИТ и адресатом ПТ. В результате использования ряда переводческих трансформаций данный диалог максимально приближен ко второму участнику межкультурной коммуникации.

В переводе благодарственного письма представлены несколько высказываний, каждое из которых составляет отдельный ЭДЦ. В рамках первого из них автор отвечает на вопрос о цели письма, а в других выражает благодарность за уделенное время и предоставленную возможность больше узнать самому и рассказать о себе. Основными маркерами личного отношения адресата ПТ к предмету общения и к ситуации в целом служат английские местоимения *I* и *you*.

ИТ	ПТ
Уважаемый господин Джексон! Пишу Вам в <i>продолжение</i> нашего разговора в Вашем офисе в Нью-Йорке. <i>Благодарю Вас за то, что Вы не пожалели времени встретиться со мной и за то, что дали возможность больше узнать о...</i> Благодарю Вас за предоставленную мне возможность подробно изложить опыт..., а также мой предыдущий опыт... Еще раз большое спасибо Вам за встречу. К. Соколов	Dear Mr. Jackson, <i>I am writing to you to follow up my conversation with you at your office in New York. I appreciate your taking the time to meet and to give me the opportunity to learn more about...</i> <i>I also appreciate the opportunity to present in depth the experience of... as well as my prior experience with...</i> Thank you very much again for the meeting with you. K. Sokolov

Источник: <http://english-grammar.biz>.

К области действующих значений личного местоимения первого лица единственного числа относятся: личность, индивидуальность; самосознание, самовосприятие индивидуума; индивидуальное мироощущение, мировосприятие окружающей реальной действительности. З. З. Толгурова считает, что данное местоимение используется как средство характеристики таких человеческих черт, как а) независимость, самостоятельность суждений; б) воля, сила духа, верность своим принципам; в) самодовольство, самолюбование, завышенная самооценка; г) хвастливость, бахвальство³. Выделенные значения указывают на то, что при переводе делового письма на английский язык **добавлением** местоимения *I* подчеркивается личностная ориентированность, характерная в целом для стиля английской коммуникативной культуры.

Более частое использование в ПТ английского местоимения второго лица *you* отвечает общей тенденции к фокусированию внимания на адресате (*you-attitude*). Иначе говоря, адресат письма ставится на первое место, а сам автор уходит на задний план за счет обезличивания или отвлечения от себя внимания и переноса его на другого [5, р. 56]. Хотя концепт *you-attitude* рассматривается в большинстве пособий по составлению деловой переписки в качестве основополагающего принципа бизнес-коммуникации, в действительности он отражает исключительно западную, «евроцентричную» (*eurocentric*) модель, что служит основным поводом для критики данного подхода исследователями, изучающими вежливость в меж- и кросс-культурном аспектах.

Следует отметить расхождение в употреблении русского местоимения второго лица *Вы* и его переводческого соответствия в английском языке *you*, обусловленное социокультурными особенностями развития двух языков.

С одной стороны, следуя утверждению О. А. Темировой, несоответствие местоименных форм связано с тем, что английский язык, благодаря влиянию французского языка, усвоив вежливое обращение еще в XIII в., самостоятельно вырабатывал те или иные нормы употребления и правила функционирования местоименных форм в речи. Русский язык только в начале XVIII в. перенял уже сложившуюся к тому времени во Франции систему обращения на *ты* и на *Вы* и поэтому избежал частого варьирования и смешения форм, которое было свойственно в той или иной степени английскому языку, перенявшему из французского эту модель на ранних этапах своего развития [6, с. 250]. С другой стороны, с помощью уважительного местоимения *Вы* передаются асимметричные отношения, что вполне естественно

³ Толгурова З. З. Эксклюзивные значения личных местоимений в русском и английском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. М., 1997. С. 19.

для русской коммуникативной культуры с относительно высоким уровнем вертикальной дистанции. В английской коммуникативной культуре, где подчеркивание статусной асимметрии нетипично, а обладающие властью не демонстрируют ее, а, напротив, стремятся эту власть завуалировать, допустимо употребление местоимения *you*, выполняющего особую функцию маркера интимности и равенства.

Несоответствие точек зрения субъектов межкультурной коммуникации в первом ЭДЦ письма обнаруживается в **замене** исходного отглагольного существительного *продолжение* английским инфинитивом *to follow up*. Необходимость использования глагольной формы вместо имени возникает в связи с тем, что тенденция к опредмечиванию действий в английском языке выражена менее отчетливо, чем в русском.

Отражением различной степени детализации предметной ситуации в ИТ и ПТ, которая передается в русском языке сложноподчиненным предложением (*Благодарю Вас за то, что Вы не пожалели времени встретиться со мной и за то, что дали возможность больше узнать о...*), а в английском языке – простым предложением с объектным инфинитивным оборотом (*I appreciate your taking the time to meet and to allow me the opportunity to learn more about...*), является **замена** типа исходного предложения.

Все расхождения точек зрения относительно оформления благодарственного письма на русском и английском языках указывают на важные национально-специфические черты делового общения. При этом само возникновение (или возрождение) в русской деловой корреспонденции данного жанрово-тематического типа свидетельствует о несомненном воздействии, а отчасти и «давлении», которое деловая английская коммуникативная культура оказывает на формирование русскоязычного делового письма⁴.

Признавая неизбежность процессов взаимодействия и взаимовлияния обеих культур в процессе межнационального и межкультурного письменного общения, полагаем, что лучше понять их своеобразие и самобытность позволяет описание особенностей диалогической структуры различных жанров МкДО. В этой связи рассмотрим следующий пример перевода текста, который относится к жанру запроса и представляет собой совокупность ЭДЦ вопросно-ответного и побуждающего видов.

ИТ	ПТ
Господа! Мы собираемся закупить 1000 дюжин перьевых и 1500 дюжин шариковых ручек для выполнения экспортного заказа. Сообщите нам, пожалуйста, минимальные цены на ваши ручки моделей «Tasso» и «Onset» в экспортных коробках по 100 дюжин в каждой, СИФ Александрия. С уважением...	Dear Sirs, We are in the market for 1000 dozen Fountain Pens and 1500 dozen Ball Pens which we need for an export order. Please send us your lowest quotation for your «Tasso» and «Onset» Pens, packed in export cases of 100 dozen each, c.i.f. Alexandria. Yours faithfully...

Источник: www.delo-angl.ru.

При структурировании на английском языке первого ЭДЦ, в котором разъясняется причина обращения с запросом к адресату, переводчик заменяет русский предикат действия *собираемся закупить* английским предикатом состояния *are in the market*. Использование **замены предиката** обуславливается культурными различиями в актуализации концепта «действие», суть которых – в общей тенденции английской коммуникативной культуры к представлению действия как результата. Для детализации первого высказывания переводчик использует прием **членения**, который осуществляется путем развертывания русского редуцированного предиката *для выполнения экспортного заказа* в придаточное предложение (*which we need for an export order*). Такая трансформация отвечает ожиданиям получателя перевода, поскольку способствует более аргументированному изложению намерения автора ИТ.

С низким уровнем контекстности английской культуры соотносятся такие особенности общения ее представителей, как краткость и экономичность. С учетом этих ценностных ориентаций переводчик использует прием **опущения** конструкции с отглагольным существительным *для выполнения* при переводе первого высказывания. **Опущение** поясняющего слова *моделей* во втором высказывании используется ввиду меньшей степени детализации, присущей англоязычным текстам.

Второй ЭДЦ, хотя и является побудительным, включает элементы вопросно-ответного вида, поскольку переводчик, чтобы избежать возможных упреков адресата ПТ в неполноте и неточности сообщения, прибегает к **частичному изменению семного состава** исходной лексемы *минимальный* и **конкретизации** лексемы *цена*, заменяя русское словосочетание *минимальные цены* английским словосочетанием

⁴ Стеблецова А. О. Национально-культурная специфика делового текста: на материале английского и русского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Воронеж, 2001. С. 192.

lowest quotation. При выборе данных трансформаций переводчик опирается на данные, полученные на основе компонентного анализа словосочетания. Согласно дефиниции в Большом современном толковом словаре русского языка, понятие «минимальный» определяется как «наименьший в ряду других» и противопоставляется понятию «максимальный»⁵. По семному составу английское соответствие *lowest*, которое трактуется как «самый низкий», отличается от исходной лексемы *минимальный*. Общим дифференциальным признаком является превосходная степень как объективно-логический компонент лексического значения русской лексемы и формальный компонент грамматического значения английского слова. Переводческим соответствием русского слова *цена*, которое определяется как «денежное выражение стоимости товара или услуг», служит английский термин *quotation*. Значение этого термина определяется как ‘the price a person says they will charge’ (рус. – запрашиваемая цена) или ‘the amount of money that you pay to buy something’ (рус. – денежная сумма к уплате при покупке)⁶.

Побудительное высказывание, которое составляет второй элементарный диалогический цикл в переводе, оформлено в виде просьбы, относящейся к реквестивному типу. Данный коммуникативно-прагматический тип побуждения в большей степени характерен для английской коммуникативной культуры, чем приказной или даже суггестивный. К первому относятся приказ и такие его функциональные разновидности, как команда, указание, директива, заказ, запрет, разрешение, инструкция (как предписание или рецепт). В качестве суггестивных высказываний выделяются те, которые, советуя, предлагают что-либо (например, рекомендации, предложения) или, наоборот, предостерегают (например, предупреждения и др.). Просьба является основным реквестивным подтипом и может также выражаться в виде приглашения. Большая степень настойчивости характерна для таких реквестивных высказываний, как требование и призыв⁷.

В конкретном примере перевода просьба выражается в более мягкой форме путем *изменения порядка слов*, в результате которого наречие *please* употребляется в начале английского предложения.

Диалогическая структура писем-запросов, представляющих собой формы межъязыкового общения из элементарных циклов двух видов, может включать несколько побудительных ЭДЦ, как в ниже следующем примере перевода письма.

ИТ	ПТ
Господа! Несколько лет назад мы приобрели у Вас <i>партию малярных кистей «Handy»</i> трех разных марок. <i>Сообщите нам, пожалуйста</i> , производите ли Вы еще кисти этих марок и каковы Ваши минимальные цены на условиях СИФ Генуя. <i>Доставка будет нам необходима</i> в течение 4 недель...	Dear Sirs, Some years ago we bought from you a <i>consignment of «Handy» Paint Brushes</i> in 3 different <i>qualities</i> . <i>Please let us know</i> whether you are still manufacturing brushes in these <i>qualities</i> and quote your lowest prices c.i.f. Genoa. <i>We should require delivery</i> within 4 weeks...

Источник: www.delo-angl.ru.

При структурировании первого ЭДЦ в переводе особое внимание заслуживают полисемная лексическая единица *партия* и частично эквивалентный термин *марка*, при передаче которых на другой язык используются приемы, позволяющие предвосхитить дополнительные вопросы, связанные с этими лексемами, а получателю ПТ лучше понять их значение.

Русское слово *партия* служит наглядным примером общеупотребительной русской лексики и имеет множество различных значений: ‘жен., франц. о людях: *сторонники, сторона, общество, защитники, одномышленники, соумышленники, собраты, товарищи по мнениям, убеждениям, стремлениям своим; союз одних лиц против других, у коих иные побуждения*’; ‘*отряд, военный или иной*’; ‘*брак, но более по расчету, по видам*’ и др.

В конкретном переводе письма-запроса слова *партия* употребляется в его терминологическом варианте ‘*партия известного товара, сукон, полотна, часть, количество, запас, полученный за один раз*’. В английском языке слово *party* имеет лишь одно подобное значение – ‘*an organization of people with particular beliefs which competes in elections for positions in local or national government*’ (рус. – *организация людей с определенными взглядами, участвующая в выборах в местные или государственные органы власти*) и не употребляется в терминологическом значении. Вероятной причиной этого может быть различный уклад экономической и социальной жизни русско- и англоязычного общества. В этой

⁵ Большой словарь современного русского языка. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk.html> (дата обращения: 25.01.2018).

⁶ Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 25.01.2018).

⁷ Неустроев К. С. Способы выражения побуждения и воздействия (на материале современного английского языка) : автореф. ... дис. канд. филол. наук : 10.02.19, 10.02.04. Ростов-на-Дону, 2008. С. 10–14.

связи оптимальное переводческое решение – замена исходной полисемной единицы *партия* английским термином *consignment*, который употребляется в значении ‘*a quantity of goods that are sent together*’ (рус. – количество одновременно отправленного товара), которое только частично не совпадает с терминологическим вариантом исходной русской лексемы, подразумевающей в целом то же самое.

При передаче на английский язык русской лексемы *марка* используется такой вариант лексической замены, как **перераспределение семного состава** исходной лексемы. Переводчик отказывается использовать английское соответствие *trademark*, хотя в современных двуязычных словарях данное понятие соотносится с русским понятием *марка* ввиду того, что в обоих присутствует идея идентификации. Причиной выделенной трансформации являются расхождения в семном составе обеих лексических единиц. Значение русского термина составляют такие семы, как ‘*торговый знак, клеймо на изделии, товаре с обозначением города, предприятия, где производится изделие, его качества и т. п.*’; ‘*сорт, тип или качество изделия, товара и т. п.*’; ‘*свойство, качество как типичный, характерный признак чего-л. и др.*’ Английский термин *trademark* используется только в одном значении ‘*a name or symbol on a product that shows it was made by a particular company, and that it cannot be used by other companies without permission*’ (рус. – название или символ на изделии, указывающие на предприятие, где производится данное изделие, а также на то, что они не могут использоваться другими компаниями без разрешения). Из-за расхождения в семантике английский термин не может сочетаться с числительным *three* и прилагательным *different*, поэтому в переводе используется лексема *qualities*, которая сочетается и с тем, и с другим словом и соответствует одному из лексико-семантических вариантов исходного русского термина.

При анализе следующего ЭДЦ следует подчеркнуть необходимость использования переводчиком приемов в их жанрово-стилистической обусловленности под воздействием представления об адресате и его деятельности, ситуации на фоне определенного коммуникативного и жизненного опыта и определенных социокультурных норм. В соотношении с этими нормами и иерархией отношений между собеседниками предполагается использование в переводе на английский язык приемов, направленных на изменение речеактового содержания ЭДЦ межкультурного общения. Поскольку носители английского языка намеренно подчеркивают стремление к сохранению социальной (или горизонтальной) дистанции, не допускающей тактильную коммуникацию, коммуникативное давление на адресата, прямолинейность при выражении тех или иных коммуникативных интенций и высокую степень формальности в общении, прямые речевые акты побуждения обычно **заменяются** косвенными. Поэтому в приведенном выше переводе письма-запроса вместо исходной формы повелительного наклонения *сообщите нам* используется конструкция *let us know*, которая более понятна адресату письма и способствует более эффективному кооперативному взаимодействию с ним.

При структурировании последнего побудительного ЭДЦ переводчик руководствуется теми же этикетными нормами и поэтому намеренно меняет официально-деловой тон на менее формальный, доброжелательный и дружеский, **добавляя** личное местоимения *we* и модальный глагол *should*.

Отметим, что благодаря использованию модальных глаголов, выражающих личностное отношение к предмету общения, межкультурный диалог приобретает особую «искру экспрессии», которой нет ни в системе языка, ни в объективной действительности. Как и ряд других языковых средств, модальные глаголы передают «некоторую типическую экспрессию», которую можно получить только в определенном жанре [1, с. 267]. Добавление модальных глаголов как средств выражения экспрессии предполагается при переводе деловых писем на английский язык в силу национально-культурной традиции, обуславливающей более частое использование эмоционально-экспрессивных средств, что способствует выражению личного отношения к предмету сообщения, ситуации или адресату.

Приведенные выше примеры переводов деловых писем представляют сложные формы речевого взаимодействия из элементарных циклов различных видов, обусловленных жанровой принадлежностью ИТ. Межкультурное общение в благодарственном письме осуществляется посредством смены первого ЭДЦ вопросно-ответного вида выражением отношения к адресату, как показано на рис. 1. В соответствии с рис. 2 и 3 можно увидеть, что в переводе на английский язык писем-запросов за ЭДЦ вопросно-ответного вида следуют ЭДЦ побудительного вида. Включение элементов вопросно-ответных ЭДЦ в циклы побудительного вида при этом обуславливается исключительно семным составом исходных лексических единиц и не зависит от речевого жанра.

Формирование ЭДЦ речевого взаимодействия реализуется широким спектром тактик и приемов, обусловленных универсальными стратегиями, направленными на благополучное разрешение контакта участников межкультурного диалога. Общая типология диалогических стратегий находит отражение в разработанной диалогической модели перевода и включает стратегии десубъективизации содержания исходного текста, сохранения лица и адаптации темпорально-пространственных смыслов к принимающей культуре [7, с. 49]. Общие стратегические задачи реализуются посредством тактик, традиционно

использующихся для достижения коммуникативно-равноценного перевода, к которым относят тактики точной и полной передачи информации, передачи подразумеваемой информации, стилистической адаптации перевода, воссоздания стилистических особенностей, корректной передачи информации и прагматической адаптации перевода [8, р. 863]. Действием отдельных из этих тактик обуславливаются приемы, использующиеся при структурировании элементарных циклов МкДО на примере приведенных выше переводов благодарственного письма и писем-запросов. Соотнесение данных приемов с универсальными диалогическими стратегиями и тактиками перевода отражено на рис. 4.

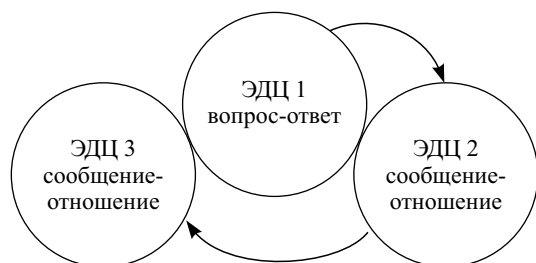

Рис. 1. Диалогическая структура благодарственного письма
Fig. 1. Dialogic structure of the letter of thanks

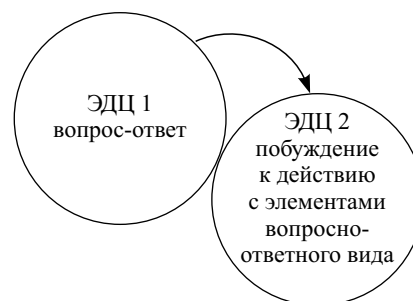

Рис. 2. Диалогическая структура первого письма-запроса
Fig. 2. Dialogic structure of the first letter of inquiry

Рис. 3. Диалогическая структура второго письма-запроса
Fig. 3. Dialogic structure of the second letter of inquiry

Рис. 4. Диалогические стратегии, тактики и приемы перевода благодарственного письма и запроса
Fig. 4. Dialogic strategies. Tactics and techniques of letter of thanks and inquiry translation

Заклучение

Выделенные в таблице переводческие приемы и тактики в соотнесении с общими диалогическими стратегиями рекомендуются при структурировании ЭДЦ межкультурного делового общения на материале текстов, относящихся к речевым жанрам благодарственного письма и запроса, хотя ввиду специфики английской коммуникативной культуры эти приемы могут эффективно использоваться при оформлении переводов документальных текстов других видов. Рассмотрение элементарных циклов в качестве единиц анализа диалогической структуры речевого взаимодействия и их комбинаций необходимо, на наш взгляд, в исследовании различных речевых жанров МкДО. Изучение и описание особенностей структурирования ЭДЦ путем применения приемов и тактик, подчиненных диалогическим стратегиям десубъективизации содержания ИТ, сохранения лица и адаптации темпорально-пространственных смыслов к принимающей культуре, позволяют отразить динамику межкультурного делового общения и выявить наиболее эффективные способы его организации.

Библиографические ссылки

1. Бахтин ММ. Проблема речевых жанров. В: Бахтин ММ. *Эстетика словесного творчества*. Бочаров СГ, составитель. Москва: Искусство; 1979. с. 2250–296.
2. Кожина МН. *О диалогичности письменной научной речи*. Пермь: Издательство Пермского университета; 1986. 92 с.
3. Кучинский ГМ. *Диалог и мышление*. Минск: Издательство Белорусского государственного университета; 1983. 190 с.
4. Дускаева ЛР. *Диалогическая природа газетных речевых жанров*. 2-е издание. Кожина МР, редактор. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; 2012. 274 с.
5. Rodman L. You-attitude: A linguistic perspective. *Technostyle*. 2002;17(2):55–69.
6. Темирова ОА. К вопросу об употреблении в переводе английских местоимений thou/you в художественных текстах. *Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение*. 2010(11):244–258.
7. Ковалевская ИИ. Типология стратегий в диалогической модели перевода документального дискурса. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2018;3:49–58.
8. Sdobnikov VV. Strategy and tactics of translating special texts. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2012;5(6):861–867.

References

1. Bakhtin MM. [The problem of speech genres]. In: Bakhtin MM. *Estetika slovesnogo tvorchestva*. Bocharov SG, compiler. Moscow: Iskusstvo; 1979. p. 250–296. Russian.
2. Kozhina MN. *O dialogichnosti pis'mennoi nauchnoi rechi* [About dialogic scientific writing]. Perm: Perm University Publishing House; 1986. 92 p. Russian.
3. Kuchinsky GM. *Dialog i myshlenie* [Dialog i thinking]. Minsk: Belarusian State University Publishing House; 1983. 190 p. Russian.
4. Duskaeva LR. *Dialogicheskaya priroda gazetnykh rechevykh zhanrov* [Dialogical nature of the newspaper speech genres]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; 2012. 274 p. Russian.
5. Rodman L. You-attitude: a linguistic perspective. *Technostyle*. 2002;17(2):55–69.
6. Temirova OA. On the issue of the usage and translation of the English pronouns thou / you in literary texts. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta. Seriya: Istorija. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*. 2010(11):244–258. Russian.
7. Kavaleuskaya II. Types of strategies in dialogical translation model of document discourse. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2018;3:49–58. Russian.
8. Sdobnikov VV. Strategy and tactics of translating special texts. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2012;5(6):861–867.

Статья поступила в редколлегию 08.02.2019.
Received by editorial board 08.02.2019.

ОТРАЖЕНИЕ РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА В СИСТЕМЕ БЕЛОРУССКОЙ И СЛОВАЦКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

П. А. РААГО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

На основе семантико-синтаксической классификации глаголов с предметной семой 'растение' предпринята попытка показать, какую информацию о растительном мире несут в себе глаголы белорусского и словацкого языков. Эта информация является весьма разноплановой, что позволяет проводить ее анализ на трех уровнях: осмысление функциональной роли растения; отображение онтологических свойств и характеристик растений в рамках отдельных семантических классов; денотативная отнесенность. Сопоставительный элемент исследования позволяет выявить особенности в отображении растительного мира в глагольной семантике словацкого и белорусского языков.

Ключевые слова: растительный мир; предметная сема; граминальные глаголы; семантический класс; типовая семантика; денотативная отнесенность.

АДЛЮСТРАВАННЕ РАСЛІННАГА СВЕТУ Ў СІСТЭМЕ БЕЛАРУСКАЙ І СЛАВАЦКАЙ ДЗЕЯСЛОЎНАЙ ЛЕКСІКІ

П. А. РААГО^{1*)}

^{1*)}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

На падставе семантыка-сінтаксічнай класіфікацыі дзеясловаў з прадметнай семай 'расліна' зроблена спроба паказаць, якую інфармацыю пра раслінны свет нясуць у сабе дзеясловы беларускай і славацкай моў. Гэтая інфармацыя з'яўляецца вельмі разнапланавай, што дазваляе праводзіць яе аналіз на трох узроўнях: асэнсаванне функцыянальнай ролі расліны; адлюстраванне анталогічных уласцівасцей і характарыстык раслін у рамках асобных семантычных класаў; дэнататыўная аднесенасць. Супастаўляльны элемент даследавання дазваляе выявіць асаблівасці ў адлюстраванні расліннага свету ў дзеяслоўнай семантыцы славацкай і беларускай моў.

Ключавыя словы: раслінны свет; прадметная сема; грамінальныя дзеясловы; семантычны клас; тыпавая семантыка; дэнататыўная аднесенасць.

REFLECTION OF THE WORLD OF PLANTS IN THE SYSTEM OF THE BELARUSIAN AND SLOVAK VERBS

P. A. RAAGO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The paper proposes semantic-syntactical classification of the verbs with the subject seme 'plant' and attempts to show, what kind of information about the world of plants is contained in the verbs of the Belarusian and Slovak languages. This information is very diverse, which allows us to analyze it at three levels: understanding of the functional role of the plant;

Образец цитирования:

Рааго ПА. Адлюстраванне расліннага свету ў сістэме беларускай і славацкай дзеяслоўнай лексікі. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2019;2:57–69.

For citation:

Raago PA. Reflection of the world of plants in the system of the Belarusian and Slovak verbs. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2019;2:57–69. Belarusian.

Автор:

Павел Александрович Рааго – старший преподаватель кафедры белорусского языкознания филологического факультета.

Author:

Pavel A. Raago, senior lecturer at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology.
raagop@gmail.com

reflection of ontological properties and characteristics of plants within the bounds of particular semantic classes; denotation. The comparative analysis makes it possible to determine distinctive features of the reflection of the world of plants in the verbal semantic of the Belarusian and Slovak languages.

Keywords: world of plants; subject seme; graminal verbs; semantic class; type semantics; denotation.

Уводзіны

Дзеясловы, дзякуючы сваёй уласцівасці ў згорнутым выглядзе захоўваць інфармацыю пра цэлую сітуацыю, з’яўляюцца надзвычай цікавай крыніцай даных пры вывучэнні пытанняў, як мова асэнсоўвае і адлюстроўвае пэўныя фрагменты рэчаіснасці. Як вядома, семны склад дзеяслова вызначаецца складанасцю і неаднароднасцю. Акрамя даволі абстрактных несубстанцыяльных сем, такіх як ‘станаўленне’, ‘быццёнасць’, ‘дзеянне’, ‘стан’, ‘адносіны’ і пад., для значнай часткі дзеясловаў уласцівы больш канкрэтныя субстанцыяльныя семы, якія ўказваюць на ўдзельнікаў сітуацыі і на іх прыметы: функцыянальныя, квантатывныя, якасныя (катэгарыяльна-семантычныя і рэферэнтныя) [1, с. 18]. Наяўнасцю ў значэнні дзеяслова пэўных катэгарыяльна-семантычных або рэферэнтных сем тлумачыцца ўласцівасць некаторых дзеясловаў спалучацца толькі з імёнамі пэўных катэгарыяльна-семантычных або функцыянальна-адлюстравальных класаў. Дзеясловы, якія маюць здольнасць спалучацца толькі з вузкім колам семантычна блізкіх імёнаў або нейкім адным імем, у лінгвістычнай літаратуры прынята называць «дзеясловы вузкай дэнататывнай аднесенасці» [2, с. 49], «дзеясловы з уключанымі актантамі» [3, с. 50] або «дзеясловы са спецыялізаванымі прадметнымі семамі» [4, с. 64; 5]. Найбольш частай з’яўляецца спецыялізацыя дзеясловаў да імя ў пазіцыі суб’екта або ў пазіцыі аб’екта [4, с. 65]. Многія беларускія і славацкія дзеясловы ўтрымліваюць у сваім значэнні прадметную сему ‘расліна’, што дае магчымасць прааналізаваць, якія звесткі пра раслінны свет захоўваюцца ў дзеяслоўнай семантыцы. Гэта інфармацыя з’яўляецца вельмі разнапланавай, у сувязі з чым мэтай нашага даследавання з’яўляецца высветліць наступнае: 1) якім чынам у дзеяслоўнай семантыцы беларускай і славацкай моў асэнсоўваецца функцыянальная роля раслін; 2) якія анталогічныя ўласцівасці і характарыстыкі раслін адлюстроўваюцца ў рамках асобных семантычных класаў; 3) якія адрозненні ў адлюстраванні анталогічных уласцівасцей раслін назіраюцца ў дзеяслоўнай семантыцы беларускай і славацкай моў; 4) інфармацыя пра якія расліны зафіксавана ў семантыцы беларускіх і славацкіх дзеясловаў. Супастаўляльны элемент даследавання дазваляе выявіць асаблівасці ў адлюстраванні расліннага свету ў дзеяслоўнай семантыцы славацкай і беларускай моў. Выбар моў для параўнання абумоўлены сферай прафесійных інтарэсаў аўтара. Акрамя таго, дзеясловы з прадметнай семай ‘расліна’ ніколі не становіліся аб’ектам самастойнага даследавання ў беларускім і славацкім мовазнаўстве. Урэшце, цікавасць выклікае ступень разыходжання ў адлюстраванні расліннага свету дзеясловамі генетычна роднасных моў.

Тэарэтычныя асновы

У групу дзеясловаў з прадметнай семай ‘расліна’ ўваходзяць дзеясловы розных лексіка-семантычных груп (ЛСГ), аб’яднаныя агульнай прыметай – наяўнасцю ў семнай структуры адпаведнай семы. Уключэнне пэўных субстанцыяльных ці, у прыватнасці, рэферэнтных сем функцыянальна-адлюстравальнага характару ў значэнне дзеясловаў звычайна прама ці ўскосна адлюстроўваецца ў слоўнікавых дэфініцыях канкрэтных дзеясловаў, таму адзін з асноўных метадаў выяўлення дзеясловаў з уключанымі актантамі – гэта дэфініцыйны аналіз. Нягледзячы на ўсю недасканаласць названага метаду, менавіта дэфініцыйны аналіз (поруц з дыстрыбуцыйным і кампанентным) з’яўляецца найбольш эфектыўным спосабам выяўлення дзеясловаў з уключанымі прадметнымі семамі.

Матэрыялам для даследавання нам служаць слоўнікавыя артыкулы, у якіх утрымліваюцца абмежавальныя (лімітуючыя) фрагменты тлумачэння з указаннем на раслінную субстанцыю (напрыклад, *пра расліны, дрэвы; пра зерне, пупышкі; o rastlinách* і пад.) або непасрэдна ў тлумачэнні робяцца спасылкі на расліну (напрыклад, *зразаць траву касой або касілкай*). Слоўнікавыя артыкулы адбіраліся метадам суцэльнай выбаркі з «Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы» (каля 450 адзінак)¹ і «Slovníka slovenského jazyka» (каля 350 адзінак)². Па меры неабходнасці да працы прыцягваліся «Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы»³, «Русско-белорусский словарь»⁴, «Synonymický slovník

¹ Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад агул. рэд. К. К. Крапівы. Мінск : Бел. сав. энцыкл., 1977–1985.

² Slovník slovenského jazyka. Zväz. 1–6 / red. Š. Pesiari. Bratislava : Vydavateľstvo SAV, 1959–1968.

³ Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : у 5 т. / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. Мінск : БелЭН, 1996.

⁴ Русско-белорусский словарь : в 3 т. / НАН Беларуси, Ин-т языкознания им. Я. Коласа. 8-е изд. Минск : БелЭН, 2002.

slovenčiny»⁵, «Krátky slovník slovenského jazyka»⁶, «Slovník súčasného slovenského jazyka»⁷. Такім чынам, даследаванне рэалізуецца пераважна на матэрыяле літаратурнай беларускай і славацкай моў з улікам нязначнай колькасці пашыраных дыялектных/абласных слоў, якія зафіксаваны ў згаданых крыніцах.

Паколькі склад дзеясловаў са спецыялізаванай прадметнай семай 'расліна' даволі неаднародны (параўн.: *каласіцца* – *чаранкаваць* – *замізіць* – *азеляніць* – *дубець*), на першым этапе нашага даследавання бачыцца мэтазгодным падзяліць усю сукупнасць такіх дзеясловаў на асобныя семантыка-сінтаксічныя групы з улікам той функцыянальнай ролі расліны, якая адлюстроўваецца ў дзеяслоўнай семантыцы (напрыклад, суб'ект, аб'ект, сродак і пад.), і сінтаксічных паводзін. Пры далейшым аналізе семантычных уласцівасцей і асаблівасцей функцыянавання мы будзем абапірацца на два асноўныя падыходы. Першы, які заключаецца ў вылучэнні пэўных семантычных класаў і падкласаў на базе канфігурацыі асобных семантычных прымет, быў распрацаваны славацкай даследчыцай М. Сокалавай у працах «Sémantika slovesa a slovesný rod» [6] і «Kapitolky zo slovenskej morfológie» [7], затым развіты і практычна апрабаваны ў ґрунтоўных даследаваннях «Valenčný slovník slovenských slovies» [8] і «Valenčný slovník slovenských slovies na korpusovom základe» [9]. Другі падыход, заснаваны на вылучэнні семантычных мадэлей сказаў з дзеяслоўнымі прэдыкатамі і апісанні іх тыпавай семантыкі з лексіка-семантычнымі варыянтамі (ЛСВ), найбольш падрабязна апісаны ў працы «Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь» [10].

Вынікі і іх абмеркаванне

Функцыянальная роля раслін. Лексічны матэрыял беларускай і славацкай моў дазваляе нам вылучыць сем семантыка-сінтаксічных класаў дзеясловаў, якія адлюстроўваюць спосабы асэнсавання носьбітамі мовы функцыянальнай ролі раслін. Ступень лексічнай прадстаўленасці (або запоўненасці) кожнага з класаў у асобных мовах розная. Аналіз вылучаных класаў дазваляе нам сцвярджаць, што ў дзеяслоўнай семантыцы расліны прадстаўлены як:

1. Жывыя арганізмы, здольныя развівацца, ажыццяўляць дзеянні і знаходзіцца ў пэўных станах (гэта значыць выступаць у якасці суб'ектаў, або актыўных удзельнікаў, сітуацыі). Такое адлюстраванне з'яўляецца ў семантыцы так званых грамінальных дзеясловаў [11, с. 37] (у нашай тэрміналогіі суб'ектна-грамінальных дзеясловаў [12, с. 34]) – дзеясловаў, што маюць у значэнні сему спецыялізаванага суб'екта, які выражаецца назвай расліны, і пазіцыю суб'екта, пры якіх, адпаведна, займаюць назоўнікі, што абазначаюць раслінныя арганізмы, напрыклад, *цвісці*, *каласіцца*; *кліціць*, *кошатіць* і пад. У семантыцы дзеясловаў дадзенага класа адлюстроўваюцца анталагічныя ўласцівасці раслін, такія як рост, развіццё, фізіялагічныя працэсы і станы. Калі параўноўваць больш дробныя ЛСГ у межах названага класа, то варта адзначыць, што большасць дзеясловаў з семай 'расліна' маюць працэсуальны характар і з'яўляюцца непераходнымі. Суб'ектна-грамінальныя дзеясловы вылучаюцца найперш семантычнай групай, якая адлюстроўвае структурныя змяненні ў раслінных арганізмах (напрыклад, *каласіцца*, *асцябляцца*, *сцручкавацца*; *stebelnatieť*, *vetviť sa*, *metať*).

Асобным падкласам у межах адзначанага класа з'яўляюцца так званыя сінкрэтычныя грамінальныя дзеясловы, сінкрэтызм якіх заключаецца ў тым, што яны маюць не адну, а адразу дзве прадметныя семы 'расліна', адна з якіх займае пазіцыю суб'екта, а другая – аб'екта. Усе сінкрэтычныя грамінальныя дзеясловы з'яўляюцца пераходнымі і іх як у беларускай, так і ў славацкай мове вельмі мала (напрыклад, дзеясловы *глушыць*; *zadúšať*): *Пырнік глушыць буракі*; *Burina zadúša kapustu* (тут і далей, калі гэта асобна не адзначана, прыклады нашы. – П. Р.). Гэта натуральна, бо расліны ў большасці выпадкаў успрымаюцца чалавекам як адносна пасіўныя жывыя арганізмы, для якіх уласціва ўнутранае развіццё і амаль не характэрна ўздзеянне на навакольны свет.

2. Актыўны сродак (фактар) змянення аб'ектаў навакольнага асяроддзя. Такая роля раслін адлюстравана ў семантыцы дзеясловаў, якія ўмоўна можна назваць грамінальнымі дзеясловамі актыўнага сродку (або пакрыцця і каўзацыі змены стану), напрыклад, *зарасці*, *замізіць*, *замуравецць*, *затравецць*, *задзірванець*; *zatravnatieť*, *otachnatieť*, *zmachnatieť*, *pažitnatieť*, *zaburiniť sa*. Дадзеныя дзеясловы маюць даволі спецыфічную семантыку. З аднаго боку, яны абазначаюць, што на паверхні пэўнага прадмета ўзніклі жывыя арганізмы (расліны) або пакрылі яго сабой, а з іншага боку, працэс узнікнення жывых арганізмаў прадстаўляецца як змена стану, якаснай характарыстыкі прадмета ў выніку ўздзеяння гэтых арганізмаў на прадмет. Грамінальныя дзеясловы, якія прадстаўляюць гэты клас, паводле спосабу эксплікацыі прадметнай семы 'расліна' падзяляюцца на групу матываваных і нематываваных. У нематываваных грамінальных дзеясловаў пакрыцця і змены стану сема 'расліна' ('расліннасць') эксплікуецца

⁵ Synonymický slovník slovenčiny / red. M. Pisárčiková. Bratislava : Veda, 2004.

⁶ Krátky slovník slovenského jazyka / red. J. Kačala, M. Pisárčiková, M. Považaj. Bratislava : Veda, 2003.

⁷ Slovník súčasného slovenského jazyka. A–N / red. A. Jarošová. Bratislava : Veda, 2006.

толькі на сінтаксічным узроўні (напрыклад, *абрасці, зарасці, зрасці; porást', zahúknuť*), у матываваных – на марфемным (напрыклад, *травянец (затравянец), затравец, утравец, амшэць, абымшэць, заімышэць, замшэць, з'імышэць, дзірванец (задзірванец), падзірванец, замуравец; zatravnatieľ, otachnatieľ, ztachnatieľ, ražitnatieľ*). А такія дзеясловы, як *абзеляніца* 'пакрыцца расліннасцю, зелянінай' і асабліва *ўялавец* 'зарасці пустазеллем, травой (пра зямлю, поле)' у найбольш чыстым выглядзе перадаюць менавіта семантыку змены стану аб'екта (што знайшло свой адбітак і ва ўнутранай форме: *ялавы* 'няплодны, неўраджажны').

3. Аб'ект знешняга ўздзеяння. Такое ўспрыманне раслін зафіксавана ў семантыцы аб'ектна-грамінальных дзеясловаў або дзеясловаў, якія спалучаюцца з назвай расліны ў пазіцыі аб'екта (*ачкаваць, абворваць; štepiť, šlachtiť* і пад.). Яны не абазначаюць дзеянні, выканаўцамі якіх з'яўляюцца раслінныя арганізмы, а паказваюць, якому знешняму ўздзеянню гэтыя арганізмы могуць падвяргацца (пераважна ў працэсе сельскагаспадарчай дзейнасці чалавека або з боку прыродных сіл). Усе дзеясловы дадзенага класу пераходныя, і сярод іх няма статычных дзеясловаў.

Аўтары працы «Русская глагольная лексика: денотативное пространство», апісваючы групы дзеясловаў, якія рэфэрэнцыяльна суадносяцца з суб'ектам-чалавекам і аб'ектамі-біяфактамі, адзначаюць: «Менш разнастайнымі па характары абазначаных дзеянняў аказваюцца дзеясловы, якія рэфэрэнцыяльна суадносяцца з аб'ектам "расліны". У асноўным гэта дзеясловы, якія апісваюць сітуацыю змяшчэння расліны ў зямлю... або сітуацыю знішчэння аб'екта-расліны» [13, с. 125]. Як паказаў наш аналіз, як у беларускай, так і ў славацкай мове існуе цэлы шэраг дзеясловаў, якія абазначаюць іншыя па характары дзеянні, скіраваныя на расліны (раздзяленне раслін на часткі, аддзяленне, далучэнне часткі, пашкоджанне расліны, пакрыццё расліны (яе часткі) хімічным рэчывам або зямлёй, устараненне або збор раслін, ачышчэнне сукупнасці адных раслін ад іншых, уздзеянне на расліны з мэтай паўплываць на іх развіццё (інтэнсіўнасць росту, форму, якасныя характарыстыкі) і некаторыя іншыя).

4. Неактыўны (пасіўны) сродак змянення аб'ектаў навакольнага асяроддзя. Такое адлюстраванне расліны закладзена адразу ў двух семантыка-сінтаксічных класах грамінальных дзеясловаў: дзеясловах пакрыцця/змяшчэння і змены стану, а таксама ў дзеясловах ачышчэння. Грамінальныя дзеясловы пакрыцця і змены стану валодаюць агульнай семантыкай пакрыцця аб'екта пэўнай расліннасцю, а дакладней – 'чалавек пакрывае паверхню чаго-небудзь, участак зямлі расліннасцю (або насеннем расліны)'. Сярод дзеяслоўных прэдыкатаў, якія прадстаўляюць названы клас, паводле спосабу эксплікацыі семы 'расліна' можна вылучыць дзве групы. Дзеяслоўныя прэдыкаты першай групы эксплікуюць сему 'расліна' на сінтаксічным узроўні, гэта значыць патрабуюць, каб пры іх у творным склоне са значэннем сродку пакрыцця знаходзілася імя расліны (*абсадзіць, засеяць; zasiat'* і г. д.). Такія дзеясловы ўжо па традыцыі назавём нематываванымі грамінальнымі дзеясловамі пакрыцця. Дзеясловы з другой групы эксплікуюць сему 'расліна' на марфемным узроўні і, адпаведна, наогул не спалучаюцца з імёнамі-назвамі раслін (адбываецца поўнае ўключэнне актанта). Такія дзеясловы можна лічыць матываванымі. Намі выяўлены толькі адзін матываваны грамінальны дзеяслоў пакрыцця *zatrávniť* 'абсеяць, засеяць травой'. Падобных беларускіх дзеясловаў намі не выяўлена. У нейкай ступені прамежкавае становішча паміж названымі групамі займаюць дзеясловы *азеляніць* 'пасадзіць дрэвы, кусты і падобнае там, дзе няма расліннасці', *абзеляніць* 'насадзіць многа кустоў, дрэў, пакрыць расліннасцю'. Іх корань можна разглядаць як эксплікацыю семы 'зелень, расліннасць' (што характэрна для групы матываваных дзеясловаў), аднак паняцце "зелень" не настолькі канкрэтнае, каб гэтыя дзеясловы заўсёды ўжываліся без пашыральнікаў прэдыкатаў і былі семантычна абсалютна самадастатковыя. Таму ў маўленні аднолькава дапушчальныя выразы нахштальт *мы азелянілі наш горад* і *мы азелянілі наш горад маладымі дрэўцамі* (у другім выпадку адбываецца канкрэтызацыя агульнага сэнсу выказвання). Акрамя таго, дзеясловы *азеляніць* і *абзеляніць* маюць дастаткова выразную семантыку каўзацыі змены якаснага стану (*шэры горад* → *горад азелянілі* → *зялёны горад*).

Грамінальны дзеяслоў ачышчэння *odburiniť* па семантыцы з'яўляецца фактычна антанімічным грамінальным дзеясловам пакрыцця, бо абазначае ачышчэнне ўчастка зямлі ад расліннасці. Семантычна да яго набліжаны беларускі дзеяслоў *выпалаць* (у спалучэннях тыпу *выпалаць грады*), аднак семантычны аб'ём дадзеных дзеясловаў не тоесны. Калі выраз *выпалаць грады* неабходна разумець як 'ачысціць грады ад пустазелля, пакінуўшы карысныя агародныя культуры (расліны)', то выраз *odburiniť pole* мае два прачытання: 1) 'ачысціць поле ад пустазелля, пакінуўшы карысныя культуры (расліны)' і 2) 'ачысціць зарослае пустазеллем поле ад расліннасці', гэта значыць увогуле не пакінуць расліннасці.

5. Аб'ект для параўнання. Такое ўспрыманне раслін вынікае з семантыкі дзеясловаў нахштальт *дубець, дубянец, дэравянец* і пад. Семантычную структуру названых дзеясловаў часам характарызуюць як 'набываць уласцівасці, як у X (не з'яўляючыся X)' (а ў выпадку наяўнасці семы 'жывёла' яшчэ і 'весці сябе, нібы X (не з'яўляючыся X)', дзе X – назва жывёлы). Наогул жа падобныя дзеясловы, ут-

вораныя ад назваў жывёл, прынята называць «дзеяслоўнымі заамарфізмамі». Па аналогіі ў дачыненні да дзеясловаў тыпу *дубець* можна прапанаваць тэрмін «дзеяслоўныя фітамарфізмы». Аднак паміж заамарфізмамі і фітамарфізмамі назіраецца істотная розніца: заамарфізмы ніколі не маюць семантыку 'стаць *X*', дзе *X* – назва жывёлы. Больш складаная сітуацыя назіраецца сярод фітамарфізмаў. У тых выпадках, калі яны ўтвораны ад індыўідуальных назваў раслін, яны маюць семантыку 'набываць уласцівасці, як у *X* (не з'яўляючыся *X*)', дзе *X* – назва расліны (напрыклад, *дубець*, *дубянець* 'набываць пэўныя ўласцівасці, як у дуба'; *лапушыца* 'набываць пэўныя ўласцівасці, як у лопуха'). Калі ж яны ўтвараюцца ад відавых/родавых найменняў, то могуць мець семантыку 'набываць уласцівасці, як у *X* (не з'яўляючыся *X*)' або 'станаўіцца/стаць *X*', напрыклад, *бровы кусцяца* 'бровы набываюць пэўныя ўласцівасці, характэрныя для куста', *персік кусціца* 'персік становіцца кустом, ператвараецца ў куст'. Увогуле дзеяслоўных фітамарфізмаў вельмі мала (у славацкай мове намі зусім не выяўлены). Сама група фітамарфізмаў паводле такой прыметы, як прыналежнасць да грамінальных дзеясловаў, распадаецца на дзве часткі: 1) дзеяслоўныя фітамарфізмы, якія не характарызуюць дзеянні (станы, працэсы) з удзелам раслін, а толькі скіроўваюць да іх як да аб'ектаў для параўнання і, адпаведна, не з'яўляюцца грамінальнымі (напрыклад, *дубець*, *дубянець*); 2) дзеяслоўныя фітамарфізмы, якія характарызуюць дзеянні (станы, працэсы) з удзелам раслін і, адпаведна, належаць да ліку грамінальных (напрыклад, *лапушыца*, *кусціца*).

Асобна трэба адзначыць, што некаторыя дзеясловы спецыялізуюцца не да назвы цэлай расліны, а да назвы часткі расліны. Такія дзеясловы мы таксама разглядаем у якасці грамінальных.

Анталагічныя ўласцівасці раслінных арганізмаў. Не менш цікавых звестак захоўвае дзеяслоўная семантыка і пра анталагічныя ўласцівасці раслінных арганізмаў. Прычым у дадзеным выпадку асноўнай крыніцай інфармацыі для нас могуць служыць так званыя суб'ектна-грамінальныя дзеясловы, бо менавіта ў межах названай групы расліна выступае як актыўны суб'ект дзеяння або носьбіт іншай працэсуальнай прыметы.

У залежнасці ад канфігурацыі такіх семантычных прымет, як акцыянальнасць і падзейнасць, вылучаюцца тры асноўныя семантычныя класы паўназначных дзеясловаў: акцыянальныя, працэсуальныя і статычныя. Кожны з названых семантычных класаў падзяляецца на шэраг падкласаў [9, с. 15–22]. Аналіз суб'ектна-грамінальных дзеяслоўных прэдыкатаў паказаў, што яны прадстаўлены ў 2 семантычных класах і ў 11 з 35 магчымых падкласах (для параўнання, суб'ектна-бестыяльныя дзеясловы прадстаўлены ў 3 класах і ў 20 падкласах [14]).

Адметнасцю суб'ектна-грамінальных дзеясловаў з'яўляецца тое, што іх большая частка належыць да класа працэсуальных дзеясловаў, у меншай ступені яны прадстаўляюць клас статычных і зусім не прадстаўлены ў класе акцыянальных дзеясловаў. Такое размеркаванне па семантычных класах адлюстроўвае анталагічныя ўласцівасці раслін – жывых арганізмаў, не здольных да самастойных усвадомленых дзеянняў. Жыццё расліны – гэта найперш шэраг працэсаў (у аснове якіх ляжыць фізіялагічная актыўнасць), трансфармацый.

Працэсуальныя дзеясловы адказваюць на пытанне: «Што адбываецца, стала, стане з партыцыпантам – носьбітам падзейнасці (працэсуалам), якім стаў носьбіт падзейнасці?» – і характарызуюцца падзейнасцю, адсутнасцю акцыянальнасці, а іх агульнымі карэлятамі выступаюць дзеясловы *стаць/станаўіцца* (*адбывацца/адбывацца*) [9, с. 17].

У межах працэсуальных грамінальных дзеясловаў мы можам вылучыць шэраг семантычных падкласаў.

Экзістэнцыйныя дзеясловы адлюстроўваюць факт узнікнення, знікнення або існавання носьбіта экзістэнцыі (расліны / яе часткі). У чыстым выглядзе семантыку 'расліна існуе' перадаюць дзеясловы *расці*; *rásť*, бо менавіта рост з'яўляецца формай існавання расліны. Факт узнікнення расліны прадстаўлены ў наступных дзеясловах: а) *выклянуцца*, *прарасці* (*напрарастаць*), *узысці* (*узыходзіць*), *адпачкавацца*, *адрасці*, *узрасці*, *вырасці*; *vykľíčiť*, *vzísť*, *vyjsť*, *vybehnúť*, *vyrásť*; б) *насеяцца* (*панасявацца*, *навысявацца*), *засеяцца*, *насеяцца*, *нарасці*; *porásť*. Дзеясловы першай групы прадстаўляюць факт узнікнення расліны як вынік пэўных фізіялагічных працэсаў (трансфармацый), якія адбываюцца з яе зародкам або мацярынскім арганізмам (напрыклад, з *семечкі* *выклянуўся парастак сланечніка*; з *арэха* *ўзрасло маладое дрэўца*; ад *каланхоэ* *адпачкавалася новая расліна*). Дзеясловы другой групы звычайна маюць калектыўны суб'ект і акцэнтуюць не столькі факт узнікнення расліны ў выніку росту як трансфармацыі, колькі факт з'яўлення раслін на пэўнай тэрыторыі (пераважна ў выніку абсемяннення), напрыклад, *пад сасной насеялася шмат сасонак*; *пад плотам нарасло мяты*. Некаторыя дзеясловы адлюстроўваюць узнікненне не цэлай расліны, а толькі яе часткі (напрыклад, *адрасці*, *завязання*, *расцівісці*; *odrásť*, *zaviazat' sa*, *rozkvitnúť* і пад.). Урэшце, вялікая група дзеясловаў перадае факт смерці, адмірання расліны (з указаннем на прычыну або без): *прапасці*, *зачахнуць*, *адмерці*, *адмокнуць*, *вы-*

макнуць, засохнуць (высахнуць, пасохнуць, ссохнуць), засмягнуць (засмагнуць), згарэць, вымерзнуць; *uschnúť, vyschnúť, odumriet', zahoriet', vymrznúť*.

Дзеясловы функцыянавання паказваюць працэс функцыянавання расліны. Дадзеная група дзеясловаў семантычна набліжаная да дзеясловаў экзістэнцыйных, паколькі асноўнай формай функцыянавання расліны з'яўляецца яе рост. Аднак у выпадку дзеясловаў функцыянавання рост падаецца не як факт існавання, а як факт жыццядзейнасці, нармальнага/ненармальнага функцыянавання расліны як жывога арганізма. У найбольш чыстым выглядзе семантыку функцыянавання расліны перадаюць дзеясловы *расці/ра́сці*, а таксама *вегетаваць/vegetovať* (беларускі дзеяслоў *вегетаваць* не фіксуе тлумачальныя слоўнікі, але выпадкі яго выкарыстання назіраюцца ў маўленчай практыцы). Выказанне *нешта нашы бярозы не растуць* не азначае, што бярозы зніклі, спынілі існаванне. Гэта канстатацыя менавіта парушанага працэсу функцыянавання расліны. Сюды ж можна аднесці дзеясловы, якія нясуць у сабе ацэначны кампанент працэсу функцыянавання (расліна расце/функцыянуе добра або дрэнна), напрыклад, *буяць, шугаць, раскашавацца, сядзець; bujnieť, živorit' (ад дажджоў шугае крапіва; морква ў гэтым годзе сядзіць)*. У названую групу таксама ўваходзяць дзеясловы з семантыкай 'расліна знаходзіцца ў працэсе наладжвання нармальнай жыццядзейнасці пасля змены ўмоў росту' (напрыклад, *ажыць, аджыць, прыжыцца, прыняцца; ujať sa, prichytiť sa, zachytiť sa, ožiť*).

Два семантычныя падкласы дзеясловаў, якія мы разгледзім далей, зноў жа вельмі блізкія. Гаворка ідзе пра дзеясловы фізіялагічных працэсаў і дзеясловы мадыфікацыйныя. Як вынікае з назвы, дзеясловы фізіялагічных працэсаў называюць працэсы, звязаныя з фізіялагічным бокам існавання жывых партыцыпантаў, а таксама змену іх фізіялагічнага стану. У сваю чаргу, мадыфікацыйныя дзеясловы называюць працэсы, звязаныя з мадыфікацыяй колькасці або якасці мадыфіканта [9, с. 18]. Паколькі большасць мадыфікацый, якія адбываюцца з раслінай, – гэта вынік/знешняя праява пэўных фізіялагічных працэсаў, то мадыфікацыйныя дзеясловы можна разглядаць як падвід фізіялагічных (фактычна можна казаць пра фізіялагічна-мадыфікацыйныя дзеясловы). Тым не менш мы імкнемся разводзіць дзве названыя групы: да дзеясловаў фізіялагічных працэсаў мы адносім такія дзеясловы, якія абазначаюць пераважна ўнутраныя (не заўсёды відавочныя) працэсы, неабходныя для жыццядзейнасці і размнажэння раслінных арганізмаў, а таксама працэсы знаходжання расліны ў пэўным фізіялагічным стане або пераходу ў іншы стан. Мадыфікацыйныя ж дзеясловы больш характарызуюць знешнія мадыфікацыі (трансфармацыі) раслінных арганізмаў, змены іх колькасці і якасці характарыстык.

Грамінальныя дзеясловы фізіялагічных працэсаў адлюстроўваюць працэсы трох асноўных тыпаў: 1) фізіялагічныя працэсы, звязаныя з узаемадзеяннем расліны з навакольным асяроддзем пры забеспячэнні жыццядзейнасці; 2) фізіялагічныя працэсы, звязаныя з размнажэннем расліны; 3) фізіялагічныя працэсы, звязаныя з парушэннем нармальнага функцыянавання расліны (хваробамі). Першая група прадстаўлена дзеясловамі з тыпавой семантыкай 'расліна паглынае рэчывы з навакольнага асяроддзя або вылучае рэчывы ў навакольнае асяроддзе' (напрыклад, *смактаць; asimilovať, transpirovat', medovať, krvácať*). Як бачым, славацкіх дзеясловаў з названай семантыкай значна больш, чым беларускіх. У большасці гэта спецыяльныя тэрміны. Другая група аб'ядноўвае дзеясловы, якія адлюстроўваюць цэлы шэраг фізіялагічных працэсаў, звязаных з размнажэннем расліны. Найперш тут варта згадаць цвіценне як адзін з найбольш адметных і выразных фізіялагічных працэсаў у жыцці расліны (напрыклад, *цвісці, квітнець, красаваць, гарэць; kvitnúť*). Беларускія дзеясловы *красаваць, красаватца* спалучаюцца пераважна з назвамі сельскагаспадарчых злакаў (*пшаніца, жыта, ячмень, азімя* і пад.), дзеяслоў *гарэць* – з назвамі некаторых раслін сямейства гарбузовыя (*агуркі, гарбузы, кабачкі* і пад.). Славацкі ж дзеяслоў *kvitnúť* не накладвае такіх строгіх семантычных абмежаванняў і спалучаецца з назвамі ўсіх раслін, здольных цвісці (*kvitne pšenica, ruža, čerešňa*). Наступны фізіялагічны працэс, які фактычна з'яўляецца часткай цвіцення, – гэта апыленне. Яго прадстаўляюць дзеясловы з тыпавой семантыкай 'расліна (кветка расліны) паглынае пылок (іншай расліны, кветкі)' (напрыклад, *апыляцца, апылкоўвацца; opelovať sa*). Урэшце, некалькі дзеясловаў маюць тыпавую семантыку 'расліна знаходзіцца ў працэсе ўтварэння (і аддзялення) зародку, насення, спораў' (напрыклад, *абсемянатца, абнасьняцца, пачкавацца; semenit' (sa), pučať, sporulovať*). Трэцяя група дзеясловаў з семантыкай 'расліна знаходзіцца ў стане захворвання або прыходзіць у яго' прадстаўлена дзеясловамі *паршывець і rakovať*.

Мадыфікацыйныя (фізіялагічна-мадыфікацыйныя) дзеясловы – самы вялікі па колькасці лексічных адзінак падклас уласна-грамінальных дзеясловаў. І гэта невыпадкова, бо менавіта знешнія, візуальна заўважныя змяненні (павелічэнне/памяншэнне памераў, страта старых/узнікненне новых частак і пад.) складаюць аснову ненавуковых ведаў чалавека пра жыццё расліны. Расліны амаль пазбаўлены прасторавай дынамікі, але пры гэтым яны вылучаюцца неверагоднай колькасцю праяў дынамікі ўнутранай, зменлівасць – адна з асноўных прымет расліны як жывога арганізма.

У найбольш абагульненым выглядзе семантыка колькасных (а пры адпаведных пашыральных і якасных) пераўтварэнняў расліннага арганізма адлюстроўваецца ў дзеясловах *расці, ісці, гнаць; rást', hnať* (напрыклад, *нашы яблыні хутка растуць, бульба ідзе ў рост* і пад.). Адметнасцю беларускага грамінальнага дзеяслова *гнаць* з'яўляецца тое, што ён выступае ў якасці прэдыкатыўнага цэнтра безасабовых выказванняў, напрыклад, *сасну гоніць увесь* (параўн. слав. *borovica ženie do výšky*). На нашу думку, гэта могуць быць рэшткі архаічнага ўяўлення пра звышнатуральную (знешнюю) прыроду трансфармацый расліны. У дадзеным выпадку ў беларускай мове расліна пазбаўляецца самастойнасці, актыўнасці, прадстаўляецца фактычна як аб'ект уздзеяння нейкай знешняй сілы, а ў славацкай мове – як самастойны носьбіт змяненняў. Г. Вяжбіцка ў адной са сваіх прац, разглядаючы вялікую колькасць выказванняў нахштальт *человека переехало трамваем*, уласціваю рускай мове, пісала пра ірацыянальнасць рускага сінтаксісу [15, с. 73]. На наш погляд, адзначаная намі спецыфіка функцыянавання дзеяслова *гнаць* сведчыць менавіта пра пэўную ступень ірацыянальнасці канструкцый тыпу *сасну гоніць увесьшыю* і падобных, дзе ірацыянальнасць можна патлумачыць у тым ліку і вынікам неакрэсленага статусу расліны ў чалавечым мысленні паміж жывымі і нежывымі, актыўнымі і пасіўнымі аб'ектамі рэчаіснасці.

Пры гэтым у славацкай мове намі выяўлены адзінкавыя выпадкі спалучэння дзеяслова *hnať* з іменна-прыназоўнікавай формай *do rastu: slnko ženie do rastu viničné kry i burinu; účinok zimného rezu sa nám prejavuje v tom, že nám stromy ženie do rastu a oddaľuje plodnosť* (прыклады з інтэрнэту). Як бачна, у абодвух выпадках дзеяслоў *hnať* прадстаўлены ў асабовых канструкцыях, дзе расліна выступае ў ролі аб'екта ўздзеяння з боку прыродных сіл (сонца) або чалавека.

У працэсе росту расліна можа змяняць свой знешні выгляд, набываць пэўную форму. Такую сітуацыю адлюстроўваюць дзеясловы *бучнець, гусціцца, лапушыцца, купчасціцца, кусціцца, разгаціцца; košatieť*. Названыя лексічныя адзінкі не проста абазначаюць факт развіцця (росту) расліны, але і прадстаўляюць яго вынік з пункта гледжання прасторавай арганізацыі расліны (аб'ём, шчыльнасць кроны і пад.), утрымліваюць характарыстыку вынікаў росту расліны на падставе яе знешняга выгляду, таму семантыку большасці з названых дзеясловаў можна растлумачыць праз семантыку прыметнікаў, якія ім адпавядаюць: *бучнець* 'станавіцца бучным', *гусціцца* 'станавіцца густым', *кусціцца* 'станавіцца кусцістым, як куст', *лапушыцца* 'станавіцца лапушым, як лопух' і г. д. Як бачым, адлюстраванне сітуацыі набыцця раслінай пэўных знешніх уласцівасцей (формы) значна лепш прадстаўлена ў беларускай мове, чым у славацкай.

Яшчэ лепш у дзеяслоўнай семантыцы прадстаўлена сітуацыя 'расліна ў працэсе росту ўтварае новыя функцыянальныя часткі або страчвае старыя', гэта значыць паказ якасных марфалагічных мадыфікацый расліны: 1) *расці, ісці, гнаць, (вы)пускаць, завязваць, распускаць; rást', hnať, vyháňať, pušťať (korene, výhonky), rozvinúť, rozviť*; 2) *наклёўвацца, прарастаць; kľíčiť, kľúčiť, kľuť sa, kľuvať sa, nakličovať, porastať*; 3) *галініцца, разгаліноўвацца, асыябліцца, каласаваць, каласіцца, каласавацца, стаўбунець, стручкавацца, стралкавацца, караніцца, буяць; vetviť sa, rozvetvovať sa, rozkonáriť sa, stebelnatieť, vyklastiť (sa), metať, vymetať, vymetávať, rozkoreňovať sa, pučať, pučiť*; 4) *аблісцець*; 5) *асыпаць, асыпацца; prchnuť*. Дадазена група аб'ядноўвае дастаткова вялікую колькасць прэдыкатаў, якія абазначаюць сітуацыі ўтварэння раслінай новых частак, гэта значыць рост расліны ў дадзеным выпадку прадстаўляецца не проста як павелічэнне памераў, аб'ёму, а як змена самой структуры расліны, яе трансфармацыя. У найбольш абагульненым выглядзе ідэю развіцця раслінай пэўных частак зноў жа перадаюць дзеясловы *расці, ісці, гнаць, пускаць; rást', hnať, vyháňať, pušťať, vupušťať*. Гэтыя дзеясловы патрабуюць абавязковага ўказання на паверхнева-сінтаксічным узроўні назвы той часткі, якую ўтварае расліна (*расці ў націну, выпускаць карані* і г. д.). Дзеясловы тыпу *каласіцца, стручкавацца, стралкавацца* і падобныя цалкам інкарпаруюць сему 'частка расліны' і выражаюць яе на марфемным узроўні (параўн.: *каласіцца* 'выпускаць колас', *стручкавацца* 'ісці ў струкі', *стралкавацца* 'ісці ў стрэлкі').

Па аналогіі з дзеясловам *буяць*, пры азначэнні якога размяжоўваюцца лексіка-семантычныя варыянты з семантыкай інтэнсіўнага росту і росту як змены марфалагічнай структуры (*буяць* '1. Бурна расці, пышна красаваць; 2. Расці ў націну (пра бульбу, памідоры і пад.), разрастацца на шкоду плоданашэнню'), мы размяжоўваем выпадкі выкарыстання дзеясловаў *расці, ісці, гнаць* у спалучэннях тыпу *расці ўвесь, ісці ў рост, гнаць у рост* (дзе прадстаўлены найперш працэс колькасных змяненняў) і ў спалучэннях тыпу *расці ў клубень, ісці ў струкі, гнаць у ствол* (дзе прадстаўлены працэс змены структуры расліны). На нашу думку, тут адбываецца рэалізацыя двух розных ЛСВ дзеясловаў *расці, ісці, гнаць*.

Акрамя таго, у межах дадзенай семантычнай мадэлі мы разглядаем толькі тыя дзеясловы, якія прадстаўляюць сітуацыю фарміравання раслінай новых частак менавіта як трансфармацыю самой расліны, але трэба адзначыць, што гэтая ж сітуацыя можа асэнсоўвацца як працэс узнікнення часткі (адносна самастойнай адзінкі ў межах расліны) або часам як трансфармацыя прамежкавай, зародкавай

часткі (пупышак, бутонаў і пад.) у новую: *ліна распусцілася, ліна распусціла пупышкі, ліна распусціла лісточкі, на ліне распусціліся пупышкі, на ліне распусціліся лісточкі, ліна аблісцела*. Такая вялікая колькасць варыянтаў для адлюстравання ў мове адной і той жа сітуацыі падштурхоўвае нас да думкі, што частка расліны мае неадназначнае асэнсаванне чалавекам, можа аддзяляцца свядомасцю ад цэлага арганізма як адносна аўтаномнае ўтварэнне, не пазбаўленае ўласнага функцыянавання і ўласных законаў развіцця.

Беларускія дзеясловы *стаўбунец, стралкавацца, стручкавацца* не маюць аднаслоўных дзеяслоўных адпаведнікаў у славацкай мове і складаюць спецыфіку беларускай мовы. У сваю чаргу, славацкая мова вылучаецца на фоне беларускай такімі дзеясловамі, як *ри́сат, вури́сат* і пад., напрыклад, *ри́сат* ‘(пра расліны) утвараць пупышкі або бутоны’: *v́rba rísít; rúže budú rísát*. У беларускай мове працэс развіцця пупышак і бутонаў прадстаўляецца з дапамогай іншай канструкцыі, дзе ў аснову пакладзена менавіта развіццё часткі: *на вярбе брыняюць (набухаюць) пупышкі, на ружы развіваюцца (з’яўляюцца) бутоны*. Акрамя таго, беларускай мове не вядомы дзеяслоў, аналагічны славацкаму *porastať* ‘прарастаць у колаце (пра злак)’.

Вылучэння ў асобную падгрупу заслугоўвае беларускі дзеяслоў *аблісцець* ‘пакрыцца лісцем’, які сумяшчае семантыку змянення якасных марфалагічных уласцівасцей расліны з семантыкай пакрыцця. У якасці семантычна найбольш блізкіх славацкіх канструкцый можна разглядаць наступныя: *vuhnať listie, rozpustiť sa do listov*. Аднак ні адна з іх не мае семантыкі пакрыцця. У сваю чаргу, канструкцыя *pokryť sa listím* не валодае семантыкай змянення структуры, трансфармацыі (параўн.: *breza sa pokrýla listím, zem sa pokrýla listím*).

Асобная група дзеясловаў адлюстроўвае працэс змены функцыянальнага стану расліны (*чэзнуць, чахнуць, марнець; zaškrieti*). Нярэдка змены ў функцыянаванні раслін вядуць да змен іх фізічных уласцівасцей, што перададзена ў семантыцы такіх дзеясловаў, як *засмягнуць, засмагнуць, вянуць, сохнуць, свяжэць; vädnuť, zvädať*. Могуць змяняцца і колеравыя ўласцівасці: *жаўцець, жоўкнуць, збякнуць, зблекнуць, жухнуць, палавець, зелянець; rozzeleňat’ sa*.

Урэшце, асобныя дзеясловы адлюстроўваюць якасныя або колькасна-якасныя змяненні не цэлай расліны, а яе частак, тканак (*дэравянец, дэзвянец, адраўнец, налівацца; drevnatieť, dužnatieť, zdužnatieť, zošťavnatieť, uhniličiť (sa), zhniličkovatieť, mučnatieť, nabrznuť*). Унутраныя пераўтварэнні ў тканцы раслін лепш адлюстраваны ў семантыцы славацкіх грамінальных дзеясловаў, пра што сведчыць наяўнасць у славацкай мове лексем *dužnatieť, mučnatieť, zošťavnatieť, uhniličiť (sa)*, аднаслоўных дзеяслоўных адпаведнікаў для якіх няма ў беларускай мове: *dužnatieť* ‘станавіцца мясістым’, *mučnatieť* ‘станавіцца мучністым’, *zošťavnatieť* ‘стаць сакавітым’, *uhniličiť (sa)* ‘стаць мяккім і падгніўшым, стаць гнілушкай (пра грушу)’.

Адзінкавыя ўласна-грамінальныя дзеясловы прадстаўляюць змену раслінай фізіялагічнай уласцівасці: *splaniet’* ‘стаць неўраджайным, неўрадлівым (пра расліны, глебу)’, *zjaloviet’* ‘(пра расліны) стаць неўраджайным, перастаць радзіць’, *rozrodiť sa* ‘пачаць (добра) пладанасіць; пастаянна даваць ураджай’.

Дзеясловы руху і становішча складаюць асобны семантычны падклас працэсуальных дзеясловаў і называюць працэсы, звязаныя з ненаўмысным рухам жывых партыцыпантаў, або рух і становішча нежывога партыцыпанта. Калі казаць пра рух раслінных партыцыпантаў, то тут можна выявіць дзве асноўныя сітуацыі: 1) расліна займае пэўнае прасторавае становішча або змяняе яго пад уздзеяннем пэўных прыродных сіл ці ўласнай вагі; 2) расліна расце, павялічваецца і ў працэсе росту займае пэўнае прасторавае становішча або змяняе яго адносна іншых прадметаў, пранікае на новыя месцы, тэрыторыі. Дзеясловы першай групы (напрыклад, *вылягаць, гнуцца, змяцца, утаўчыся, развесіцца, слацца; poľahnúť, stlať sa*) перадаюць ідэю руху і становішча расліннага партыцыпанта ў чыстым выглядзе. Дзеясловы другой групы (напрыклад, *расці, віцца, абвіваць, урастаць, цягнуцца, паўзці; rást, vkoreňovať sa, popínať sa*) семантычна больш складаныя. Перамяшчэнне расліны ў выніку росту мае свае асаблівасці, галоўнай з якіх з’яўляецца адносна нізкі тэмп, што робіць гэтае перамяшчэнне заўважным толькі ў вялікім часавым прамежку. Таму асноўным паказальнікам такога перамяшчэння з’яўляецца яго вынік – з’яўленне расліны або яе частак там, дзе іх не было раней. Адметнасцямі гэтых дзеясловаў, якія дазваляюць разглядаць іх у якасці дзеясловаў руху і становішча, могуць выступаць іх спалучальнасць са словамі ў функцыі дырэктыва, прыслоўямі, што характарызуюць напрамкі, адлегласці, здольнасць утвараць карэляцыйныя пары, тыпу *расці – дарасці (да), цягнуцца – дацягнуцца (да), віцца – давіцца (да)* і пад. (напрыклад, *сасна ўрасла глыбока ў скалу, вінаград давіўся да верху апоры, бярозка цягнецца да сонца*).

Некаторыя ўласна-грамінальныя дзеясловы можна разглядаць у якасці каўзатывных дзеясловаў (назваюць працэсы, выкліканыя каўзатарам, які найчасцей з’яўляецца назвай прыроднай стыхіі, пэўнай

нежывой рэчы або сітуацыі, што матывуюць рэалізацыю працэсу). У прыватнасці, да каўзатыўных мы можам аднесці дзеясловы *глушыць, абаджгаць, наджгаць, стрыкаць, сцябаць, апяліць; zadúšať, opeliť*. Дзеясловы, якія прадстаўляюць дадзеную групу, маюць даволі цікавую семантыку. Дзякуючы іх транзітыўнаму характару, расліна прадстаўляецца не як носьбіт пэўнага функцыянальнага стану ці пэўных мадыфікацый сваёй структуры і якасцей, а як актыўны ўдзельнік сітуацыі, які аказвае негатыўнае ўздзеянне на іншых удзельніках, хаця гэта ўздзеянне ў экстралінгвістычнай рэчаіснасці мае хутчэй не прамы, а ўскосны характар. Сама расліна не можа ажыццяўляць усвядомлення дзеянні, аднак кантакт з некаторымі раслінамі або знаходжанне ў суседстве з імі можа аказваць адмоўны эфект на іншых удзельніках сітуацыі (запавольванне росту або адміранне іншых раслін, непрыемныя адчуванні, апёкі ў жывёл і людзей). У выпадку дзеясловаў *глушыць, zadúšať* фактычна мы маем справу са сцёртымі метафарамі (асабліва метафарычны характар адчуваецца ў славацкага дзеяслова, дзе грамінальны ЛСВ, відавочна, развіўся на базе намінацыўнага значэння 'не даваць дыхаць, перашкаджаць дыханню, душыць'). Што тычыцца грамінальнага ЛСВ дзеяслова *глушыць*, то адказаць адназначна, які з ЛСВ лёг у яго аснову, не так проста. Гэта можа быць ЛСВ 'моцным ударам аглушаць, пазбаўляць прытомнасці' або 'рабіць нячутным, заглушаць'. Другі варыянт мае права на існаванне, бо ў некаторых беларускіх гаворках дзеяслоў гучання *гусці* мае адно са значэнняў 'вельмі шпарка расці, буць'.

Рэалізацыйныя працэсуальныя прэдыкаты абазначаюць працэсы, якія адбываюцца без волі іх удзельнікаў і нейкім чынам гэтых удзельнікаў закранаюць, напрыклад, *абнасеніць, абсемяніць*. Семантычна названыя дзеясловы блізкія да дзеясловаў фізіялагічных працэсаў (параўн., *абнасьеньвацца, абсемяняцца*), аднак у дадзеным выпадку вынік фізіялагічнага працэсу расліны не абмяжоўваецца самай раслінай, а закранае і іншага ўдзельніка сітуацыі, пра што сведчыць транзітыўны характар гэтых дзеясловаў: напрыклад, *сасонкі абсемянілі ўсё поле*. Сюды ж можна аднесці пераходныя дзеясловы *абвіць, увіць*. Як бачым, усе названыя дзеясловы ўтрымліваюць семантыку пакрыцця (фактычна дзеясловы гэтай групы адлюстроўваюць сітуацыю, калі ў выніку росту або жыццядзейнасці раслін міжволі рэалізуецца працэс пакрыцця іншых аб'ектаў або самой раслінай, або яе часткамі).

Нязначная частка ўласна-грамінальных дзеясловаў – дзеясловы статычныя. Звычайна яны адказваюць на пытанне: «Які або ў якіх адносінах, дзе, калі, чый ёсць партыцыпant X (статуал)?» і характарызуюцца адсутнасцю акцыянальнасці, падзейнасці, а іх агульным карэлятам з'яўляецца дзеяслоў *быць* [9, с. 19]. Статычныя грамінальныя дзеясловы ў пераважнай большасці грунтуюцца на працэсуальных дзеясловах (з'яўляюцца адной з кантэкстуальных рэалізацый першасна працэсуальных дзеясловаў). Таму далей мы пералічым толькі тыя грамінальныя дзеясловы, якія вельмі часта выступаюць у якасці статычных. Сярод статычных грамінальных дзеясловаў мы можам вылучыць наступныя семантычныя падкласы:

- класіфікацыйныя дзеясловы суадносяць носьбіта класіфікацыі з пэўным класам, тыпам, нярэдка маюць сінанімічныя выразы тыпу *быць кімсьці/чымсьці, належаць да ліку кагосьці/чагосьці*. Да ліку класіфікацыйных можна аднесці дзеясловы *віцца (быць вітковай раслінай), сцяліцца (быць сцелістай раслінай), цвісці (быць кветкавай раслінай), sporulovať (byť sporofytom), porínať sa (byť porínavou rastlinou)*, напрыклад, *ліяны ўюцца (≈ ліяны вітковыя расліны), папараці не цвітуць (≈ папараці не з'яўляюцца кветкавымі раслінамі)*;

- кваліфікацыйныя дзеясловы называюць якасныя характарыстыкі носьбіта кваліфікацыі, нярэдка маюць сінанімічныя выразы тыпу *быць якім*: напрыклад, *стрыкацца, радзіць, радзіцца, пладанасіць; rodiť, rodiť sa, syrať* і пад.: напрыклад, *гэта яблыня не родзіць/не пладаносіць, крапіва стрыкаецца*;

- лакалізацыйныя дзеясловы выражаюць прасторавае размяшчэнне статуала, яго лакалізацыю, прычым гэта значэнне можа пашырацца праз адначасовае ўказанне на форму, прасторавую скіраванасць і падобныя характарыстыкі статуала: *расці, слацца, віцца, абіваць, увіваць, цягнуцца, паўзці, купчасціцца, развешвацца, зелянець, зелянецца; rást', porínať sa* і пад.: напрыклад, *за акном расце/купчасціцца/зелянее некалькі дубоў, вакол слупа ўецца вінаград*.

- кампаратыўныя дзеясловы выражаюць рознага плану параўнанне асобных аб'ектаў, іх эквівалентнасць, блізкасць і пад. Да кампаратыўных грамінальных дзеясловаў мы можам аднесці толькі дзеяслоў *перарасці*, які мае семантыку 'адна расліна пераўзыходзіць іншую сваім ростам, памерам', напрыклад, *маладая сасна перарасла старую (≈ маладая сасна вышэйшая за старую)*.

Асобна неабходна заўважыць, што мы не вылучалі групу здольнасных статычных дзеясловаў, якія абазначаюць элементарныя фізіялагічныя здольнасці (напрыклад, *цвісці, семяніцца* і пад.), бо катэгарызацыя дадзеных дзеясловаў цалкам залежыць ад кантэксту. Таксама падчас нашага разгляду мы толькі абмежавана прыцягвалі матэрыял так званых ўласна-грамінальных дзеясловаў часткі (тыпу *брыняць, спець, завязвацца*), якія размяркоўваюцца па тых самых групах, што і грамінальныя дзеясловы са спецыялізацыяй да назваў цэлых раслін.

Адрозненні ў адлюстраванні анталагічных уласцівасцей раслін. Калі параўноўваць, у якой ступені тыя ці іншыя тыпавыя сітуацыі прадстаўлены ў беларускай і славацкай мовах, варта падзяліцца наступнымі назіраннямі. Частку разыходжанняў паміж сістэмамі беларускіх і славацкіх грамінальных дзеясловаў можна патлумачыць, відаць, не столькі рэальнымі моўнымі адрозненнямі, колькі рознымі крытэрыямі адбору матэрыялу падчас складання беларускага і славацкага тлумачальных слоўнікаў, а таксама рознай ступенню адпаведнасці зафіксаваных у слоўнікавых артыкулах значэнняў слоў рэальнай моўнай практыцы. Як бы там ні было, пералічым некаторыя адрозненні, выяўленыя паміж сістэмамі грамінальных дзеясловаў у беларускай і славацкай мовах.

Найбольш цікавыя адрозненні назіраюцца сярод дзеясловаў фізіялагічных і мадыфікацыйных (фізіялагічна-мадыфікацыйных) працэсаў. У беларускай мове амаль адсутнічаюць дзеясловы з семантыкай ‘расліна паглынае рэчывы з навакольнага асяроддзя або вылучае рэчывы ў навакольнае асяроддзе’ (толькі дзеяслоў *смактаць*). У славацкай мове такую тыпавую семантыку маюць чатыры грамінальныя дзеясловы: *asimilovať* ‘прымаць вуглякіслы газ з паветра’, *transpirovať* ‘вылучаць ваду паверхняй цела, дыхаць паверхняй цела (асабліва пра расліны)’, *krvacať* ‘*krvácenie rastlín* – выпяканне соку пры надрэзанні ці пашкоджанні’, *medovať* ‘(пра расліны) вылучаць нектар’. У беларускай біялагічнай тэрміналогіі дзеясловы тыпу *асіміляваць* або *транспіраваць* таксама ўжываюцца. Аднак сфера выкарыстання гэтых дзеясловаў у славацкай мове не абмяжоўваецца навуковым стылем. Шырэйшай сферай выкарыстання, напэўна, і можна патлумачыць наяўнасць лексем *asimilovať* і *transpirovať* у тлумачальным слоўніку і адсутнасць у ім іх магчымых беларускіх эквівалентаў.

Цікавым падаецца і аб’ём лексічнага напаўнення мадэлі з тыпавой семантыкай ‘расліна знаходзіцца ў працэсе цвіцення’. У той час, калі тлумачальны слоўнік славацкай мовы фіксуе толькі адзін (без уліку іншых аднакарэнных дэрыватаў) дзеяслоў з такой семантыкай (*kvitnúť*), то слоўнік беларускай мовы – чатыры: *цвісці*, *квітнець*, *красаваць*, *гарэць*. Дзеяслоў *цвісці* стылістычна нейтральны і валодае шырокай спалучальнасцю, *квітнець* – стылістычна афарбаваны (паэтычны, узвышаны), дзеяслоў *красаваць* спалучаецца пераважна з назвамі акультураных злакаў, а дзеяслоў *гарэць* – са словамі агуркі, гарбузы, кабачкі і пад. Адметнасці ў спосабе цвіцення раслін выклікалі наяўнасць адмысловых лексем у беларускай мове (гэта пацвярджае нашы назіранні, што беларусы ўважлівей за славакаў ставяцца да знешніх праяў росту расліны). Паказальным нам падаецца і факт наяўнасці ў беларускай мове спецыяльных лексем для абазначэння дынамічных прыкмет злакавых раслін (*рунець*, *каласаваць*, *красаваць*). Відаць, гэта адбітак той вялізнай ролі, якую злакавыя расліны традыцыйна адыгрываюць у сельскай гаспадарцы беларусаў.

Па-рознаму ў беларускай і славацкай мовах прадстаўлена мадэль з тыпавой семантыкай ‘расліна знаходзіцца ў стане пэўнай хваробы’. Так, у беларускай мове намі зафіксавана наяўнасць дзеяслова *паршывець* ‘пакрыцца паршой’ (дзе парша ‘хвароба сельскагаспадарчых раслін, якая характарызуецца паверхневым паражэннем тканак’). У славацкай мове ў дзеяслоўнай семантыцы адлюстраваная здольнасць раслін хварэць на іншую хваробу (рак), пра што сведчыць наяўнасць дзеяслова *rakovatieť* ‘хварэць на рак (пра дрэвы)’. Цікавым падаецца тое, што пры ўсёй разнастайнасці хвароб, на якія могуць хварэць расліны, у семантыцы дзеясловаў у абедзвюх мовах адлюстраваныя толькі тыя з іх, якія ўласцівы пераважна садовым дрэвам.

Розным аб’ёмам лексічнага напаўнення вызначаецца мадэль з тыпавой семантыкай ‘расліна знаходзіцца ў працэсе актыўнага росту і станаўлення (набыцця) формы’. У той час як славацкая мова валодае трыма асноўнымі грамінальнымі дзеясловамі для перадачы названай семантыкі (без уліку іншых аднакарэнных дэрыватаў), а іменна *roзра́st sa* (*разрасціся*), *rozkonáriť sa* і *rozkošatiť sa* (*стаць разгалістым*), у беларускай мове ёсць цэлы шэраг лексем, якія перадаюць самыя разнастайныя адценні асноўнага значэння: *разрастацца*, *гусціцца*, *разгаціцца*, *бучнець*, *раскашавацца*, *купчасціцца*, *лапушыцца*, *кусціцца*. Названыя адрозненні яшчэ раз сведчаць, што для беларускай мовы ўласціва большая дэталізацыя знешніх дынамічных прымет расліны, чым для славацкай. У семантыцы беларускіх грамінальных дзеясловаў нюансіроўка знешніх дынамічных прымет расліны больш глыбокая.

У беларускай мове няма мадэлі з семантыкай ‘расліна знаходзіцца ў працэсе якасных пераўтварэнняў у сваёй будове, фарміравання пупышак’. У славацкай мове такую семантыку перадаюць грамінальныя дзеясловы *ри́сці*, *ри́сіť* і іншыя ўтвораныя ад іх лексем. У беларускай мове для адлюстравання працэсу ўтварэння пупышак выкарыстоўваецца іншая мадэль, а іменна мадэль для ўласна-грамінальных дзеясловаў часткі з тыпавой семантыкай ‘зерне, пупышкі знаходзяцца ў стане павелічэння ўласнага аб’ёму перад прарастаннем, далейшым развіццём’ (прэдыкаты *брыняць*, *набухаць*). На практыцы такое адрозненне ў мадэлях выяўляецца ў тым, што для славацкай мовы цалкам натуральнымі з’яўляюцца выказванні, накіраваныя на прарастанне, далейшае развіццё (напрыклад *ри́сіť v́rba* (*вярба ўтварае пупышкі*, *вярба пакрываецца пупышкамі*), у той час як для беларускай мовы характэрны выразы тыпу *на вярбе набрынялі пупышкі*, а спалучэнні **вярба брыняе*, **вярба набухае* скажаюць энс выказвання.

Падобная сітуацыя характэрна і для мадэлі з семантыкай 'расліна знаходзіцца ў працэсе якасных пераўтварэнняў у сваёй будове, фарміравання плоду'. Тут назіраецца адваротны выпадак: у славацкай мове гэта мадэль не рэпрэзентавана, у той час як беларуская мова ведае лексемы *завязваць* і *стручкавацца* (*вішні завязалі завязь, гарох стручкуецца*). Аднак у беларускай мове, як і ў славацкай, працэс утварэння плода часцей перадаецца пры дапамозе мадэлі з тыпавай семантыкай 'плод расліны знаходзіцца ў працэсе свайго ўтварэння, узнікнення': *на яблыні завязаліся маленькія яблычкі; plody sa zaviazali*. Такім чынам, адлюстраванне працэсу ўзнікнення плода ў беларускай мове можа перадавацца з дапамогай дзвюх мадэлей, а ў славацкай толькі адной, прычым у славацкай мове акцэнтуюцца непасрэдна факт утварэння плода, а ў беларускай мове можа акцэнтавацца або факт утварэння плода, або змены ў марфалагічнай будове расліны.

Розны аб'ём лексічнага напаўнення ў дзвюх мовах характэрны і для мадэлі з семантыкай 'расліна знаходзіцца ў працэсе якасных пераўтварэнняў у сваёй будове, фарміравання кветаноснага сцябла (з суквеццем)'. Як у беларускай, так і ў славацкай мове ёсць грамінальныя дзеясловы, якія абазначаюць названы працэс у злакаў (*каласаваць, выкідаць; vyklasiť (sa), metať* і інш.). Спецыфіка беларускай мовы праяўляецца ў наяўнасці дзеясловаў з аналагічнай семантыкай, што спецыялізуецца да назваў некаторых іншых раслін, якія актыўна культывуюцца ў сельскай гаспадарцы, напрыклад, *стралкавацца* (пераважна пра рэпу, рэдзьку, радыску), *стаўбунець* (пераважна пра клубневые расліны, цыбулю).

Не прадстаўлена ў беларускай мове і мадэль з семантыкай 'расліна змяняе здольнасць да пладана-шэння'. У славацкай мове сказы з такой семантыкай арганізуюць вакол сябе дзеяслоўныя прэдыкаты (*z)jaloviet'* '(пра расліны) стаць бясплодным, няродзячым', (*s)planiet'* 'стаць бясплодным, неўрадлівым (пра расліны, глебу)', *rozrodit' sa* 'пачаць (добра) пладанаціць; пастаянна даваць ураджай'.

У славацкай мове большая колькасць дзеясловаў, якія рэпрэзентуюць мадэль з тыпавай семантыкай 'тканка расліны (яе часткі) знаходзіцца ў працэсе якасных пераўтварэнняў, у выніку якіх яна набывае новыя фізічныя ўласцівасці'. Няма беларускіх аднаслоўных адпаведнікаў для славацкіх дзеясловаў *dužnatieť, mičnatieť, zošťavnatieť, uhniličitiť (sa): dužnatieť* 'станавіцца мясістым', *mičnatieť* 'станавіцца мучністым', *zošťavnatieť* 'стаць сакавітым/наліцца сокам', *uhniličitiť (sa)* 'стаць мяккім і падгніўшым, стаць гнілушкай' (пра грушу). У беларускай мове намі зафіксаваны адзінкавыя дзеясловы з такой семантыкай (*дзервянець, дзервянець, адраўнець*).

Яшчэ адно разыходжанне паміж сістэмамі ўласна-грамінальных дзеясловаў у беларускай і славацкай мовах выражаецца ў адсутнасці сярод славацкіх грамінальных дзеясловаў такіх, якія б мелі семантыку 'расліна ўздзейнічае на жывую істоту'. У беларускай мове такое значэнне перадаюць дзеясловы *стрыкаць* і *наджгаць*.

Намí былі пералічаны асноўныя, найбольш відавочныя адрозненні паміж сістэмай беларускіх і славацкіх уласна-грамінальных дзеясловаў. Зразумела, што прыватных выпадкаў несупадзення значна больш, але ў дадзенай працы нам хацелася паказаць толькі тыя, якія істотна ўплываюць на ступень і характар лексічнай прадстаўленасці той або іншай семантычнай мадэлі сказаў з грамінальнымі прэдыкатамі. Супастаўляльны аналіз паказвае, што беларускія ўласна-грамінальныя дзеясловы больш дэталёва адлюстроўваюць знешнія, пачуццёва ўспрымальныя дынамічныя прыметы раслін, славацкія ж уласна-грамінальныя дзеясловы, валодаючы параўнальна невялікай, але дастатковай колькасцю лексем для абазначэння знешніх дынамічных прымет расліны, значна лепш адлюстроўваюць фізіялагічныя, не заўсёды відавочныя працэсы і ўласцівасці раслін. Гэта, у сваю чаргу, можа сведчыць пра больш глыбокую ступень асэнсавання расліны як жывога арганізма ў дзеяслоўнай семантыцы славацкай мовы і больш павярхоўнае, заснаванае на знешніх, непасрэдна ўспрымальных прыметах, асэнсаванне расліны ў дзеяслоўнай семантыцы беларускай мовы (славацкі матэрыял дае падставы казаць пра больш рацыянальнае, разумовае ўспрыманне расліны, беларускі – пра вобразнае).

Расліны, адлюстраваныя ў дзеяслоўнай семантыцы. Калі казаць пра дыстрыбуцыйныя ўласцівасці грамінальных дзеясловаў, то неабходна нагадаць, што дзеясловы вузкай дэнататыўнай аднесенасці валодаюць неаднолькавай ступенню спалучальнасці і могуць спецыялізавацца да родавых, відавых або індывідуальных імёнаў-актантаў. Аналіз спалучальнасці ўласна-грамінальных дзеясловаў паказвае, што ў большасці яны спецыялізуюцца да родавых назваў-актантаў, гэта значыць валодаюць даволі шырокімі спалучальнымі магчымасцямі, і пазіцыю суб'екта пры іх можа займаць назва практычна любой расліны. Відавочна абмежаванні на спалучальнасць сустракаюцца ва ўласна-грамінальных дзеясловаў радзей. Прычым пад відавочнымі абмежаваннямі мы разумеем здольнасць дзеясловаў спалучацца не з назвамі раслін, якія належаць да аднаго пэўнага біялагічнага віду, а з назвамі раслін, аб'яднаных наяўнасцю пэўнай агульнай прыметы. Строгая біялагічная класіфікацыя раслін для мовы не рэлевантная. Для яе больш істотнымі аказваюцца такія прыметы расліны, як яе марфалагічная будова (трава, куст, дрэва або травяністыя, куста- і дрэвападобныя расліны), спосабы

росту (вітковыя расліны, сцелістыя і інш.) і размнажэння (кветкавыя расліны, спарафіты і г. д.), ступень пашыранасці ў сельскай гаспадарцы, акультуранасць (злакі, памідоры, цыбуля, садовыя дрэвы і г. д.) і некаторыя інш. Уласна-грамінальных дзеясловаў з індывідуальнымі спалучальнымі абмежаваннямі намі фактычна не выяўлена (рэдка выключэнні: *стрыкаць* (пра крапіву); *uhnilič' sa* (пра грушы) і некаторыя інш.). Такую малую колькасць дзеясловаў з індывідуальнымі спалучальнымі абмежаваннямі, відаць, можна патлумачыць нізкай ступенню індывідуалізацыі саміх раслін, невялікай колькасцю адрозненняў паміж расліннымі арганізмамі. Як адзначаў Ю. С. Сцяпанаў, разважаючы пра імёны раслін, «адсутнасць і нават немагчымасць індывідуалізацыі з дакладнасцю да асобіны ў гэтай групе адпавядае аб'ектыўным асаблівасцям сістэматыкі раслін» [16, с. 79]. З гэтага вынікае, што стварэнне дакладнай сінтагматычнай класіфікацыі грамінальных дзеясловаў на аснове біялагічнага прынцыпу (гэта значыць, з улікам відавочнай біялагічнай прыналежнасці тых раслін, інфармацыя пра якія захоўваецца ў дзеяслоўнай семантыцы) фактычна немагчымае.

Заклучэнне

Аналіз дзеясловаў з прадметнай семай 'расліна' ў беларускай і славацкай мовах паказаў, што ў дзеяслоўнай семантыцы расліны могуць асэнсоўвацца або як жывыя арганізмы, здольныя развівацца, відазмяняцца, або як аб'екты знешняга ўздзеяння (пераважна з боку чалавека) ці аб'екты для параўнання (толькі ў беларускай мове), як самастойны або несамастойны сродак змянення аб'ектаў навакольнага асяроддзя. Семантычная класіфікацыя суб'ектна-грамінальных дзеясловаў сведчыць, што ў большасці гэта дзеясловы працэсуальныя, значна менш дзеясловы статычных, а акцыянальныя дзеясловы ўвогуле не прадстаўлены, паколькі расліны няздольныя да ўсвядомленых дзеянняў. Самымі буйнымі семантычнымі падкласамі з'яўляюцца наступныя: 1) дзеясловы фізіялагічных працэсаў і мадыфікацыйных (фізіялагічна-мадыфікацыйных) дзеясловы, якія адлюстроўваюць фізіялагічны бок жыцця раслін і іх трансфармацыі (колькасныя, якасныя, колькасна-якасныя); 2) экзістэнцыйныя, якія перадаюць факт існавання раслін, іх узнікнення або знікнення (смерці); 3) дзеясловы функцыянавання, якія адлюстроўваюць працэс функцыянавання расліны як жывога арганізма; 4) дзеясловы руху і становішча, якія паказваюць здольнасць раслін да перамяшчэння ў прасторы ў выніку росту або пад уздзеяннем прыродных сіл; 5) лакалізацыйныя дзеясловы, якія перадаюць факт знаходжання расліны на пэўным месцы. Большасць суб'ектна-грамінальных дзеясловаў спалучаецца з імёнамі-назвамі раслін увогуле або з назвамі адносна шырокага кола раслін, аб'яднаных наяўнасцю пэўнай агульнай прыметы (агульнасць марфалагічнай будовы, спосабу росту і размнажэння) або пашыраных у сельскагаспадарчай дзейнасці чалавека. Супастаўляльны элемент даследавання дазволіў выявіць, што, нягледзячы на агульнае падабенства сістэмы грамінальных дзеясловаў у беларускай і славацкай мовах, існуюць пэўныя рысы, якія гэтыя сістэмы адрозніваюць. Адрозненні могуць мець наступны характар: 1) у адной мове адсутнічаюць дзеясловы, семантычна тоесныя грамінальным дзеясловам іншай мовы, што абумоўлена рознай ступенню актуальнасці, важнасці пэўнага біялагічнага віду для канкрэтнага моўнага калектыву або рознай ступенню акцэнтualізацыі пэўных дынамічных прымет раслінных арганізмаў носбітамі канкрэтнай мовы; 2) у беларускай і славацкай мовах не супадае семантычны аб'ём асобных грамінальных дзеясловаў, якія валодаюць агульнай тыповой семантыкай, што выяўляецца ў розных (больш шырокіх або больш вузкіх) сінтагматычных уласцівасцях.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Гайсина Р.С. К семантической типологии глаголов русского языка. В: Кузнецова ЭВ, редактор. *Семантические классы русских глаголов*. Свердловск: Издательство УрГУ; 1982. с. 15–21.
2. Бацевич Ф.С. Функционально-ономасиологическое исследование глагольной лексики. В: Бацевич Ф.С., Космеда Т.А. *Очерки по функциональной лексикологии*. Львов: Світ; 1997. с. 6–208.
3. Плотникова А.М. Глаголы с включенной актантной рамкой. В: Бабенко Л.Г., редактор. *Русская глагольная лексика: пересеканность парадигм: памяти Э. В. Кузнецовой*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета; 1997. с. 45–68.
4. Михайлова О.А. К вопросу об изучении глаголов с предметными семами. В: Кузнецова ЭВ, редактор. *Проблемы глагольной семантики*. Свердловск: Издательство УрГУ; 1984. с. 64–71.
5. Важник С.А. *Контрастыўны сінтаксіс польскай і беларускай моў: семантыка і дыстрыбуцыя дзеяслоўнага прэдыката*. Мінск: Права і эканоміка; 2008. 492 с.
6. Sokolová M. *Sémantika slovesa a slovesný rod*. Bratislava: Veda; 1993. 110 s.
7. Sokolová M. *Kapitolky zo slovenskej morfológie*. Prešov: Slovacontact; 1995. 180 s.
8. Nižníková J, Sokolová M. *Valenčný slovník slovenských slovies*. Prešov: Slovacontact; 1998.
9. Ivanová M, Sokolová M, Kyseľová M, Perovská V. *Valenčný slovník slovenských slovies na korpusovom základe*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove; 2014. 534 s.

10. Бабенко ЛГ, редактор. *Русские глагольные предложения: экспериментальный синтаксический словарь*. Москва: Флинта; 2002. 463 с.
11. Ганжа РС. Изучение глагольной семантики. *Русский язык в школе*. 1970;4:33–39.
12. Рааго ПА. Дзеясловы з прадметнай семай 'расліна' ў беларускай мове. *Веснік БДУ. Серыя 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка*. 2010;2:33–36.
13. Плотникова АМ. Денотативно-референциональное пространство русского глагола. В: Бабенко ЛГ, редактор. *Русская глагольная лексика: денотативное пространство*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета; 1999. с. 99–139.
14. Рааго ПА. Жывёльны свет і яго рэцэпцыя ў сістэме беларускай і славацкай дзеяслоўнай лексікі. У: Лукашанец АА, рэдактар. *Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка: XVI Міжнародны з'езд славістаў (Бялград, 19–27 жніўня 2018 г.): даклады беларускай дэлегацыі*. Мінск: Беларуская навука; 2018. с. 148–160.
15. Вежбицкая А. *Язык. Культура. Познание*. Москва: Русские словари; 1996.
16. Степанов ЮС. *Имена. Предикаты. Предложения (семиологическая грамматика)*. 3-е издание. Москва: URSS; 2004. 360 с.

References

1. Gaisina RS. [Revisiting the semantic typology of Russian verbs]. In: Kuznetsova EV, editor. *Semanticheskie klassy russkikh glagolov* [Semantic classes of Russian verbs]. Sverdlovsk: Publishing House of the Ural State University; 1982. p. 15–21. Russian.
2. Batsevich FS. [Functional onomasiological study of verbs]. In: Batsevich FS, Kosmeda TA. *Ocherki po funktsional'noi leksikologii* [Essays on functional lexicology]. Lviv: Svit; 1997. p. 6–208. Russian.
3. Plotnikova AM. [Verbs with included actant frame]. In: Babenko LG, editor. *Russkaya glagol'naya leksika: peresekaemost' paradigm: pamyati E. V. Kuznetsovoi* [Russian verbs: the intersection of paradigms: in memory of E. V. Kuznetsova]. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University; 1997. p. 45–68. Russian.
4. Mikhailova OA. [Revisiting the Study of verbs with subject semes]. In: Kuznetsova EV, editor. *Problemy glagol'noi semantiki* [Problems of verbal semantics]. Sverdlovsk: Publishing House of the Ural State University; 1984. p. 64–71. Russian.
5. Vazhnik SA. *Kantrastywny syntaksis pol'skaj i belaruskaj mow: semantyka i dystrybutsyja dzejaslovnaga predykata* [Contrastive syntax of the Polish and Belarusian languages: semantics and distribution of the verbal predicate]. Minsk: Prava i ekanomika; 2008. 492 p. Belarusian.
6. Sokolová M. *Sémantika slovesa a slovesný rod*. Bratislava: Veda; 1993. 110 s. Slovak.
7. Sokolová M. *Kapitolky zo slovenskej morfológie*. Prešov: Slovacontact; 1995. 180 s. Slovak.
8. Nižníková J, Sokolová M. *Valenčný slovník slovenských slovies*. Prešov: Slovacontact; 1998. 272 s. Slovak.
9. Ivanová M, Sokolová M, Kyseľová M, Perovská V. *Valenčný slovník slovenských slovies na korpusovom základe*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove; 2014. 534 s. Slovak.
10. Babenko LG, editor. *Russkie glagol'nye predlozheniya: eksperimental'nyi sintaksicheskii slovar'* [Russian verbal sentences: experimental syntactic dictionary]. Moscow: Flinta; 2002. 463 p. Russian.
11. Ganzha RS. [The study of verbal semantics]. *Russkii yazyk v shkole*. 1970;4:33–39. Russian.
12. Raago PA. [Verbs with the subject seme 'a plant' in Belarusian language]. *Vesnik BDU. Seriya 4, Filalogiya. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 2010;2:33–36. Belarusian.
13. Plotnikova AM. [Denotative and reference volume of the Russian verb]. In: Babenko LG, editor. *Russkaya glagol'naya leksika: denotativnoe prostranstvo* [Russian verbs: denotative volume]. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University; 1999. p. 99–139. Russian.
14. Raago PA. [The animal world and its reflection in the system of the Belarusian and Slovak verbs]. In: Lukashanets AA, editor. *Movaznawstva. Litaraturaznawstva. Fal'klarystyka: XVI Mizhnarodny z'ezd slawistaw (Bjalgrad, 19–27 zhniwnja 2018 g.): daklady belaruskaj delegacyi* [Linguistics. Literature studies. Folklore studies: XVI International congress of slavists: reports of the Belarusian delegation]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2018. p. 148–160. Belarusian.
15. Wierzbicka A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow: Russkie slovary; 1996. 416 p. Russian.
16. Stepanov YuS. *Imena. Predikaty. Predlozheniya (semiologicheskaya grammatika)*. 3 izdanie [Names. Predicates. Sentences (a semiological grammar)]. 3rd edition]. Moscow: URSS; 2004. 360 p. Russian.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 23.05.2019.
Received by editorial board 23.05.2019.

УДК 811.161.1

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ПРОСТЫХ СТРУКТУРНЫХ ДЕРИВАТОВ – ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С РАЗЛИЧНЫМИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ЗНАЧЕНИЯМИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

А. И. КОВАЛЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается зависимость между основными типами словообразовательных значений (мутационным, модификационным, транспозиционным) и характером внутренней формы простых структурных дериватов – имен существительных русского языка. Выделены отдельные группы имен существительных с модификационным и транспозиционным словообразовательным значением, внутренней формой которых не являются слова, их мотивирующие. Уточняется вопрос о том, существует ли корреляция между такими характеристиками производного слова, как мотивированность и наличие внутренней формы. Определяется нефиксированная позиция внутренней формы слова в словообразовательном гнезде. Отмечено, что возможны случаи совпадения внутренних форм слова у дериватов, находящихся в отношениях последовательной мотивированности.

Ключевые слова: внутренняя форма слова; имя существительное; дериват; мотивированность; мутационное словообразовательное значение; модификационное словообразовательное значение; транспозиционное словообразовательное значение.

УНУТРАНАЯ ФОРМА ПРОСТЫХ СТРУКТУРНЫХ ДЭРЫВАТАЎ – НАЗОЎНІКАЎ З РОЗНЫМІ СЛОВАЎТВАРАЛЬНЫМІ ЗНАЧЭННЯМІ Ў РУСКАЙ МОВЕ

Г. І. КАВАЛЁВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разглядаецца залежнасць паміж асноўнымі тыпамі словаўтваральных значэнняў (мутацыйным, мадыфікацыйным, транспазіцыйным) і характарам унутранай формы простых структурных дэрыватаў – назоўнікаў рускай мовы. Вылучаны асобныя групы назоўнікаў з мадыфікацыйным і транспазіцыйным словаўтваральным значэннем, унутранай формай якіх не з’яўляюцца іх матывавальныя словы. Удакладняецца пытанне аб існаванні карэляцыі паміж такімі характарыстыкамі вытворнага слова, як матываванасць і наяўнасць унутранай формы. Вызначана нефіксаваная пазіцыя ўнутранай формы ў словаўтваральным гнездзе. Адзначана, што існуюць выпадкі супадзення ўнутраных форм слоў у дэрыватаў, звязаных адносінамі паслядоўнай матываванасці.

Ключавыя словы: унутраная форма слова; назоўнік; дэрыват; матываванасць; мутацыйнае словаўтваральнае значэнне; мадыфікацыйнае словаўтваральнае значэнне; транспазіцыйнае словаўтваральнае значэнне.

Образец цитирования:

Ковалева АИ. Внутренняя форма простых структурных дериватов – имен существительных с различными словообразовательными значениями в русском языке. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2019;2:70–76.

For citation:

Kovaleva AI. Inner form of noun morphological derivatives with different derivational meanings in Russian language. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2019;2:70–76. Russian.

Автор:

Анна Игоревна Ковалева – аспирантка кафедры русского языка филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор И. С. Ровдо.

Author:

Anna I. Kovaleva, postgraduate student at the department of Russian language, faculty of philology.
kowalowa_anna@mail.ru

INNER FORM OF NOUN MORPHOLOGICAL DERIVATIVES WITH DIFFERENT DERIVATIONAL MEANINGS IN RUSSIAN LANGUAGE

A. I. KOVALEVA^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The article is devoted to the problem of relation between types of derivational meaning (mutation, modification, transposition) of Russian derived nouns and inner form dimension. The groups of nouns with modification and transposition derivational meaning the inner form of which are not words motivating them are distinguished. The article clarifies the question of correlation between motivation and inner form of derivatives. It demonstrates that the inner form of derivatives following each other in derivational string could be the same. Non-fixed position of inner form of a word in derivational family is emphasized.

Keywords: inner form of a word; noun; derivative; motivation; mutation derivational meaning; modification derivational meaning; transpositional.

Внутренняя форма слова (далее – ВФ слова) представляет интерес для различных отраслей языкознания, в связи с чем в современной лингвистике не существует единого подхода к определению данного феномена. При рассмотрении ВФ слова с позиций синхронной дериватологии часто ставят знак равенства между мотивированностью слова и наличием у него ВФ, чему немало способствуют дефиниции ВФ, представленные в лингвистических словарях («семантическая или структурная соотнесенность составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка» [1, с. 72; 2, с. 85], «мотивировка лексического значения слова его словообразовательной и семантической структурой» [3, с. 61]), а также очевидная связь ВФ с деривационными процессами.

Отождествление ВФ слова и мотивированности превращает их в терминологические дублеты. Лингвисты предлагают различные пути преодоления такого рода дублетности. Н. В. Попович, называя ВФ частным случаем мотивированности, отмечает, что ВФ – не любая мотивированность, а «лишь образная основа значения, то есть достаточно конкретный образ, представление, с которым ассоциируется соответствующее слово и которое связывается с признаком предмета, наиболее рельефно воспринимавшимся в момент наименования» [4, с. 83]. По мнению О. П. Ермаковой и Е. А. Земской, понятие «мотивированность» содержит указание на принадлежность слова к той или иной части речи или семантической группе и работает на словообразовательную характеристику слова, в то время как ВФ вскрывает природу наименования и работает на ономаσιологический аспект слова [5, с. 518]. Как отмечает Е. С. Снитко [6, с. 40], одной из важнейших характеристик ВФ является ее апперцептивная природа, так как именно ВФ производных слов становится средством понимания говорящего слушающим, позволяя соотнести новую номинацию с другими, уже имеющимися в сознании индивида, установив смысловую связь между ними. ВФ слова обладает, в отличие от большинства лингвистических понятий (в том числе и мотивированности), психологической реальностью для носителей языка [7, с. 58] и дает ключ к пониманию одного объекта действительности через другой, заключая в себе признак, положенный в основу номинации. В связи с этим мы рассматриваем ВФ как наименование *A*, имеющее формальное выражение в структуре слова *B*, при этом связь между объектами/явлениями, именуемыми словом *A* и словом *B*, лежит в основе наименования *B* и осознается носителями языка на современном этапе его развития.

При попытке разграничения таких свойств производного слова, как наличие ВФ и мотивированность, возникает вопрос о том, какой именно компонент словообразовательного гнезда следует считать ВФ слова. Поскольку ВФ слова – тот элемент словообразовательного гнезда, который используется для объяснения наименования, а следовательно, в обязательном порядке в словообразовательной цепи предшествует слову, ВФ которого выявляется, на роль ВФ могут претендовать:

- 1) вершина словообразовательного гнезда;
- 2) непосредственно мотивирующее слово;
- 3) иной член словообразовательной цепи, не являющийся ни вершиной гнезда, ни мотивирующим для слова, ВФ которого выявляется.

Для определения того, какой из членов словообразовательной цепи следует считать ВФ слова, необходимо выявить, все ли мотивированные слова обладают ВФ, а если нет, то какие из них.

Под мотивированным словом понимают такое, значение и звучание которого обусловлено другим однокоренным словом [8, с. 131]. Это значит, что мотивирующее слово включается в мотивированное

материально и семантически и обязательно предшествует последнему в словообразовательной цепи, что напоминает отношения между ВФ слова и производным словом. Однако для ВФ слова, помимо семантической и структурной связи со словом, по отношению к которому она выявляется, облигаторным признаком следует считать ее объяснительную силу, представляющую собой то свойство ВФ, которое позволяет дифференцировать ее и мотивирующее слово. Вокруг ВФ слова всегда возможно построить номинативное суждение – такую «формулировку... в которой утверждается или отрицается что-то в отношении предмета, а также указывается, почему предмет так назван» [9, с. 32]. В то же время, поскольку богатство русских словообразовательных моделей позволяет именовать один и тот же денотат при помощи различных следующих друг за другом в деривационной цепи слов, которые мотивируют друг друга с точки зрения словообразования, при попытке объяснения такого рода наименований друг через друга происходит не толкование явления через другое явление, а лишь объяснение формальной связи слова со словом. В силу того что ВФ является связующим звеном не только между словами, но и между объектами/явлениями действительности, ВФ слова может являться не любое мотивирующее, а лишь такое, которое называет предмет/объект, отличный от того предмета/объекта, ВФ наименования которого выявляется.

Для дифференцирования ВФ слова и мотивирующего слова необходимо проанализировать семантику мотивированных слов, которая в наиболее общем виде представлена делением их словообразовательных значений на мутационное, модификационное и транспозиционное. Поскольку словообразовательное значение способно «классифицировать отражаемую в нем действительность, создавать стереотипы семантических классификаций, а также хранить в себе информацию, зафиксированную внутренней формой мотивирующего, соединяя в себе новый опыт со старым» [10, с. 118], некоторые лингвисты указывают на возможную зависимость между характером и наличием ВФ слова и тем словообразовательным значением, носителем которого является мотивированное слово [5]. Однако, поскольку данный вопрос в лингвистической литературе не рассматривается подробно, целью данной статьи является выявление корреляции между характером ВФ деривата и его словообразовательным значением. В связи с этим остановимся на рассмотрении типов словообразовательных значений подробнее.

Один из типов словообразовательных значений, реализуемый в простых дериватах, – **мутационное значение**. Мутационная деривация охватывает соотношения, при которых мотивированное слово отличается от мотивирующего тем, что обозначает совершенно иной феномен внешней действительности [11, с. 363], и не связана с обязательной переменной/сохранением части речи у мотивированного по сравнению с мотивирующим [12, с. 149]. Как отмечает Н. Д. Голев, «мутационный тип предполагает, что его реализация создает качественно новое лексическое понятие как вещественное ядро значения по сравнению с лексическим понятием, выражаемым мотивирующим словом. Последнее входит в первое в качестве частного видового признака» [13, с. 19].

Следовательно, если ВФ есть, по выражению А. А. Потебни, «образ образа», идейная основа наименования, получившая формальное выражение в структуре мотивированного слова и отразившая связь между различными явлениями действительности, одно из которых можно объяснить через другое, то отношения между дериватом с мутационным словообразовательным значением и его мотивирующим должны быть приняты за эталон отношений между словом и его ВФ. В парах *беляк* ('вид зайца, имеющего зимой мех белой окраски (в отличие от русака)' [14] – *белый*, *носилки* – *носить*, *богач* – *богатый*) коренной сдвиг в семантике деривата, который не может называть то же явление, что и его мотивирующее слово, позволяет объяснить мотивированное слово через мотивирующее посредством связи между их денотатами, следовательно, мотивирующее выступает не просто в качестве структурной опоры нового наименования, но и как ее идейная основа. Таким образом, у дериватов – имен существительных с мутационным словообразовательным значением наблюдается совпадение ВФ и мотивирующего в одном слове.

Слова с **модификационным** словообразовательным значением, помимо значения мотивирующего, включают в свою семантику дополнительный модифицирующий признак: иными словами, в их семантике присутствует некоторый компонент, которого нет в значении производящего. При этом мотивированное и мотивирующее слова принадлежат к одной части речи [8, с. 265].

К модификационным словообразовательным значениям существительных в русском языке относят следующие [8, с. 262–264; 12, с. 160]:

1) субъективно-оценочное:

- уменьшительности (*шумок*);
- уменьшительности/экспрессивности (*братишка*, *мяско*);
- ласкательности (*сынуля*, *реченька*);
- увеличительности (*рыбина*, *пылица*);

- 2) стилистической модификации (*бандюга, морозяка*);
- 3) подобия (*дымка, кожура*);
- 4) подчиненности – с частными значениями «подразделение, составная часть того, что названо мотивирующим словом»; «лицо, подчиненное тому, которое названо мотивирующим словом» (*подгруппа, подмастерье*);
- 5) «стоящий над тем, что названо мотивирующим словом, лицо, старшее по чину, должности по сравнению с лицом, названным мотивирующим словом» (*надсемейство, архиепископ*);
- 6) «второй по чину, по должности после лица, названного мотивирующим словом» (*проректор, вице-президент*);
- 7) дополнительности, побочности, вторичности того, что названо мотивирующим словом (*призвук, отголосок*);
- 8) отсутствия, противоположности тому, что названо мотивирующим словом (*неправда, беспорядок*);
- 9) противонаправленности (*антифашист, контрразведка*);
- 10) повторности (*ретрансляция, переследствие*);
- 11) пространственно-временные (*взгорбок, затакт*);
- 12) первоначальности, древности (*п्राязык, протозвезда*);
- 13) собирательности (*мошкара*);
- 14) единичности (*градина, мармеладка*);
- 15) женскости (*ткачиха, любимица*);
- 16) «самец животного» (*козел*);
- 17) невзрослости (*змееныш, поваренок*).

Как видно из конкретизированного списка модификационных значений, свойственных существительным русского языка, модификации свойствен широкий диапазон значений, что определяет неоднородность дериватов с точки зрения того, являются ли слова, их мотивирующие, их ВФ.

Из толкования основной массы дериватов с модификационными словообразовательными значениями ясно, что модификаты и мотивирующее их слова называют разные объекты действительности: *подмастерье* – ‘подручный мастера-ремесленника, выполняющий несложную работу’ – это не то же самое, что *мастер* – ‘квалифицированный работник, занимающийся каким-л. ремеслом’; *протозвезда* *звездой* не является, а представляет собой ‘небесное тело, из которого образуется звезда’; *кожура* подобна *коже*, однако это ‘внешняя оболочка плода, семени’, а не ‘наружный покров тела человека, животных’ [14]. При этом в ответе на вопрос, почему данный конкретный модификат называется именно так, фигурирует его мотивирующее, следовательно, можно утверждать, что у большей части модификатов их ВФ является мотивирующее их слово.

Среди модификатов особое положение занимают слова со **значением стилистической модификации и субъективно-оценочным значением**, у которых стилистическая и экспрессивная функции словообразования затмевают собственно номинативную. Поскольку, как пишет Е. А. Земская, используя в речи такие модификаты, «...человек прежде всего выражает свое отношение или оценку. Именно эта задача у него на первом плане при создании производного слова, а не факт наименования»; «говорящий, не желая быть “лингвистическим занудой”, пускает в ход стилистически маркирующий суффикс...» [15, с. 10], эти дериваты предназначены не для наименования, а для переименования объектов действительности в соответствии с намерениями говорящего и называют один и тот же предмет или явление в разных ситуациях: *бандюга* – такой бандит, к которому говорящий относится исключительно негативно; *комнатка* – это тоже комната, размер которой кажется говорящему недостаточным. Некоторые слова типа *мяско, морозяка* вообще не получают толкования в словарях ввиду их денотативного тождества собственным мотивирующим и прозрачности семантики формантов. Таким образом, можно говорить о том, что как субъективно-оценочные слова и стилистические модификаты, так и слова, их мотивирующие, называют реалии одного класса, только первые уточняют ситуацию применения слова, выражая отношение к предмету или обозначая стилистическую ситуацию применения слова, а вторые называют объекты действительности без подобного рода уточнений. Дискуссионность вопроса об отнесенности субъективно-оценочных производных к формам собственных производящих или же к отдельным словам, осознание их промежуточного положения между формо- и словообразованием [16, с. 101–102] подчеркивает их теснейшую семантическую связь с собственными мотивирующими. Это позволяет утверждать, что денотативный компонент лексического значения слов, мотивирующих такого рода модификаты, совпадает с денотативным компонентом лексического значения последних, и потому данные мотивирующие не могут быть расценены как ВФ собственных дериватов.

Транспозиционное словообразовательное значение, в отличие от мутационного, основано не на изменении семантики мотивирующего слова, а на изменении частеречной принадлежности деривата

с сохранением семантики исходного слова. По замечанию И. С. Улуканова, «члены транспозиционных пар должны означать «одно и то же», одну и ту же реалию (действие или признак), по-разному в языке грамматически интерпретированную (представленную)» [12, с. 150].

В современном языкознании существуют разные подходы к определению транспозиции. Е. С. Кубрякова понимает транспозицию очень широко: как образование слов одной части речи на базе слов другой части речи вне зависимости от объема семантического приращения деривата [15, с. 341–342]. При таком подходе в область транспозиционных производных следует включить все случаи межчастеречной мутации в традиционном смысле (слова вроде *резак*, *учитель*), а в группу с собственно мутационным словообразовательным значением войдут только внутривчастеречные дериваты с отличной от производящего слова ядерной лексической семьей: *перец* – *перечница*, *нефть* – *нефтяник* [18, с. 145]. При анализе ВФ будем следовать классическому пониманию транспозиции, предложенному М. Докулилом и закрепленному в «Грамматике-80»: транспозитом считается такое мотивированное слово, которое наделяется «грамматическим значением части речи, отличным от грамматического значения части речи, присущего мотивирующему слову. Мотивированные существительные, имеющие транспозиционное словообразовательное значение, совпадают с мотивирующим словом во всех компонентах своего значения, кроме общего грамматического значения части речи: *ходить* – *ходьба*, *красный* – *краснота*» [8, с. 265]. Суженное понимание транспозиции вполне оправдано при анализе ВФ, поскольку ВФ обладают все существительные с мутационным словообразовательным значением в традиционном понимании. Расширение же границ транспозиции усложняет решение и без того сложного вопроса о наличии ВФ у транспозитов.

Сама природа транспозиции в классическом ее понимании, основанной на дублировании семантики мотивирующего в мотивированном, не предполагает совпадения мотивирующего и ВФ мотивированного в одном слове, если вслед за И. С. Улукановым полагать, что транспозит означает то же, что и его мотивирующее слово, но в другом грамматическом оформлении. Действительно, в парах *кипеть* – *кипеть*, *жужжание* – *жужжать* глаголы не являются ВФ существительных, поскольку и мотивирующее, и мотивированное называют одно и то же действие, только в другой «морфологической одежде» [16, с. 147]. Однако имена существительные – транспозиты неоднородны. В границах транспозиционных словообразовательных типов И. С. Улуканов выделяет транспозиты с конкретизирующими значениями вроде: 1) ‘обряд’ (*крестины*); 2) ‘болезнь’ (*чахотка*); 3) ‘явление природы’ (*ливень*). Таким образом, процесс образования слов с транспозиционным словообразовательным значением не обязательно сводится только к приобретению частеречной семьей мотивирующего слова ядерного статуса в значении мотивированного слова с сохранением у последнего общей семантики мотивирующего. У существительных – транспозитов с конкретизирующим значением позицию ядерной семы занимает не ‘действие’ или ‘признак’, а ‘обряд’, ‘болезнь’, ‘явление природы’. Если «чистый» транспозит *поминание* толкуется в словарях как ‘действие по глаголу помянуть’ (т. е. ‘вспоминать об умершем, чтя его память’), то однокоренной ему транспозит с конкретизирующим значением *поминки* – это уже не действие по глаголу *помянуть*, но ‘обрядовое угощение в память умершего’ [14]. *Прятки* – это ‘детская игра, состоящая в том, что один (водящий) ищет остальных спрятавшихся участников игры’, а отнюдь не любой случай *прятания*. Данные примеры демонстрируют, что имена существительные – транспозиты с конкретизирующими значениями находятся на пути к мутационным словообразовательным типам.

При решении вопроса о том, обладает ли конкретный транспозит ВФ и каков ее характер, его отнесенность к группе слов с конкретизирующим значением играет большую роль. «Эталонные» транспозиты признаются нами словами, ВФ которых не может являться слово, их мотивирующее, поскольку и дериват, и мотивирующее слово означают одно и то же, происходит только «переливание» лексических понятий из одной части речи в другую [13, с. 19]. Что касается существительных – транспозитов с конкретизирующим значением, то их ВФ следует признать словами, их мотивирующими, так как данные дериваты и их мотивирующие именуют различные явления действительности, несмотря на причисление первых к области транспозиции. Поскольку конкретизирующее значение транспозитов является таковым в силу идиоматичности семантики дериватов, не представляется возможным определить, слова каких именно словообразовательных типов характеризуются конкретизирующим значением, и вопрос о том, обладает ли конкретный неядерный транспозит ВФ, решается индивидуально для каждого деривата такого рода.

Анализ особенностей мутационных, модификационных и транспозиционных словообразовательных типов позволил установить, что ВФ дериватов с мутационным значением являются словами, их мотивирующими. Транспозиты и модификаты не отличаются подобной однородностью. Мотивирующие транспозиты могут являться их ВФ только в том случае, если последние обладают конкретизирующим значением, поскольку только тогда дериват именует иное явление действительности, чем его мотивирующее. В то же время для большинства модификатов мотивирующие их слова выступают в роли их ВФ.

Исключение составляют лишь слова с субъективно-оценочным значением и значением стилистической модификации.

После того как ВФ дериватов с мутационным словообразовательным значением и отдельных транспозитов и модификатов была обозначена как их мотивирующее, открытым остался вопрос о том, имеют ли ВФ остальные слова с модификационным и транспозиционным значением и, если имеют, каков ее характер. Поскольку данные слова являются производными, неправомерно было бы лишать их ВФ только по причине того, что они используются для обозначения тех же явлений действительности, что и слова, их мотивирующие. Если ВФ транспозита и модификата не является слово, их непосредственно мотивирующее, ВФ такого деривата станет тот элемент словообразовательной цепи, который предшествует их мотивирующему в словообразовательной цепи и при этом называет некоторый объект действительности, отличный от того, что обозначен данным модификатом/транспозитом. В результате ВФ деривата может оказаться как вершина гнезда – например, у слова *шалуншика* (*шалить* – *шалун* – *шалуншика*), так и иной элемент словообразовательной цепи, не совпадающий ни с мотивирующим словом, ни с вершиной гнезда (в словообразовательной цепи *лить* – *слить* – *сливки* – *сливочки* ВФ последнего можно считать слово *слить*). То, что ВФ одних дериватов являются слова, непосредственно их мотивирующие, а ВФ других – иные элементы словообразовательной цепи, означает, что ВФ производных слов, следующих друг за другом в словообразовательной цепи, может совпадать: ВФ слова *сливки* является его непосредственно мотивирующее *слить*, которое выступает и как ВФ модификата *сливочки*. Если модификат со значением стилистической модификации / субъективно-оценочным значением или транспозит с неконкретизирующим значением находится на первой ступени деривации, в его словообразовательной цепи невозможно найти слово, которое могло бы объяснять наименование данного модификата/транспозита и при этом называть другой объект/явление, следовательно, будем считать, что такой дериват не имеет ВФ, как и его непродуцированное мотивирующее (и *нежный*, и *нежность* не обладают ВФ).

Таким образом, можно говорить о том, что ВФ слова не закреплена за определенным элементом словообразовательного гнезда, ее место в нем нефиксированное и зависит от характера значения слова, ВФ которого подлежит экспликации. ВФ слова может оказаться как вершина гнезда, так и мотивирующее слово или элемент словообразовательного гнезда, не совпадающий ни с тем, ни с другим. Кроме того, слово, несмотря на свою продуцируемость, может быть лишено ВФ.

Библиографические ссылки

1. Караулов ЮН, редактор. *Русский язык. Энциклопедия*. Москва: Большая Российская энциклопедия; 2003. 703 с.
2. Ярцева ВН, редактор. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: Большая Российская энциклопедия; 2002. 707 с.
3. Жеребило ТВ. *Словарь лингвистических терминов*. Назрань: Пилигрим; 2010. 486 с.
4. Попович НВ. Проблемы соотношения внутренней формы и значения слова. В: *Сборник научных трудов Московского государственного университета иностранных языков имени Мориса Тореза. Выпуск 361*. Москва: МГЛУ имени М. Тореза; 1990. с. 81–86.
5. Ермакова ОП, Земская ЕА. Сопоставительное изучение словообразования и внутренняя форма слова. *Известия Академии наук СССР. Серия языка и литературы*. 1985;6(44):518–525.
6. Снитко ЕС. Учение А. А. Потебни о ВФС и его судьба в современной лингвистике. *Русское языкознание*. 1991;22:39–45.
7. Ольховская АИ. Внутренняя форма слова как феномен обыденного метаязыкового сознания. *Научный диалог*. 2017; 4:57–69. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-4-57-69.
8. Шведова НЮ, редактор. *Русская грамматика. Том 1*. Москва: Наука; 1980. 1792 с.
9. Трофимович ТГ. *Типы предметных наименований в языке старорусской деловой письменности*. Минск: БГПУ; 2003. 223 с.
10. Новикова ЛВ. К вопросу о словообразовательном значении в рамках неологии. *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение*. 2009;35(173):115–119.
11. Новиков ЛА, редактор. *Современный русский язык. Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. Пунктуация*. Санкт-Петербург: Лань; 2001. 864 с.
12. Улуханов ИС. *Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация*. Москва: ЛКИ; 2008. 232 с.
13. Голев НД. К вопросу о семантическом расстоянии между словами, связанными мотивационными отношениями (модификация). В: *Семантическая структура слова*. Кемерово: КГУ; 1984. с. 17–26.
14. Евгеньева ПА, редактор. *Словарь русского языка. Том 1–4*. Москва: Русский язык; 1985–1988. 800 с.
15. Земская ЕА. *Словообразование как деятельность*. Москва: Наука; 1992. 220 с.
16. Виноградов ВВ. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Москва: Высшая школа; 1972. 601 с.
17. Кубрякова ЕС. *Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. Москва: Языки славянской культуры; 2004. 555 с.
18. Косова ВА. Деривационно-семантическая типология словообразовательных категорий. *Ученые записки Казанского университета*. 2013;155(5):141–151.

References

1. Karaulov YuN, editor. *Russkii yazyk. Entsiklopediya* [Russian language. Encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya; 2003. 703 p. Russian.
2. Yartseva VN, editor. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopaedic dictionary]. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya; 2002. 707 p. Russian.
3. Zherebilo TV. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Nazran: Piligrim; 2010. 486 p. Russian.
4. Popovich NV. [Problems of correlation between the inner form and meaning of word]. In: *Sbornik nauchnykh trudov Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta inostrannykh yazykov imeni Morisa Toreza. Issue 361*. Moscow: Moscow State Linguistic University; 1990. p. 81–86. Russian.
5. Ermakova OP, Zemskaya EA. [Comparative research of word-formation and inner form of a word]. *Izvestia nauk SSSR. Seriya yazyka i literatury*. 1985;6(44):518–525. Russian.
6. Snitko ES. [Potebnnya's doctrine about inner form of a word and its destiny in modern linguistics]. *Russkoe yazykoznanie*. 1991;22:39–45. Russian.
7. Olkhovskaya AI. [Inner form of word as phenomenon of ordinary metalinguistic consciousness]. *Nauchnyi dialog*. 2017;4: 57–69. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-4-57-69. Russian.
8. Shvedova NYu, editor. *Russkaya grammatika. Tom 1* [Russian grammar. Volume 1]. Moscow: Nauka; 1980. 1792 p. Russian.
9. Trofimovich TG. *Tipy predmetnykh naimenovanii v yazyke starorusskoi delovoi pis'mennosti* [Types of substantive names in Old-Russian business writing]. Minsk: Belarusian State Pedagogical University; 2003. 223 p. Russian.
10. Novikova LV. [On meaning of derivatives within the science of neology]. *Vestnik Chelabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie*. 2009;35(173):115–119. Russian.
11. Novikov LA, editor. *Sovremennyi russkii yazyk. Fonetika. Leksikologiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya. Sintaksis. Puntuatsiya* [Modern Russian language. Phonetics. Lexicology. Word-formation. Morphology. Syntax. Punctuation]. Saint Petersburg: Lan'; 2001. 864 p. Russian.
12. Uluchanov IS. *Edinitsy slovoobrazovatel'noi sistemy russkogo yazyka i ikh leksicheskaya realizatsiya* [Russian derivational system units and its lexical realization]. Moscow: LKI; 2008. 232 p. Russian.
13. Golev ND. [Semantic distance between motivation-related words (modification)]. *Semanticheskaya struktura slova*. Kemerovo: Kemerovo State University; 1984. p. 17–26. Russian.
14. Evgen'eva PA, editor. *Slovar' russkogo yazyka. Tom 1–4* [Russian dictionary. Volumes 1–4]. Moscow: Russkii yazyk; 1985–1988. 800 p. Russian.
15. Zemskaya EA. *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'* [Word-formation as activity]. Moscow: Nauka; 1992. 220 p. Russian.
16. Vinogradov VV. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language. Grammatical teachings on word]. Moscow: Vysshaya shkola; 1972. 601 p. Russian.
17. Kubryakova ES. *Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke. Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: towards the gaining of linguistic knowledge. Parts of speech in terms of cognitive science. Role of language in experience of the world]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2004. 555 p. Russian.
18. Kosova VA. [Derivational and semantic typology of word-formation categories.]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*. 2013;155(5):141–151. Russian.

Статья поступила в редакцию 07.06.2019.
Received by editorial board 07.06.2019.

УДК 811.161.3'0;811.161.3'367

СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ С КОМПАРАТИВОМ В НАУЧНОМ СТИЛЕ БЕЛОРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА 1920–30-х гг.

И. В. НАВРОЦКАЯ^{1), 2)}

¹⁾Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники,
ул. П. Бровки, 6, 220013, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Разработана классификация значений конструкций с компаративом, количественно охарактеризован каждый из выделенных видов, в том числе по подстилям научного стиля, описаны функции единиц с компаративом в научной разновидности литературного языка. Это позволило представить белорусский литературный язык 1920–30-х гг. как стилистически более разветвленный по сравнению с языком газеты «Наша ніва», в рамках которого получил оформление только научно-популярный подстиль, и прийти к выводу, что категория степени сравнения участвует в реализации стилистических целей высказывания, а поэтому может рассматриваться как грамматическая и функциональная семантико-стилистическая категория. Показательно, что стилистическую принадлежность источников исследуемого материала необходимо учитывать при разработке классификаций языковых структур. Выявлены некоторые тенденции в развитии белорусского литературного языка 1920–30-х гг.: после 1930 г. наблюдалась переориентация в употреблении суперлативных форм, несоотносимых формально и семантически. Констатируется, что после 1933 г. использовался суженный набор местоимений, поясняющих компаратив или зависимое от него существительное. Отмечено, что метод градуального сопоставления для научного стиля при описании объектов исследования является более оптимальным по сравнению с антонимическим противопоставлением, поскольку с помощью конструкций с компаративом объект получает всестороннее описание с учетом мелких специфичных деталей. Обращено внимание на необходимость комплексного и системного изучения компаратива прилагательного и наречия в белорусском языкознании.

Ключевые слова: белорусский литературный язык 1920–30-х гг.; историческая стилистика; научный стиль; компаратив; сравнительная степень; элитив; суперлатив; стилистическое сравнение.

СІНТАКСІЧНЫЯ КАНСТРУКЦЫІ З КАМПАРАТЫВАМ У НАВУКОВЫМ СТЫЛІ БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРНАЙ МОВЫ 1920–30-х гг.

І. В. НАЎРОЦКАЯ^{1*, 2*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт інфарматыкі і радыёэлектронікі,
ул. П. Броўкі, 6, 220013, г. Мінск, Беларусь

^{2*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Распрацавана класіфікацыя значэнняў канструкцый з кампаратывам, колькасна ахарактарызаваны кожны з вылучаных відаў, у тым ліку паводле падстыляў навуковага стылю, апісаны функцыі адзінак з кампаратывам у навуковай разнавіднасці літаратурнай мовы. Гэта дазволіла прадставіць беларускую літаратурную мову

Образец цитирования:

Навроцкая ИВ. Синтаксичные конструкции с компаративом у навуковым стылі беларускай літаратурнай мовы 1920–30-х гг. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2019;2:77–92.

For citation:

Naurotskaya IV. Syntactic constructions with comparative forms in the scientific style of the Belarusian literary language of 1920–30s. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2019;2:77–92. Belarusian.

Автор:

Ирина Валентиновна Навроцкая – преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин¹, аспирантка кафедры белорусского языкознания филологического факультета². Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент С. Н. Запрудский.

Author:

Irina V. Naurotskaya, lecturer at the department of general subjects^a and postgraduate student at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology^b.
zivicabel@bk.ru

1920–30-х гг. як стылістычна больш разгалінаваную ў параўнанні з мовай папярэдняга, нашаніўскага перыяду, у рамках якога атрымаў афармленне толькі навукова-папулярны падстыль, і прыйсці да высновы, што катэгорыя ступені параўнання ўдзельнічае ў рэалізацыі стылістычных мэт выказвання, а таму можа разглядацца як граматычная і функцыянальная семантика-стылістычная катэгорыя. Паказана, што стылявую прыналежнасць крыніц даследчага матэрыялу неабходна ўлічваць пры распрацоўцы класіфікацый моўных структур. Выяўлены некаторыя тэндэнцыі ў развіцці беларускай літаратурнай мовы 1920–30-х гг.: пасля 1930 г. назіралася пераарыентацыя ва ўжыванні суперлятыўных форм, якія не суадносяцца фармальна і семантична. Канстатуецца, што пасля 1933 г. быў звужаны набор займеннікаў, якія паясняюць кампаратыў або залежны ад яго назоўнік. Адзначана, што метады градуальнага супастаўлення для навуковага стылю пры апісанні аб'ектаў даследавання з'яўляецца больш аптымальным у параўнанні з антанімічным супрацьпастаўленнем, паколькі пры дапамозе канструкцый з кампаратывам аб'ект атрымлівае ўсебаковае апісанне з улікам дробных спецыфічных дэталей. Звернута ўвага на неабходнасць комплекснага і сістэмнага вывучэння кампаратыва прыметніка і прыслоўя ў беларусістыцы.

Ключавыя словы: беларуская літаратурная мова 1920–30-х гг.; гістарычная стылістыка; навуковы стыль; кампаратыў; вышэйшая ступень параўнання; элятыў; суперлятыў; стылістычнае параўнанне.

SYNTACTIC CONSTRUCTIONS WITH COMPARATIVE FORMS IN THE SCIENTIFIC STYLE OF THE BELARUSIAN LITERARY LANGUAGE OF 1920–30s

I. V. NAUROTSKAYA^{a, b}

^a*Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics,
6 P. Broŭki Street, Minsk 220013, Belarus*

^b*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The paper presents the classification of comparative constructions meanings, quantitative analysis of each kind of constructions was conducted including characterization by sub-styles of the scientific style, the role of constructions with comparative in scientific functional variation was described. This allows to present the Belarusian literary language of 1920–30s as stylistically more well-developed in contrast to the language of the previous period of the newspaper «Nasha Niva», in which only popular scientific prose style was defined, and to conclude that the category of the degrees of comparison realize stylistic purposes of a statement. The category of the degrees of comparison can be considered as a grammatical and functional semantic-stylistic category. It is significant that the stylistic belonging of the primary sources used during the research should be taken into account the classification of language structures. The study identifies certain trends of the Belarusian literary language of 1920–30s. After 1930, refocusing in the formally non correlated superlative forms has been observed. After 1933, limited set of pronouns clarifying the comparatives form or the referred noun is noted. The paper explains that in the scientific style the method of gradable comparing for description of research activities is the most appropriate compared to the method of opposite contrasting because the object is described in comprehensive review taking into account small specific details with regard to using constructions with comparative forms. The emphasis is placed on the need of a systematic and holistic approach to the study of adjective and adverb comparatives in the Belarusian linguistics.

Keywords: Belarusian literary language of 1920–30s; historical linguistics; scientific style; comparative; comparative degree; relative; superlative; stylistics comparison.

Уводзіны

Значэнне навуковага стылю для гісторыі мовы і гістарычнай стылістыкі. Гісторыкі мовы і спецыялісты па гістарычнай стылістыцы адзначаюць цесную сувязь паміж дыяхранічным аспектам вывучэння моўнай сістэмы і сферамі яе функцыянавання [1, с. 6; 2, с. 9]. Паняцце стылю характарызуецца як з'ява, якая складаецца і змяняецца гістарычна [3, с. 111, 416, 508]. З гэтага вынікае, што працэс афармлення функцыянальных стыляў можа выступаць асноўным структурным кампанентам як гісторыі мовы, так і гістарычнай стылістыкі. Апошняя, як асобная навуковая дысцыпліна, уяўляе сабой перспектыўную, але малараспрацаваную галіну [4, с. 46]. Найменш даследаванай у дыяхранічным плане, па заўвагах даследчыкаў, з'яўляецца навуковая разнавіднасць літаратурнай мовы [5, с. 7; 2, с. 3]. Вывучэнне асаблівасцей навуковага стылю спрыяе асвятленню такіх аспектаў дыяхранічнага мовазнаўства і стылістыкі, як гісторыя моўнага узусу, дынаміка моўнай нормы, працэс фарміравання літаратурнай мовы, асаблівасці генезісу яе стылістычных сродкаў і функцыянальна-стылявых разнавіднасцей. Гісторыка-стылістычнае даследаванне беларускага пісьменства неабходна ў тым ліку «для паспяховага стварэння тэарэтычных асноў гістарычнай стылістыкі ў беларусістыцы» [6, с. 134].

Адметнасці адзінак з кампаратывам у навуковым стылі. Шматаспектны тэрмін «стыль» прынята характарызаваць праз экстралінгвістычныя рысы (сфера і сродак камунікацыі, мэта і змест выказвання і інш.). Гэтыя фактары абумоўліваюць стылістычныя якасці, або прыметы стылю. У навуковым стылі часцей за ўсё вызначаюць наступныя якасці: аб'ектыўнасць, лагічнасць, абагульненасць, абстрактнасць, дакладнасць. Пералічаныя стылістычныя прыметы рэалізуюцца ў тым ліку праз ужыванне сінтаксічных канструкцый з кампаратывам – формай вышэйшай ступені параўнання прыметніка або прыслоўя. У літаратуры адзначаецца, што параўнанне з'яўляецца неабходным сродкам для пазнання і ўспрымання рэчаіснасці [7, с. 414] і адным з галоўных лагічных прыёмаў, без якога немагчымае навуковае пазнанне: параўнанне, як частка працэсу мыслення, уцягнута ў агульны працэс пазнання і выступае яго іманентнай уласцівасцю [2, с. 154]. Граматычныя ступені параўнання – вышэйшая (кампаратыў) і найвышэйшая (суперлятыў) – непасрэдна суадносяцца са сферай навукі, паколькі, па вызначэнні І. А. Бадуэна дэ Куртэнэ, адлюстроўваюць «ўспрыманне свету... з інтэлектуальнага, разумовага боку»¹ [8, с. 319]. Спецыялісты заўважаюць, што формы вышэйшай ступені параўнання ў найбольш канцэнтраваным выглядзе ўтрымліваюць семантыку параўнання і дакладна выражаюць вынік параўнання як лагічнага дзеяння [2, с. 163]. Структуры з формамі кампаратыва прыметніка або прыслоўя дапамагаюць стварыць больш дакладнае апісанне аб'екта праз параўнанне з другім аб'ектам, ахарактарызаваць інтэнсіўнасць праяўлення характарыстык, у тым ліку акрэсліць меру ці мяжу праяўлення прыметы ў аднаго з аб'ектаў, вызначыць іх колькасную розніцу.

Праблематыка. Мэта даследавання. Даследаванне навуковага маўлення 1920–30-х гг. дазволіць удакладніць значэнне і камунікатыўныя функцыі сінтаксічных канструкцый з кампаратывам у навуковай разнавіднасці літаратурнай мовы, якія могуць быць прадстаўлены больш шырокім наборам, чым адзначана ў літаратуры. Таксама істотна, што сінтаксічныя канструкцыі з формамі ступеней параўнання прыметніка або прыслоўя патрабуюць разгляду ў межах аднаго даследавання, паколькі ў іх падобнае формаўтварэнне і сінтаксічныя характарыстыкі. Паказальна, што ў рускай і ўкраінскай лінгвістычнай навуцы кампаратывы прыметніка і прыслоўя разглядаюцца комплексна як асобная «міжузроўневая і міжчасцінамоўная лексіка-граматычная словаўтваральна-сінтаксічная катэгорыя» [9, с. 318]. У беларусістыцы формы ступеней параўнання прыметніка і прыслоўя чакаюць сістэмнага даследавання, у тым ліку з пункта гледжання гісторыі мовы і гістарычнай стылістыкі. Так, стылістыка-дыяхранічны аспект паслядоўна вытрыманы ў калектыўнай трохтомнай манаграфіі «Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVII–XX вв.», якая прадстаўляе значныя звесткі пра ступені параўнання прыметнікаў у навуковым стылі рускай мовы [2, с. 152–169]. У беларускім мовазнаўстве канструкцыі з кампаратывам прыметніка або прыслоўя таксама даследаваліся з прыцягненнем дыяхранічных метадаў, але матэрыялы навуковага стылю і тым больш перыяду 1920–30-х гг. спецыяльнага апісання не атрымалі [10; 11]. У асноўных фундаментальных працах па гісторыі беларускай літаратурнай мовы адметнасці сінтаксічных канструкцый з формамі ступеней параўнання прыметніка або прыслоўя не прадстаўлены [1; 5].

Важна разгледзець адзінкі з кампаратывам прыметніка або прыслоўя ў аспекце сінтаксісу, паколькі, як адзначаюць даследчыкі, найбольш выразныя рысы стылю выяўляюцца менавіта праз сінтаксічную арганізацыю тэксту і яго сінтаксічныя структуры [12, с. 156]. Выразныя лексіка-сінтаксічныя характарыстыкі кампаратыў прыметніка і прыслоўя набывае ў сінтаксічных канструкцыях, якія маюць наступную структуру: суб'ект і аб'ект параўнання, прымета – аснова параўнання, дадатковы паказальнік (сродак) параўнання (пры яго наяўнасці) [9, с. 327].

У беларускіх граматыках канстатуецца неадпаведнасць семантыкі словазлучэнняў з кампаратывам у залежнасці ад часцінамоўнай прыналежнасці галоўнага кампанента, які прадстаўлены або прыметнікам, або прыслоўем. Паводле другога тома «Граматыкі беларускай мовы» 1966 г., які прысвечаны сінтаксісу, канструкцыі з галоўным кампанентам у форме вышэйшай ступені параўнання прыметніка і залежным аб'ектам параўнання выражаюць наступныя значэнні: параўнальнае «з аб'ектным адценнем», колькаснае, суперлятыўнае (найвышэйшай ступені), элятыўнае (самай высокай ступені) [13, с. 145–147.]. Структуры з кампаратывам прыслоўя выражаюць, як адзначана ў акадэмічных граматыках, «адносіны прыпадабнення з адценнем меры» [13, с. 241], «адносіны прыпадабнення з пэўнымі адценнямі, абумоўленымі семантыкай прыназоўнікаў» [14, с. 93]. У акадэмічнай граматыцы 1962–1966 гг. падрабязна² разглядаюцца словазлучэнні з кампаратывам прыметніка і прыслоўя ў томе «Сінтаксіс» [13, с. 145–149, 241, 388–391], а наступныя граматычны кодэкс 1985–1986 гг. структуры з формамі вышэйшай ступені параўнання прыметніка прадстаўляе ў межах раздзелаў марфалогіі, адпа-

¹Тут і далей пераклад наш. – І. Н.

²Кароткія сінтаксічныя характарыстыкі кампаратываў прыметніка, у адрозненне ад прыслоўя, падаюцца ў тым ліку і ў томе «Марфалогія». (гл.: Граматыка беларускай мовы : у 2 т. пад рэд. К. К. Крапівы, М. Г. Булахавы. Мінск: Навука і тэхніка, 1962. Т. 1. Марфалогія. С. 166–167).

ведныя канструкцыі з кампаратывамі прыслоўя – у частцы «Сінтаксіс» [15, с. 108; 14, с. 92 – 93]³. У першай частцы новай кароткай акадэмічнай граматыкі беларускай мовы 2007 г. прыводзяцца сінтаксічныя характарыстыкі кампаратыва прыметніка, у сваю чаргу формы вышэйшай ступені параўнання прыслоўя падаюцца без каментарыяў адносна сінтаксічнай будовы [16, с. 241].

У межах даследавання сінтаксічных структур з галоўным кампанентам прыметнікам або прыслоўем у форме вышэйшай ступені параўнання праведзены функцыянальна-камунікатыўны, семантычны і колькасны аналіз адзінак, удакладнена класіфікацыя структур з кампаратывам паводле відаў значэння, акрэслены стылістычны статус канструкцый з формамі вышэйшай ступені параўнання ў 1920–30-я гг. – на пачатковым этапе фарміравання навуковага стылю беларускай літаратурнай мовы.

Матэрыялы і метады даследавання. У якасці фактычнай базы выкарыстаны арыгінальныя і перакладныя навуковыя тэксты 1920–30-х гг. з розных галін ведаў: мовазнаўства, літаратуразнаўства, педагогікі, гісторыі, права, мастацтва, архітэктуры, хіміі, біялогіі, фізікі, медыцыны, географіі, астраноміі, геалогіі, эканомікі, матэматыкі, тэхнікі, сельскай гаспадаркі. Аналізаваныя тэксты ў жанрах манаграфічнага даследавання, артыкула, даклада, нарыса, падручніка, курса лекцый, дапаможніка падзелены на тры падстылі, традыцыйныя для сінхроннай стылістыкі: уласна навуковы, навукальны і навукова-папулярны. Аднак кожны з падстыляў мае свае адметнасці ў дыяхранічным аспекце. Шляхам суцэльнай выбаркі апрацавана 76 тэкстаў, што дазволіла прааналізаваць прыкладна 810 тыс. словаўжыванняў (у сярэднім па 270 тыс. на кожны падстыль) і скласці корпус моўных сродкаў з 2125 канструкцый. На падставе вылучанага матэрыялу прадстаўляюцца табліцы колькасных падлікаў. У даследаванні выкарыстаны метады і прыёмы кампанентнага аналізу, лінгвістычнага апісання, колькасных падлікаў, трансфармацыйны метады, а таксама спалучэнне лагічнага, семантычнага, функцыянальнага і фармальна-граматычнага падыходаў пры аналізе моўных фактаў.

Вынікі і іх абмеркаванне

Функцыянальна-семантычны аналіз. У мовазнаўстве агульнапрынята залічваць канструкцыі з формамі вышэйшай ступені параўнання да градацыйных. Л. І. Бурак вылучае наступныя віды параўнальных адносін: уласнае параўнанне, градацыйнае параўнанне, азначальная рэпрэзентацыя, ураўноўванне. Паводле гэтай класіфікацыі канструкцыі з формамі кампаратыва прыметніка або прыслоўя адносяцца да градацыйнага параўнання, якое «звычайна ўспрымаецца як супастаўленне паводле змянення, узростання ці змяншэння адзнакі» [18, с. 184–185]. Таксама ў межах параўнальнага значэння, якое выражае кампаратыв прыметніка або прыслоўя, у спецыяльнай літаратуры адзначаны розныя назвы відаў значэнняў. Так, М. П. Кацюрова, разглядаючы формы вышэйшай ступені параўнання прыметніка ў навуковым стылі рускай мовы, вылучае якаснае і колькаснае параўнанні [2, с. 154]. Якаснае параўнанне характарызуе адрознівальную ўласцівасць аб'екта непадзельна, незалежна ад ступені яе інтэнсіўнасці, напрыклад: *Наступны разрад, як і папярэдні, вялікі*. Аднак такое параўнанне, па заўвагах даследчыцы, не можа ў поўнай меры здавальняць патрэбы навуковага пазнання, а з'яўляецца толькі непасрэднай умовай для таго, каб выявіць колькасную розніцу паміж прадметамі, якія параўноўваюцца. Выяўленне такіх адрозненняў паміж аб'ектамі і рэалізуецца праз колькаснае параўнанне: *Наступны разрад больш папярэдняга ў дзесяць разоў*⁴ (ЗСУ 29, с. 23–24) (вылучана намі. – І. Н.). Такім чынам, колькаснае параўнанне ўтвараецца на аснове якаснага і лічыцца параўнаннем вышэйшага парадку, больш складаным, чым якаснае. Заўважана, што колькаснае параўнанне можа выражацца і ў якаснай форме, без указання на колькасную меру выяўлення прыметы: *Наступны разрад больш папярэдняга*. У такім выпадку **колькаснае** параўнанне з'яўляецца **неакрэсленым** [2, с. 154]. Аднак канструкцыі з кампаратывам могуць быць прадстаўлены і ў якаснай форме, якая ў залежнасці ад семантыкі кампанентаў не прадугледжвае ўдакладненняў з лічэбнікамі: *Можна сказаць, што Цяпінскі ў сваіх поглядах пайшоў далей за сваіх папярэднікаў* – Скарыну й Буднага (Янчук 22, с. 38); *Значыць, гэтыя вагі менш чутлыя, чымся першыя* (Кашын 24, с. 34); *Наогул саломы яравога збожжы мякчэйшая і сытнейшая за салому азімых хлябоў* (Кацаўраў 25, с. 4). Прыведзеныя канструкцыі выражаюць **градацыйнае ўласна-якаснае значэнне**.

У выпадку, калі ў структуры з кампаратывам пазіцыя для колькасных звестак не запоўнена, але лічэбнік можна ўставіць, такія сінтаксічныя адзінкі разглядаем як **градацыйныя колькасна неакрэсленыя**: *Зялезная куля таго самага аб'ёму, што і драўляная, маець вялікую масу за драўляную* (Трэпка 22, с. 10); *Таму што аміяк лягчэй ад паветра, дык зборную пасудзінку пры гэтым змяшчаюць атворынай уніз* (Румін 28, с. 75); *Ціск на вяршыні аказаўся меншым, чым ля падошвы* (Фалееў 35, с. 64). Да гэтага віду адносяцца і адзінкі з інтэнсіфікатарамі, якія таксама выражаюць неакрэсленую

³ У спецыяльнай літаратуры адзначаўся недахоп «Беларускай граматыкі» 1985 г. і некаторых падручнікаў, дзе формы ступені параўнання прыметніка і прыслоўя прадстаўлены як несудадныя рады [17, с. 73].

⁴ Тут і далей прыклады з навуковых тэкстаў, назвы крыніц, прозвішчы аўтараў прыводзяцца ў адпаведнасці з іх афармленнем у арыгінале – І. Н.

колькасць (прыслоўі тыпу *значна, многа* і інш.): *Крыху старэйшы ад іх Янук Журба выйшаў на беларускую літаратурную ніву з бадзёраю душою* (Жылуновіч 24, с. 312); *Віленскі Петрапаулаўскі сабор... мае купал на трансэпце значна раней эпохі Вешацеля* (Каспяровіч 25, с. 41); *Удзельная вага сырога яйка нямногім большай за ўдзельную вагу слабай саянай кіслаты* (Румін 36, с. 75).

Неабходна ўлічваць, што структуры з формамі вышэйшай ступені параўнання выражаюць колькасную розніцу аб'ектаў, колькасную меру выяўлення прыметы словазлучэннямі двух тыпаў, першы з якіх мы разглядалі вышэй і вызначалі паводле тэрміналогіі М. П. Кацюровай як колькаснае параўнанне: ... *пры больші раскошным кармленьні, якое каштавала буйнай гаспадарцы больш чым дробнай на 14 р., буйная гаспадарка атрымала малака больш дробнай на 48 пуд.* (ЗСУ 29, с. 11). Паколькі структуры з галоўным кампанентам кампаратывам адносяцца да градацыйных, назавём гэты тып **градацыйным колькасным**. Другі тып канструкцый з формамі вышэйшай ступені параўнання прыметніка або прыслоўя таксама выражае колькасныя адрозненні паміж аб'ектамі, у тым ліку верхнюю ці ніжнюю мяжу праяўлення прыметы (*У некаторых наветах лён займае больш 15 проц. пасеўнае плошчы* (Смоліч 24, с. 29); *Працяг часу для сонешанга зацьменьня рэдка калі даходзіць 5–6 минут і ня можа быць наагул большы, чымсь 7m58s* (Астроўскі 24, с. 46); *гаспадаркі, якія маюць меней 2 гэктараў зямлі* (Астроўскі 28, с. 43), з той розніцай што правую пазіцыю пры кампаратыве займае кампанент з лічэбнікам або яго семантычным аналагам: ... *кілёметр павінен быць крыху карацей за вярсту* (Пераўман 25, с. 16); *Звярніце ўвагу, што з восені яе наліваюць не больш чвэрткі шклянкі, а к вясне шклянчкі амаль поўныя* (Румін 36, с. 35). Такі тып выражае **ўласна-колькаснае (квантытатыўнае)** значэнне.

Градацыйныя колькасныя і ўласна-колькасныя канструкцыі аб'яднаны квантытатыўнай семантыкай, агульнымі канструкцыйнымі ўласцівасцямі, што і дазваляе прадстаўляць іх у межах адной класіфікацыі. Гэта, у сваю чаргу, дапаможа комплексна разгледзець асаблівасці навуковага стылю і выявіць спецыфіку катэгорый параўнання (кампаратыўнасці) і колькасці (квантытатыўнасці). Заўважым, што даследчыкамі функцыяльнага напрамку прызнаецца непасрэдная сувязь паміж аспектамі параўнання і колькасці як узаемазвязанымі і ўзаемазалежнымі [19, с. 3, 129, 163]. Для ілюстрацыі сувязі катэгорый ступені параўнання і колькасці прывядзем прыклады з падручніка М. Грамыкі «Пачатковая географія» 1925 г., якія змешчаны на адной старонцы выдання: *Гэтыя мясцовасці ляжаць на 200–250 мэтраў вышэй за мора; Узгоркам завецца частка земнай паверхні, якая падымаецца над мясцовасцю, але ня вышэй як 200 м. над роўнем мора; Калі ўзгорак вышэй за 300 м. над роўнем мора, яго будзем зваць гарой* (Грамыка 25, с. 26). Канструкцыю з першага сказа мы кваліфікуем як **градацыйную колькасную**, адзінкі з наступных сказаў выражаюць **ўласна-колькасныя** адносіны. Тым не менш першы прыклад лёгка можа быць трансфармаваны на ўзор ўласна-колькасных канструкцый (*Гэтыя мясцовасці ляжаць вышэй 200–250 мэтраў над роўнем мора*), што сведчыць пра цесныя ўзаемадачынненні градацыйных колькасных і ўласна-колькасных канструкцый з кампаратывам.

У беларускай лінгвістычнай навуцы параўнальны і колькасны віды канструкцый з кампаратывам прыметніка або прыслоўя даследаваліся ў аспекце сінтаксісу, у тым ліку з прыцягненнем дыяхранічных звестак пачатку ХХ ст. Так, у даследаванні Т. Я. Шэмет названыя значэнні апісваюцца ў асобных раздзелах, прычым канструкцыі параўнальнага тыпу прадстаўлены адзінкамі наступнай структурнай схемы: кампаратыў + сродак параўнання + прадмет параўнання [11, с. 15]. Прыклады з лічэбным удакладненнем тыпу *Аказалася, што сярод тых, якія многа п'юць, хварэла на сухоты ў 9 раз болей, чымся сярод цывярозых сялян* (Цвікевіч 27, с. 32), якія мы кваліфікуем як градацыйнае колькаснае параўнанне, у згаданай працы прыводзяцца ў раздзеле канструкцый з параўнальнымі адносінамі, аднак асобна не вылучаюцца, магчыма, з той прычыны, што крыніцай даследавання паслужылі тэксты перыядычнага друку і інтэрнэт-прасторы. Можна дапусціць, што для названых сфер колькасныя звесткі выступаюць важным складнікам, але не настолькі істотным, анталагічным, як для сферы навукі і навуковай камунікацыі: у літаратуры адзначаецца істотная роля колькасных даных для навуковага стылю і шырокае ўжыванне лічэбнікаў [12, с. 139]. Такім чынам, функцыянальна-стылістычны аспект выступае важным фактарам пры даследаванні моўных з'яў, ад уліку якога залежыць распрацоўка тэарэтычных і практычных пытанняў, у прыватнасці стылявую прыналежнасць крыніц даследчага матэрыялу варта мець на ўвазе пры пабудове класіфікацый моўных структур.

Для навуковага стылю 1920–30-х гг. таксама ўласцівыя канструкцыі з кампаратывам, якія выражаюць **значэнне найвышэйшай ступені (суперлятыва)** і адносяцца да градацыйнага параўнання. У плане формы адзінкі з такім значэннем неаднародныя і рэалізуюцца канструкцыямі як з вышэйшай ступенню параўнання (*Яравы ячмень менш за ўсякае іншае збожжа патрабуе цяпла* (Кацаўраў 25, с. 3); *Мэтальвая прамысловасць у Беларусі была развіта слабей ад іншых галінаў* (Смоліч 24, с. 68)), так і з найвышэйшай ступенню, утрымліваючы пры гэтым сродкі параўнання, ўласцівыя канструкцыям з кампаратывам (*Падлічэнне прыбытку ад транспарту найболей цяжка, чым ад усіх галін і найбо-*

лей павінна выклікаць спрэчак (Гарэцкі 26, с. 77); **Найцікавейшыя** па сваёй апрацаваннасці **ад усіх дагавораў** – гэта смаленскія дагаворы (Ігнатоўскі 21, с. 32)).

З формамі найвышэйшай ступені параўнання суадносяцца структуры са значэннем **элятыва**, якія таксама прадстаўлены ў тэкстах навуковага стылю 1920–30-х гг. Як адзначаюць даследчыкі, элятыў можа разумецца як безадноснае да параўнання значэнне вялікай, высокай ступені прыметы, як значэнне гранічнай ступені, або як два гэтыя значэнні ў комплексе [20, с. 38; 19, с. 111]. Паводле часцінамоўнай прыналежнасці элятываў увага даследчыкаў у першую чаргу звяртаецца на прыметнікі. Аднак, як паказваюць матэрыялы нашай картатэкі, гэты від значэння можа вылучацца не толькі ў ад’ектыўных, але і ў адвербіяльных⁵ кампаратыўных форм. Напрыклад, супаставім сказы, якія ўтрымліваюць словазлучэнні з формамі вышэйшай ступені параўнання: 1) *Месяц бліжэй ад усіх іншых свьязілаў знайходзіцца ад зямлі* (Астроўскі 24, с. 41); *Засяваць трэба яго вельмі рана, **раней усяго іншага** азімага збожжжа* (Кацаўраў 25, с. 19); 2) *К групе марудна фільтруючыхся глін з дысперсіднага пункту гледжання павінны адносіцца **раней за ўсё** багатыя калоднымі ўтварэннямі ўзоры 14* (Ермоленко-1 36, 9); *З кіслот вы, мабыць, **бліжэй за ўсё** знаёмы з уксуснай, якой сталовы уксус абавязан сваім смакам* (Румін 36, с. 14). Першыя з прыведзеных сказаў выражаюць суперлятыўную семантыку, кампаратыў у іх ужыты ў прамым значэнні, другія – элятыўную з кампаратывам у пераносным значэнні. Такім чынам, лексічнае значэнне прыслоўя ў форме вышэйшай ступені параўнання ўплывае на значэнне сінтаксічнай канструкцыі⁶.

Канструкцыі элятыўнага тыпу ў навуковым стылі служаць для выражэння гіпотэзы, дапушчэння (*Трэба думаць, што тут **скарэй за ўсё** хронолэгічная памылка* (Шпілеўскі 29, с. 2); *ураджаі як быццам падняліся, але **баржэдзэй усяго** з прычыны спрыяючых мэтэрэолэгічных варункаў* (Смоліч 24, с. 32), могуць выдзяляцца коскамі нахштальт пабочных канструкцый са значэннем рознай ступені ўпэўненасці (*Такім чынам, калі ў 1530 годзе Скарына меў патрэбу ў новым друкары, – дык патрэба гэтая, **хутчэй за ўсё**, выклікалася жаданнем не абмяжоўвацца ў сваёй наступнай, падрыхтаванай да друку кніжцы адной толькі орнамэнтальнай графікай* (Шчакаціхін 26, с. 16); *Найбольш авечак у Смаленшчыне ... што тлумачыцца, **баржэдзэй усяго**, уплывам Беластоцкіх суконных фабрык, для якіх быў бы вельмі пажаданым мясцовы сырэц – воўна* (Смоліч 24, с. 46)). Матэрыялы таксама паказваюць, што камунікатыўнае прызначэнне кампаратыва са значэннем элятыва – даць параду, настаўленне, што асабліва актуальна для навучальнага і папулярнага падстыляў. На рэкамендацыйны характар указваюць інфінітывы, безасабова-прэдыкатыўныя словы, да якіх адносіцца кампаратыўнае словазлучэнне: ***Лепш за ўсё** сеяць проса другою расьлінаю пасяля ўгноення* (Кацаўраў 25, с. 43); ***Лепей усяго** ня трэба шкадаваць часу і ў сухую пагоду **прасушыць насенне*** (ЗСУ 29, с. 45); *а ключ к раізнню такіх пытанняў, як **хімічная сувязь, трэба шукаць раней за ўсё** ў электрычнай прыродзе вешчства* (Ермоленко-3 36, с. 47).

Навуковыя тэксты даследуемага перыяду ўтрымліваюць разнастайныя сінтаксічныя адзінкі, якія ў плане зместу могуць быць прадстаўлены ўласна-суперлятыўным значэннем, а таксама экспрэсіўнымі канструкцыямі з кампаратывам, напрыклад, у форме рытарычных пытанняў і так званых псеўдаадмоўных структур (*Ціж есць што **даражэй гэтаго?*** (Жылуновіч 20, с. 284); ***Ляпей** матчынага **малака** – для дзіцяці **няма і нічога ня можа быць*** (Цьвікевіч 24, с. 16); ***Нічога не можа быць прасцей за тую мысль**, якая пакладзена ў аснову гэтага праекта – рухацца, кіруючыся ў пустой прасторы без апоры* (Перэльман 33, с. 35); ***Няма нічога лягчэй і прасцей, як ачысціць яйка, не разбіваючы яго шкарлупы*** (Румін 36, с. 75)), якія звычайна адносяцца да суперлятыўных⁷, аднак, калі звярнуць увагу на тое, што суб’ект сказа, які выступае граматычным аб’ектам параўнання, не прадугледжвае аперацыі параўнання або супастаўлення (яна адмаўляецца ў сказе), то канструкцыі выражаюць не столькі суперлятыўнае, колькі элятыўнае значэнне⁸, якое адносіцца да выразных ўзмацняльна-экспрэсіўных сродкаў. Паколькі элятывы не выражаюць ідэі параўнання, а характарызуюць высокую або нізкую ступень інтэнсіўнасці прыметы безадносна да параўнання, служаць для выражэння гіпотэзы і парады, канструкцыі з элятывам адносяцца да **стылістычнага параўнання**, у тым ліку дзякуючы свайму ўзмацняльна-экспрэсіўнаму зараду. Здольнасць элятываў выражаць высокую ступень інтэнсіўнасці дазваляе залічваць іх да сродкаў градацыйнага значэння.

⁵ «Граматыкай беларускай мовы» 1966 г. зафіксавана паступовае набліжэнне словазлучэнняў з прыслоўямі ў форме вышэйшай або найвышэйшай ступені параўнання з займеннікам усіх (усіх) «да своеасаблівых аналітычных форм ступеней параўнання з элятыўным значэннем» [13, с. 247].

⁶ У прыватнасці, адносна ўкраінскай мовы Т. С. Баран указвае на тое, што прыметнікі і прыслоўі рэалізуюць суперлятыўную семантыку выключна пры ўжыванні ў прамым значэнні (гл.: Баран Т. С. Система средств выражения степени признака в украинском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1987. С. 19).

⁷ Гурскі М. І. Параўнальная граматыка рускай і беларускай моў. Фанетыка і марфалогія. Мінск: Выш. шк.; 1972. С. 145–146; Воронников Ю. Л. Функционально-грамматическая сфера градационности признака в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987. С. 19 (гл. таксама [9, с. 331–332]).

⁸ Указанне на элятыўны від значэння канструкцый з кампаратывам прыметніка, калі ў сказе ўжываецца адмоўнае *не, няма*, утрымліваецца ў першым томе «Граматыкі беларускай мовы» 1962–1966 гг. (с. 164).

У навуковых тэкстах зафіксаваны таксама сінтаксічныя канструкцыі з кампаратывам са значэннем **стылістычнага параўнання**, у якіх на першы план выступае не адлюстраванне лагічнага прыёму параўнання, а адценне ўзмацнення пры характарыстыцы аб'екта параўнання з дапамогай элемента *больш чым* (*Беларусь яшчэ хавае у сабе шмат невядомых каштоўнасцяў, што маюць больш чым гістарычнае значэнне* (Іпэль 25, с. 25–26), пошук больш адпаведнай характарыстыкі для аб'екта (*Забастоўка была гэтая хутчэй політычнаю, чымся эканамічнаю, бо была яна пакіравана проці «рабочых кніжак», зьмяшчаўшых у сабе тэкст закону аб карах за забастоўкі* (Дыла 24, с. 127)), вобразнае параўнанне (паводле Ю. Л. Варатнікова, гэта псеўдакампаратыўныя канструкцыі⁹) (*Чары яго былі мацней ланцугоў* (Ігнатоўскі 21, 22), устанаўленне тоеснасці або аднолькавай ступені праяўлення прыметы праз адмаўленне (*...з эканамічнага боку ўсе яны пакуль не больш паспяховы, чым спробы старажытных алхімікаў ператварыць у золата танныя металы* (Румін 36, с. 32)). Апошнія ў навуковай літаратуры адносіцца да экватыва (выражае адносіны роўнасці) параўнання¹⁰, тым не менш мы залічваем гэтыя канструкцыі ў групу стылістычных параўнанняў, улічваючы спецыфіку навуковага стылю і пазнавальнай дзейнасці, дзе істотным выступае не столькі ўстанаўленне роўнасці, колькі выяўленне адрозненняў аб'ектаў, якія падлягаюць параўнанню. Да канструкцый стылістычнага параўнання адносяцца таксама адзінкі з выразамі *больш таго, менш таго* і падобныя, якія ўжываюцца ў навуковых тэкстах са стылістычнай устаноўкай на ўзмацненне ўсяго зместу выказвання: *Тут адна з прычын, чаму вялікія словы і ідэі засталіся словамі і ідэямі і – што горш таго, надакучылі* (Піотуховіч 25, с. 28); *...хэмія шырока скарыстана ў вайскавай справе для вырабу пораху і іншых выбуховых матэрыялаў, а часткай ужывалася і таго раней, калі з яе дапамогай палілі варожыя судны* (Румін 28, с. 31); *Больш таго! На кусце белых руж на вашаму жаданню адна з іх можа ў момант ператварыцца ў чырвоную* (Румін 36, с. 104). Дарэчы, у даследаваннях па сінтаксісе рускай і беларускай моў адзінкі *мала таго, больш таго, горш таго, хутчэй...* чым залічваюцца да градацыйных злучнікаў (у сэнсе суадносін па ступені значнасці, ісціннасці або адпаведнасці таму, пра што паведамляецца ў сказе). Адзначаецца, што яны ўласцівыя ў большай меры рускай мове, чым беларускай¹¹ [21, с. 134–135]. На магчымы інтэрферэнцыйны характар канструкцыі тыпу *больш таго* ўказвае адсутнасць прыназоўніка пасля кампаратыва ў навуковых тэкстах 1920–30-х гг. Заўважым, што ў нашай картатэцы ў гэтым тыпе адзінак стылістычнага параўнання не зафіксавана ўжыванне з прыназоўнікам.

Вылучэнне канструкцый са значэннем **стылістычнага параўнання** ў навуковым стылі дазваляе сцвярджаць, што катэгорыя ступені параўнання ўдзельнічае ў рэалізацыі стылістычных мэт выказвання, а таму можа разглядацца значна шырэй за граматычную катэгорыю, якая выражае пазнавальную і лагічную аперацыю параўнання.

У дадатак да пералічаных вышэй сінтаксічных адзінак, якія выкарыстоўваюцца ў навуковых тэкстах, спарадычна ўжываюцца канструкцыі з кампаратывам, якія выражаюць **абмежавальна-параўнальнае значэнне** пры дапамозе прыназоўніка *замест*, злучальнага супастаўляльнага злучніка *а* з адмоўем *не*: *Усякая-ж тэма, якая даецца або навязваецца дзецям, на жаль, разьлічае больш на гэты формальны момант, а не на свабодную творчасць* (Міцкевіч 26, с. 109); *...на Беларусі-ж замест буйнае фабрычнае прамысловасці больш разьвіта прамысловасць, абкладзеная акцызам* (Гарэцкі 26, с. 119).

Класіфікацыя адзінак з кампаратывам. Праведзены аналіз канструкцый з кампаратывам паводле відаў значэння дазваляе размеркаваць іх наступным чынам:

1. Значэнне градацыйнага параўнання:

1.1. Градацыйнае ўласна-якаснае: *яны больш клапацяцца аб сваіх уласных справах, чымся аб справах цэрквы* (Ігнатоўскі 21, с. 76); *Літара ё азначае ненаціснуты гук або шырэньшы за ё* (Тарашкевіч 21, с. 49); *Рабочая кляса... была ворагам больш небяспечным, чымсяці політыка ўраду* (Пічэта 24, с. 90); *З раўнання (48) яшчэ лягчэй ніж з папярэдняга можна бачыць усе ўласцівасці гэтай крывой* (Дыдырка 32, с. 59);

1.2. Градацыйнае колькасна неакрэсленае: *Трата ад выдзірання бараною жыта будзе ўсё-ж такі меншай, чымся ад незабараноўкі сзрадзі* (Карм 22, с. 12); *гэтыя целы лягчэйшыя ад вады* (ЗСУ 29, с. 32); *Тарфяны гной дае большую прыбаўку ўраджаю супроць саломістага* (Дарожкін 36, с. 10);

1.3. Градацыйнае колькаснае: *першы зборнік у Літоўска-Беларускім гаспадарска-вучэбным выданні раней, як зборнік у Маскоўскім гаспадарска-вучэбным на 29 гадоў* (Ігнатоўскі 21, с. 62); *а абыйма ў 1300 разоў больш, чым ад абыйма* зямлі (Астроўскі 24, с. 62); *каменнага вугалю мяркуюцца здабыць на 18 проц. больш, чым у мінулым годзе* (Сагаловіч 33, с. 61);

⁹Воротников Ю. Л. Функционально-грамматическая сфера градационности признака в современном русском языке. М., 1987. С. 10.

¹⁰Там жа. С. 13–14.

¹¹М. В. Абабурка сярод прыкладаў беларускіх і рускіх фразеалагізмаў, якія не прымаюць удзелу ва ўтварэнні кампаратыўных форм, прыводзіць рускі варыянт *более того*, якому не паддаецца беларускага адпаведніка (гл.: Абабурка М. В. Параўнальная граматыка беларускай і рускай моў. Мінск: Выш. шк.; 1992. С. 145).

1.4. Значэнне найвышэйшай ступені (суперлятыўнае): ...*гэта* – *плянэта-волат*, які па сваёй масе *шмат большы, чымсь усе плянэты* разам узятых (Астроўскі 24, с. 62); *Палескія прасторы з іх рэдкім насяленьнем, з найменш выкарыстанымі, чым дзе ў Беларусі, прыроднымі багаццямі* (Смоліч 25, с. 159); *У якім з прыведзеных ніжэй злучэнняў, ужываемых у якасці ўзнаенняў, знаходзіцца больш за ўсё азота* (Гольдфарб 36, с. 16);

2. Уласна-колькаснае значэнне: *Каб падняць цяжар, павялічым трошкі сілу мускулаў (вышэй за 25 kg)* (Трэпка 22, с. 81); *Працяг часу для сонешняга зацьменьня рэдка калі даходзіць 5-6 мінут і ня можа быць наагул большы, чымсь 7m58s* (Астроўскі 24, с. 46); *мэтр, як мы ведаем, менш за 1 1/2 ары.* (Перэльман 25, с. 22);

3. Стылістычнае параўнанне:

3.1. Элятыўнае значэнне: *Дзеля таго, што больш усяго* магчыма дапушчэнне, што *цэнтр* згушчэння ня будзе саўпадаць з *цэнтрам туманнасьці* (Астроўскі 24, с. 73); *Лепш усяго* карыстацца экватарыяльнаю сыстэмаю координат (Сьветабуд 28, с. 24); *Шляхта, найраней за ўсё, кіруючы стан* (Ігнатюскі 21, с. 82);

3.1.1. Псеўдаадмоўныя канструкцыі: *Мікалай I ня змог прыдумаць нічога разумнейшага, як перанясці яго навуковыя каштоўнасьці ў Кіеў* (Ігнатюскі 21, с. 110);

3.1.2. Псеўдапытальныя канструкцыі: *Ці можа быць горшэе калецтва, як сьлепата!* (Цьвікевіч 27, с. 4);

3.2. Псеўдапараўнанне: *Акружаючыя сталі ўпэўняць рыцара, што ён ужо нясецца па наветры «быстрых стрэл»* (Перэльман 36, с. 7).

3.3. Пошук адпаведнай характарыстыкі для аб'екта: *Самае слова «Крывэ» хутчэй можна разумець як уласнае імя наважанага ў ліцьвіноў жраца, чым агульную назву асобы, меўшай такую вялікую ўладу* (Ігнатюскі 21, с. 38); *Разглядаючы старадаўніх ідэй глыбокае мінушчыны скарэй належыць да філэзофіі, чым астраноміі* (Астроўскі 24, с. 70);

3.4. Узмацненне зместу выказвання: *Больш таго, мы зусім упэўнены, што пасьпях і далейшы росквіт будуць забяспечаны нашай справе, калі нашы слухачы дапамагуць нам у гэтым* (ЗСУ 29, с. 4);

3.5. Узмацненне пры характарыстыцы аб'екта параўнання: *Такія лекцыі пісьма будуць болей, чым лекцыямі чытаньня* (Міцкевіч 26, с. 35); *вуніа 1386-га году была больш, чым дынастычна-пэрсональна* (Ігнатюскі 21, с. 55);

3.6. Тоеснасьць з выкарыстаннем адмаўленьня: *добра дыхаць ня менш патрэбна, як добра есьці* (Румін 28, с. 53); *Хлёрная вада беліць ня горай ад хлёру* (Румін 28, с. 39);

4. Абмежавальнае значэнне: *Лепш формуляваць тэму ў форме пытаньня, а ня ў форме катэгорычнага палажэньня* (Міцкевіч 30, с. 104).

Прыёмы стылістычнага параўнання характарызуюцца найбольшай разнастайнасьцю, што абумоўлена камунікатыўным заданнем канструкцый з кампаратыўнымі формамі, якое заключаецца ў стварэнні дадатковай вобразнасці, экспрэсіі, узмацненні зместу сказа, выказванні гіпотэзы і настаўлення. Улічваючы распрацаваную класіфікацыю значэнняў, якія могуць выражацца канструкцыямі з формамі вышэйшай ступені параўнання прыметніка або прыслоўя, варта заўважыць, што кампаратыў можа разглядацца шырока: як сродак выражэння не толькі градацыйнага параўнальнага, колькаснага значэння, але і ўзмацняльна-экспрэсіўнага (элятыўнага). Матэрыялы навуковага стылю беларускай мовы 1920–30-х гг., якія раней не прыцягваліся для даследавання канструкцый з кампаратывам, могуць дапамагчы ў вырашэнні гэтай праблемы.

Колькасны аналіз. Вынікі даследавання дазваляюць правесці колькасны падлік для ўдакладнення спецыфікі канструкцый з кампаратывам у навуковым стылі беларускай літаратурнай мовы 1920–30-х гг.

Табліца 1

Колькасныя паказчыкі па відах значэння,
якія выражаюць канструкцыі з кампаратывам

Table 1

Quantitative indicators by the types
of the comparative constructions meaning

Значэнне	Колькасць адзінак	Удзельная вага, %
Градацыйнае параўнанне	1458	68,7
уласна-якаснае	439	20,7
колькасна неакрэсленае	565	26,6
колькаснае	359	16,9
суперлятыўнае	95	4,5

Працяг табл. 1
Continuation table 1

Значэнне	Колькасць адзінак	Удзельная вага, %
Уласна-колькаснае	449	21,1
Стылістычнае параўнанне	213	10
Абмежавальнае	5	0,2
Усяго	2125	100

Градацыйнае параўнанне істотна пераважае сярод астатніх відаў канструкцый, што абумоўлена лінгвістычным статусам катэгорыі ступеней параўнання прыметніка і прыслоўя, паколькі кампаратыўныя формы накіраваны на выражэнне семантыкі градацыі – большай або меншай ступені інтэнсіўнасці праяўлення прыметы. Можна меркаваць, што метады градуальнага супастаўлення для навуковага стылю пры апісанні аб'ектаў даследавання з'яўляецца аптымальным, паколькі дапамагае дэталёва ахарактарызаваць прадмет не толькі праз наяўнасць або адсутнасць пэўных рыс, але дазваляе супаставіць аб'екты, адзначыць розніцу ў выражэнні прыметы, акрэсліць ступень яе інтэнсіўнасці, колькасную меру з прыцягненнем звестак адносна часу і месца праяўлення характарыстык. Такім чынам, аб'ект атрымлівае ўсебаковае апісанне з улікам дробных спецыфічных дэталей. Прыём градацыі выступае вядучым пры навуковым апісанні граматычных з'яў, напрыклад, ён ляжыць у аснове тэорыі марфалагічных катэгорый А. У. Бандаркі, які адзначаў большую гнуткасць градуальнага прынцыпу ў параўнанні з антанімічным супрацьпастаўленнем [22, с. 75]. Дарэчы, канструкцыі з абмежавальным значэннем, у якіх выкарыстоўваецца прынцып супрацьпастаўлення, як бачна з табл. 1, прадстаўлены ў навуковым стылі найменш з усіх відаў адзінак з кампаратывам.

Сярод адзінак са значэннем градацыйнага параўнання пераважаюць канструкцыі з **колькасна неакрэсленым параўнаннем**, пасля якіх паводле частотнасці прадстаўлены **градацыйныя ўласна-якасныя** канструкцыі. Гэта тлумачыцца граматычнай і семантычнай прыродай кампаратыва (форма непасрэдна выражае працэс і вынік супастаўлення аб'ектаў або аднаго аб'екта ў развіцці), а таксама ахарактарызуе навуковы стыль 1920–30-х гг., у тэкстах якога пераважаюць акрэсленыя тыпы градацыйных канструкцый. Тым не менш доля сінтаксічных канструкцый з **уласна-колькасным** значэннем у тэкстах навуковага стылю прыкладна такая ж, як і **ўласна-якасных** адзінак – амаль 21 %, у чым можна бачыць адносную раўнавагу ў перадачы кваліфікатыўнай і квантытатыўнай семантыкі. **Градацыйныя колькасныя** словазлучэнні з кампаратывам складаюць з улікам акруглення 17 %. Па-першае, такая статыстыка яшчэ раз пацвярджае меркаванне пра істотную ролю лічбавых даных для навуковага стылю як сродку канкрэтызацыі і доказу звестак, а таксама пераканання чытача. Па-другое, перавага канструкцый, якія не ўтрымліваюць лічбавы кампанент (градацыйныя колькасна неакрэсленыя, градацыйныя ўласна-якасныя), над адзінкамі, якія ўтрымліваюць паказчыкі дакладнай колькасці – лічэбнікі або іх семантычныя аналагі, тлумачыцца тым, што сінтаксічныя структуры з кампаратыўнымі формамі непасрэдна выражаюць семантыку супастаўлення, павышэння або паніжэння меры, гэта значыць прызначэнне такіх канструкцый у навуковым маўленні, як ужо было адзначана вышэй, – эксплікацыя градацыі. У сваю чаргу колькасныя паказчыкі ў навуковым стылі могуць уводзіцца і іншымі спосабамі на тэкставым узроўні, напрыклад праз выкарыстанне табліц, прывядзенне формул і разлікаў і г. д. Даволі часта лічбавы складнік уводзіцца ў дужках або пасля двукроп'я ў сказы, якія ў сваёй структуры ўтрымліваюць сінтаксічныя канструкцыі з формамі ступеней параўнання: *Крыху пазней ад Лівонскага ордэну (1225 г.) пры Балтыцкім моры, паміж Нёманам і Віслай, на землях літоўскага плямёння Прусаў абсеўся другі духоўна-рыцарскі ордэн – Тэўтонскі* (Ігнатоўскі 21, с. 41); *Раней за яе выйшлі з друку толькі нямецкая біблія (1445 г.) і чэская біблія (1488 г.)* (Ігнатоўскі 21, с. 64); *Чорнае мора болей за нашу Беларусь (500 км. шырыні ды болей 1.000 км. даўжыні)* (Грамыка 25, с. 95); *Таварнасьць бульбы ў Эўр. Расіі (19,1 %) вышэй, чым на Беларусі (13,3 %)* (Гарэцкі 26, с. 108); *Клубні тапінамбура больш вадзяністыя (79,6 проц.), чым бульба (75,1 проц.)* (Ярмашэвіч 35, с. 13); *Па сапраўдных-жа перастраўліваемых бялках клубні тапінамбура стаяць вышэй бульбы: 0,4 супроць 0,1 проц.* (Ярмашэвіч 35, с. 13).

Прыведзеныя вышэй прыклады адносяцца паводле значэння якраз да **градацыйнага колькаснага неакрэсленага і градацыйнага ўласна-якаснага** параўнанняў. Такім чынам, лічбавы складнік, хоць непасрэдна і не ўваходзіць у склад канструкцыі з кампаратывам, але ўключаны ў структуру сказа. Магчыма, па гэтай прычыне пазіцыя для ўвядзення колькасці пры градацыйным колькасна неакрэсленым кампаратыве адкрыта, але не запоўнена. Дапушчальна, што словазлучэнні, якія не ўтрымліваюць колькаснага ўдакладнення тыпу *наколькі / у колькі разоў*, выкарыстоўваюцца для акцэнтавання ўвагі не на колькасных зменах, а на саміх адрозненнях у характарыстыцы аб'ектаў, якія параўноўваюцца.

У навуковым стылі 1920–30-х гг. таксама сустракаецца **градацыйнае колькаснае** параўнанне з дадатковым лічэбнікам у структуры сказа: *У працаёмістых гандлёва-прамысловых расьлінах доля паноў на Беларусі ў два разы меншая, чым доля ў збожжы: 5 % супроць 9,6 %* (Гарэцкі 26, с. 100); *...прыходзіцца падымацца... на вышыню 4,39 м. (у два разы большую, чым да ніжніх)* (Ефім'яў 29, с. 27); *Паводле агульнага падліку, у БССР штогод гіне 1 млн. тон бульбы, г. зн. у два разы больш, чым перапрацоўваецца на заводзе* (ЦБС 30, с. 13). Хутчэй за ўсё прыведзеныя структуры служаць для акцэнтацыі змен даных, якія могуць не заўважацца, калі не правесці падлікі і супастаўленне з удакладненнем *наколькі / у колькі разоў*. Гэта ў сваю чаргу аказвае ўздзеянне на чытача, дазваляе аблягчыць успрыманне навуковай інфармацыі.

З пункта гледжання значнасці лічбавых даных для навуковай функцыянальнай разнавіднасці паказальна, што на ўзроўні сказа лічэбнікі могуць адносіцца ў тым ліку да суперлятыўных словазлучэнняў і адзінак са значэннем стылістычнага параўнання: *Суб'ектыўныя скаргі рабочых: больш за ўсё рабочыя скардзіліся на змардаванасць (больш 85 %)* (Ефім'яў 29, с. 37); *Пазней за ўсё – да 1885 г. – утрымаўся гэты род зброі ў англійскіх калёніяльных войсках* (Перэльман 33, с. 46); *Так, р. Прыпяць на працягу цячэння ад г. Пінску да свайго вусця мае ў летні межанны час значэнне ўхілу 0,000069, а ў час вясновай паводкі і таго менш – толькі 0,0000655* (Рагавы 33, с. 15). Гэта яшчэ раз указвае на істотную ролю лічбавых даных у навуковым стылі і сведчыць пра разнастайныя спосабы іх увядзення.

Праілюструем у табл. 2, як размеркаваны па падстылях сінтаксічныя адзінкі з кампаратывам.

Табліца 2

Размеркаванне па падстылях некаторых відаў канструкцый з кампаратывам, %

Table 2

Distribution by sub-styles of some kinds of constructions with comparative forms, %

Падстылі	Від значэння			
	Градацыйнае ўласна-якаснае	Градацыйнае колькасна неакрэсленае	Уласна-колькаснае	Градацыйнае колькаснае
Навучальны	29,6	33,3	23,4	51,2
Папулярны	31	27,6	37,9	32,9
Уласна навуковы	39,4	39,1	38,7	15,9
Усяго	100	100	100	100

Цікава, што паводле працэнтных суадносін па падстылях словазлучэнні з **градацыйным уласна-якасным параўнаннем** і канструкцыі з **уласна-колькасным** значэннем, якія паводле табл. 1 прадстаўлены ў навуковым стылі амаль аднолькава, дэманструюць павелічэнне колькасці ў напрамку ад навучальнага да ўласна навуковага падстылю. Доля **градацыйнага колькасна неакрэсленага параўнання** ўзрастае ад навукова-папулярнага падстылю да навучальнага і ўласна навуковага. Пры гэтым у тэкстах уласна навуковага падстылю гэтыя тры тыпы канструкцый прадстаўлены аднолькава – прыкладна па 39 %. **Градацыйныя колькасныя** канструкцыі ілюструюць адваротную дынаміку: іх колькасць узрастае ад уласна навуковага да папулярнага і навучальнага падстыляў. Такім чынам, мы можам назіраць пэўную раўнавагу ў размеркаванні адзінак з параўнальнымі формамі па падстылях. Так, уласна навуковая варыянтная разнавіднасць навуковага стылю ўтрымлівае прыблізна аднолькавую колькасць структур з **градацыйным уласна-якасным, колькасна неакрэсленым параўнаннем** і **ўласна-колькасным значэннем**, чым дасягаецца разнастайнасць у перадачы як градацыйнай параўнальнай, так і колькаснай сямантыкі. Можна дапусціць, што сінтаксічныя адзінкі, якія выражаюць **градацыйнае ўласна-якаснае і колькасна неакрэсленае параўнанне** выкарыстоўваюцца ва ўласна навуковым падстылі для падвядзення вынікаў, канстатацыі факта перавагі аднаго аб'екта над другім, гэта значыць на тэкставым узроўні прадстаўлены ў межах заключэнняў, высноў, а разнастайныя спосабы ўвядзення колькасных і лічбавых звестак, у тым ліку з прыцягненнем канструкцый з **уласна-колькасным значэннем**, папярэднічаюць гэтаму, чым і ўраўнаважваецца перадача параўнальных і колькасных даных. Спецыфіка навуковага стылю (і ў большай ступені яго ўласна навуковай разнавіднасці) заключаецца ў тым, што звесткі, якія не паддаюцца ўласна-колькасным падлікам і лічбаваму градуіраванню, прадстаўляюцца пры дапамозе кампаратыва ў градуіраванай форме, што дазваляе адрасату лягчэй засвоіць інфармацыю, якая падаецца ў члянмай форме тыпу *аб'ект А большы/лепшы/вышэйшы за аб'ект В*.

Думаецца, **градацыйных колькасных** канструкцый ва ўласна навуковым падстылі найменш таму, што яны ўтрымліваюць дадатковую дэталізацыю і канкрэтызацыю ў выглядзе колькасных характарыстык паводле наступнай структурнай схемы: *кампарытыў + аб'ект параўнання + колькасны паказчык (наколькі? / у колькі разоў?)*. Яна больш актуальная для навучальнага і папулярнага падстыляў у параўнанні з уласна навуковай разнавіднасцю. У нашай картатэцы зафіксаваны наступныя канструкцыі, уласцівыя толькі навукова-папулярнаму і навучальнаму падстылям: *...кожны сажань на 3 вяршкі даўжэй за кожныя 2 мэтры* (Перэльман 25, с. 8); *Старэйшы брат даў 1752 зл., серадольшы... зл., а малодшы ў 6 разоў меней, чымсь ягоныя браты разам* (Астроўскі 28, с. 39); *Гэта мерка ў 1000 разоў большая за літр і мільён разоў большая ад кубічнага сантымэтру* (ЗСУ 29, с. 29). Як бачна з прыведзеных прыкладаў, канструкцыі з кампаратывам выражаюць **ўласна-колькаснае** значэнне з выкарыстаннем элементаў **градацыйных колькасных** адзінак і носяць тлумачальна-даведачны і выразны дыдактычны характар, з прычыны чаго і выкарыстоўваюцца ў тэкстах навучальнай і папулярнай разнавіднасцей навуковага стылю.

Навукова-папулярны падстыль паводле разгледжаных у табл. 2 канструкцый займае прамежкавае становішча, аднак утрымлівае найменш адзінак, якія выражаюць **градацыйнае колькасна неакрэсленае параўнанне**, што магчыма патлумачыць неабходнасцю канкрэтызацыі і лічбавага ўдакладнення для нагляднасці ў перадачы звестак і пераканання чытача. Гэтым мэтам якраз найбольш і адпавядаюць канструкцыі з **градацыйным колькасным** і **ўласна-колькасным** значэннямі. Навукова-папулярны падстыль паводле **ўласна-якаснага** параўнання набліжаецца да навучальнага, а паводле **ўласна-колькасных** канструкцый – да ўласна навуковага падстылю, у чым можна бачыць своеасаблівае прамежкавае становішча навукова-папулярнага тыпу сярод варыянтных разнавіднасцей навуковага стылю беларускай літаратурнай мовы 1920–30-х гг.

Сінтаксічныя канструкцыі з кампаратывам, якія выражаюць значэнне **найвышэйшай ступені параўнання**, у навуковым стылі беларускай літаратурнай мовы 1920–30-х гг. складаюць у агульнай колькасці 4,5 % і з'яўляюцца найменш прадстаўленай разнавіднасцю з усіх відаў адзінак **градацыйнага параўнання**, у склад якіх яны ўключаны. Гэта можна патлумачыць адметнай здольнасцю кампаратыва выражаць ідэю і аперацыю параўнання ў адрозненне ад суперлятыва, які ілюструе вынік гэтага супастаўлення. Сінтаксічныя канструкцыі з формамі сінтэтычнай і аналітычнай найвышэйшай ступені параўнання зафіксаваны ў матэрыялах нашай картатэкі, якія датуюцца 1921–1930 гг. Можна лічыць іх ужыванне традыцый 1920-х гг., адлюстраванай у тагачасных нарматывах, напрыклад у падручніку Б. Тарашкевіча: *3-ая ступень – найвышэйшая: найвялікшы, найзелянейшы, або самы зялёны, самы вялікі, ці за ўсіх найзелянейшы, ад усіх найвялікшы і г. д.* (Тарашкевіч 21, с. 25). Пасля 1930 г. намі зафіксаваны канструкцыі толькі з формамі вышэйшай ступені параўнання прыметніка або прыслоўя ў значэнні найвышэйшай (так званая аналітычная форма суперлятыва). Такім чынам, мы можам назіраць адметную тэндэнцыю, калі адбываецца пераарыентацыя ў сродках, якія адпавядаюць па форме і змесце (фармальна і семантычна суадносяцца з формамі найвышэйшай ступені), на канструкцыі, у якіх адсутнічае фармальна-семантычная адпаведнасць: па форме яны адпавядаюць вышэйшай ступені параўнання прыметніка і прыслоўя, а па значэнні – найвышэйшай¹².

Паказальнымі ў плане дынамікі з'яўляюцца суперлятыўныя канструкцыі з формамі кампаратыва і залежнымі ад іх назоўнікамі, якія паясняюцца спалучэннем займеннікаў *усякі другі, усякі іншы, які іншы*: *Як кармавая расьліна, палюшка дае больш, як усякія другія травы* (Карм 22, с. 16); *Адгэтуль больш, чым з якога іншае часткі Беларусі, сялянства выходзіць на зарабаткі* (Смоліч 24, с. 29); *Яравы ячмень менш за ўсё іншае збожжа патрабуе цяпла* (Кацаўраў 25, с. 3). Залежны ад кампаратыва назоўнік можа не прыводзіцца, і тады лексема ў форме вышэйшай ступені параўнання паясняецца таксама спалучэннем займеннікаў *хто-небудзь іншы, які іншы*: *Шляхціц больш захаваў культурна-нацыянальных традыцый, тыповай беларушчыны, як хто-небудзь іншы* (Лёсік 24, с. 101); *У часе даследавання гэтага глеба, больш чым якая іншая, была высушана канюшынай на глыбіню да 90 см* (Рагавы 33, с. 67). Канструкцыі такога тыпу, зафіксаваныя ў нашай картатэцы, ужываліся да 1933 г. уключна. Пасля 1933 г. у якасці паясняльных выступаюць сродкі, якія выкарыстоўваюцца на працягу ўсяго даследуемага перыяду 1920–30-х гг.: спалучэнні *ўсе іншыя, уся астатняя* або толькі адзін займеннік (*усё, увесь, іншы, другі*): *Гэтыя шклы выцягваліся больш роўнамерна і лепш за ўсе іншыя; першае і другое шклы цягнуліся таней* (Кітайгародскі-1 34, с. 22); *Земляная груша, як паша для свіней, стаіць вышэй іншых культур* (Ярмашэвіч 35, с. 14); *Гэты бак павінен быць пастаўлен вышэй усіх дамоў горада* (Фалееў 35, с. 37); *Пасадка прарошчанай бульбы для атрымання летняга ўраджаю павінна вытварацца*

¹² Суперлятыўныя канструкцыі, якія не суадносяцца фармальна і семантычна, лічацца спецыфічнымі і для сучаснай украінскай мовы (гл.: Баран Т. С. Система средств выражения степени признака в украинском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02. Киев, 1987. С. 13).

калгасам або соугасам у першую чаргу, г. зн. **раней пасадкі усёй астатняй бульбы** (Дарожкін 36, с. 25). У канцы 1930-х гг. пачынае выкарыстоўвацца ў якасці залежнага пры займенніку, якім кіруе кампаратыў, своеасаблівы аналаг займенніка – дзеепрыметнік *пералічаны*: ...*акажуцца значна лепшымі за ўсе пералічаныя тут сарты* (Дарожкін 36, с. 38). Такім чынам, калі да 1933 г. кола займеннікаў, залежных ад кампаратыва або назоўніка, які паясняе форму вышэйшай ступені параўнання, шырокае і разнастайнае, то пасля 1933 г. гэты пералік звужаецца. З канца 1930-х гг. ва ўжытак уваходзіць словазлучэнне *ўсе пералічаныя*, якое, можна меркаваць, з’яўляецца запазычаннем з рускай мовы.

У «Граматыцы беларускай мовы» 1966 г. адзначана элятыўнае значэнне ў канструкцыі з кампаратывам або суперлятывам прыслоўя і залежнымі займеннікамі *ўсё і ўсіх* [13, с. 247]. У нашай картатэцы сярод канструкцыі з кампаратывам прыметніка або прыслоўя зафіксаваны адзінкі суперлятыўнага характару з залежным займеннікам *усіх*: ...*лёгка распазнаць па яго роўнаму беламу сьвятлу, якое **ясьнейшае ад усіх** плянэтаў і зоркаў* (Астроўскі 24, с. 62); *Беларуская сьвіннья была цяжэйшая, чым **прамысловая**, ... і раптам зрабілася **лягчэй за іх усіх*** (Гарэцкі 26, с. 21); *Гэты бак павінен быць настаўлен **вышэй усіх** дамоў горада* (Фалееў 35, с. 37); *Прычына ў тым, што ірацінкі рухаюцца з рознай скорасцю: **быстрэй усіх** рухаецца свабодна падаючая* (Перэльман 36, с. 58). Элятывы з займеннікам у форме *ўсіх* не адзначаны ў навуковым стылі 1920–30-х гг. Магчыма, гэта звязана з тым, што множны лік займенніка ўказвае на множнасць аб’ектаў параўнання, а гэта, у сваю чаргу, уласціва канструкцыям, якія выражаюць суперлятыўнае значэнне. Такім чынам, матэрыялы навуковага стылю паказваюць, што ў канструкцыях суперлятыўнага характару ўжываецца займеннік *усіх*, а ў канструкцыях элятыўнага тыпу – займеннік *ўсё (ўсяго)*.

Прадставім у табл. 3 рамеркаванне адзінак з **суперлятыўным і элятыўным** значэннямі, а таксама ўдакладнім ужыванне канструкцыі **стылістычнага параўнання** па падстылях.

Табліца 3

Канструкцыі з суперлятывам, элятывам
і стылістычным параўнаннем паводле падстыляў, %

Table 3

Superlative, elative constructions and stylistics
comparison by sub-styles, %

Падстыль	Суперлятывы	Элятывы	Стылістычнае параўнанне
Навучальны	25,3	33,8	32
Папулярны	40	48	49,3
Уласна навуковы	34,7	18,2	18,7
Усяго	100	100	100

Паводле статыстычных даных, навукова-папулярная разнавіднасць навуковага стылю ўтрымлівае найбольш канструкцыі з суперлятыўным і элятыўным значэннем і, адпаведна, больш адзінак стылістычнага параўнання, у якім элятывы займаюць вядучыя пазіцыі. Канструкцыі элятыўнага характару выкарыстоўваюцца ў навукова-папулярным падстылі, як мы адзначалі вышэй, для таго каб выказаць параду, пераканаць чытача зрабіць выбар на карысць прапанаваных звестак, якія характарызуюцца з дапамогай элятываў як значныя і эфектыўныя: *Але **лепш за ўсё** кукурузу сеяць паміж дзівюма хлебнымі расьлінамі* (Кацаўраў 25, с. 60); *Для зручнасці запісаў ды ўліку **лепш за ўсё** ўсю вагу і вылічэнні запісаць на табліцу* (Качаткоў 29, с. 42). Канструкцыі са значэннем найвышэйшай ступені параўнання таксама выкарыстоўваюцца ў навукова-папулярным і навучальным падстылях з мэтай ўзмацнення і інтэнсіфікацыі, паколькі часта выступаюць як сінанімічныя для словазлучэнняў з галоўным словам прыметнікам або прыслоўем у так званай форме пазітыву і залежным ад іх інтэнсіфікатарам: *Засяваць трэба яго **вельмі рана, раней усяго іншага азімага збожжжа*** (Кацаўраў 25, с. 19); *займае ў ёй **дужа вялікія** прасторы, **большыя, чым у якой хаця іншай з сумежных старон*** (Смоліч 25, с. 158).

Ва ўласна навуковай разнавіднасці навуковага стылю, у адрозненне ад навукова-папулярнага падстылю, найменш элятываў, як і адзінак стылістычнага параўнання, паколькі асноўнае прызначэнне такога тыпу канструкцыі – выражэнне дапушчэння і ўласнага меркавання з адценнем рознай ступені ўпэўненасці: *штогодні абшар угнаення дасягае 66,8 %, што магчыма тлумачыць ня толькі велічынёй увалу гною, які не такі ўжо і малы (1.200 пуд. на дзесяц.), а **хутчэй усяго** лепшай забяспечанасцю скацінай* (Матар’ялы 25, с. 209); ***Хутчэй за ўсё** – усе памянёныя намі кампазіцыі ўвасходзяць да нейка-*

га адзінага супольнага арыгіналу (Шчакаціхін 26, с. 15). Такім чынам, калі канструкцыі стылістычнага параўнання ў навукова-папулярным і навучальным падстылях прызначаны для пераканання чытача, то ва ўласна навуковай разнавіднасці навуковага стылю яны служаць для афармлення працэсу думкі, пошуку інфармацыі, што дазваляе паказаць даследчы характар навуковай работы. Такое своеасаблівае «запрашэнне» чытача да пазнавальнай дзейнасці актывізуе «псіхалагічную патрэбу чалавека ў пошукавай актыўнасці» [23, с. 178] і спрыяе лепшаму разуменню навуковага тэксту.

Колькасць канструкцый са значэннем суперлятыва ўзрастае ад навучальнага і ўласна навуковага да папулярнага падстылю. У сувязі з гэтым выглядае заканамерным, што для навучальнай і ўласна навуковай разнавіднасцей навуковага стылю больш актуальным выступае высвятленне розных адценняў супастаўлення, чым канстатацыя перавагі аб'екта над групай аб'ектаў, якая, у сваю чаргу, рэалізуецца больш актыўна ў навукова-папулярных тэкстах. Найбольшая колькасць канструкцый з суперлятывым значэннем і значэннем стылістычнага параўнання ў навукова-папулярным падстылі тлумачыцца асноўным прызначэннем такіх адзінак – стварэннем дадатковай выразнасці і экспрэсіі.

Заклучэнне

Такім чынам, прааналізаваўшы колькасныя паказчыкі канструкцый з кампаратывам прыметніка або прыслоўя і іх размеркаванне паводле стылістычнай разнавіднасці, мы можам канстатаваць, што беларуская літаратурная мова ў 1920–30-я гг. была разгалінаванай, стылістычна аформленай нацыянальнай мовай. Калі ў нашаніўскі перыяд, як адзначаюць вучоныя, адбывалася фарміраванне толькі навукова-папулярнага падстылю¹³, то ў наступныя дзесяцігоддзі, за адносна кароткі прамежак часу беларуская літаратурная мова характарызуецца больш распрацаванай сістэмай стылістычных адзінак. У навуковым стылі пачынаюць проціпастаўляцца тры стылявыя разнавіднасці: уласна навуковая, навукова-папулярная і навучальная. Аднак працэс афармлення навуковага стылю і яго сродкаў у даследуемы перыяд не быў аднародным і завершаным, іерархія сродкаў знаходзілася ў стадыі ўдакладнення або пераразмеркавання, граматычныя адзінкі замацоўваліся за пэўным падстылем, дзе найлепш маглі рэалізаваць свой стылістычны патэнцыял.

У ходзе аналізу канструкцый з кампаратывам адзначана, што лексічнае значэнне прыслоўя ўплывае на тып параўнальнага значэння сінтаксічнай канструкцыі. Матэрыялы навуковага стылю беларускай літаратурнай мовы 1920–30-х гг. дазволілі адзначыць тэндэнцыю да элітывізацыі кампаратыва ў навукова-папулярнай разнавіднасці з мэтай парады і пераканання чытача. Даследаванне форм вышэйшай ступені параўнання прыметніка і прыслоўя ў навуковым стылі паказала, што сінтаксічныя канструкцыі з кампаратывам могуць выступаць у якасці стылеўтваральнага сродку, а катэгорыя ступені параўнання выкарыстоўваецца для рэалізацыі стылістычных мэт выказвання, а таму можа разглядацца як катэгорыя, якая выражае пазнавальную дзейнасць (параўнанне) і стварае стылістычны зарад выказвання. Вывучэнне структур з кампаратывам на матэрыяле навуковых тэкстаў дазволіла выявіць, што сінтаксічныя канструкцыі з формамі вышэйшай (і з некаторымі формамі найвышэйшай) ступені параўнання прыметніка або прыслоўя ў навуковым стылі рэалізуюць наступныя камунікатыўныя заданні: адлюстроўваюць пазнавальную аперацыю параўнання, прадстаўляюць яе вынік, выражаюць гіпотэзу, парад, робяць акцэнт на аб'екце або яго характарыстыцы. Акрамя таго, у выніку даследавання канструкцый з кампаратывам былі акрэслены некаторыя тэндэнцыі ў развіцці беларускай літаратурнай мовы 1920–30-х гг.: пасля 1930 г. адзначана пераарыентацыя ў суперлятывымых формах, якія не суадносяцца фармальна і семантычна; пасля 1933 г. зафіксаваны звужаны набор займеннікаў, якія паясняюць кампаратыў або залежны ад яго назоўнік.

Выяўленая сукупнасць сінтаксічных канструкцый з формамі вышэйшай ступені параўнання прыметніка або прыслоўя ў навуковым стылі беларускай літаратурнай мовы 1920–30-х гг. сведчыць пра тое, што матэрыялы навуковай функцыянальна-стылявой разнавіднасці літаратурнай мовы вызначаюць перыяду ўтрымліваюць значныя, яшчэ не апісаныя звесткі для таго, каб ясна і колькасна ахарактарызаваць спецыфіку фарміравання нацыянальнай беларускай мовы. Пры апісанні граматычных канструкцый неабходна ўлічваць функцыянальна-стылістычны аспект, які выступае важным фактарам пры распрацоўцы тэарэтычных пытанняў, удакладнення класіфікацыі моўных адзінак. Для навуковага стылю пры апісанні аб'ектаў даследавання метадаў градуальнага супастаўлення з'яўляецца семантычна і стылістычна абгрунтаваным, яго выкарыстанне дазваляе апісаць аб'ект па магчымасці поўна і ўсебакова. Розныя віды кампаратыўных форм так ці інакш прымаюць удзел у выражэнні градацыі: градацыйныя злучнікі, элітывы як безадносны да параўнання сродак градацыі, розныя віды стылістычнага параўнання. Увогуле, сродкі градацыі розных узроўняў моўнай сістэмы патрабуюць падрабязнага даследавання ў беларускім мовазнаўстве.

¹³ Гл., напрыклад: Мова «Нашай Нівы». Семантыка. Стылістыка / рэд. В. П. Лемцюгова. Мінск : Беларус. навука, 2014.

Скарачэнні

Астроўскі 24 – *Астроўскі Р.* Космографія. Вільня : Беларус. выд. таварыства, 1924; **Астроўскі 28** – *Астроўскі Р.* Арытмэтычны задачнік. Для 4, 5, і 6 аддзелаў пачатковых школ. Ч. 2. Вільня : Віл. выд-ва Б. Клецкіна, 1928; **Гарэцкі 26** – *Гарэцкі Г.* Народны прыбытак Беларусі. Менск : Выд-ва Дзяржплану Б.С.С.Р., 1926; **Гольдфарб 36** – *Гольдфарб Я. Л., Смаргонскі Л. М.* Задачы і практыкаванні па хіміі для сярэдняй школы. 3-е выд. Менск : Дзярж. выд-ва Беларусі : Вучпедсектар, 1936; **Грамыка 25** – *Грамыка М.* Пачатковая географія. Менск: Дзярж. выд-ва Беларусі, 1925; **Дарожкін 36** – *Дарожкін Н. А., Максімовіч М. М.* Як павялічыць ураджай бульбы. Менск : Выд-ва Беларус. акад. навук, 1936; **Дыдырка 32** – *Дыдырка У.* Цыркулярныя крывыя 3-га парадку // Пр. Беларус. дзярж. ун-ту. Фіз.-матэ. фак. 1932. № 26. С. 19–142; **Дыла 24** – *Дыла Я.* Соцыялістычны рух на Беларусі // Беларусь. Нарысы гісторыі, эканомікі, культурнага і рэвалюцыйнага руху / пад агул. рэд. А. Сташэўскага, З. Жылуновіча, У. Ігнатоўскага з дапамогай А. Смоліча, С. Некрашэвіча, Я. Пятровіча. Менск, 1924. С. 124–140; **Ермоленко-1 36** – *Ермоленко Н. Ф.* Фільтрацыйны аналіз, як дысперсоіданалітычны метада ацэнкі адсарбентаў // Вучоныя зап. 1936. № 28. С. 3–17; **Ермоленко-3 36** – *Ермоленко Н. Ф.* Гідратная тэорыя раствораў // Вучоныя зап. 1936. № 28. С. 35–52; **Ефім'яў 29** – *Ефім'яў С. М., Мішчэнка Б. Б.* Абследаванне рабочих бровару «Беларусь» у Менску. 3 клікі прафэсійных хвароб // Беларус. мэд. думка. 1929. № 2–4. С. 13–43; **Жылуновіч 20** – *Жылуновіч Д. Ф.* Беларуская літэратура (нарысы і агляды) // Курс белоруссоведения. Лекции, читанные в Белорусском народном университете в Москве летом 1918 года. М., 1918–1920. С. 258–288; **Жылуновіч 24** – *Жылуновіч З.* Беларускаяе пісьменства. Гістарычна-крытычны нарыс // Беларусь. Нарысы гісторыі, эканомікі, культурнага і рэвалюцыйнага руху / пад агул. рэд. А. Сташэўскага, З. Жылуновіча, У. Ігнатоўскага з дапамогай А. Смоліча, С. Некрашэвіча, Я. Пятровіча. Менск, 1924. С. 287–322; **ЗСУ 29** – Завочны сялянскі універсітэт / адк. рэд. праф. А. І. Кайгарадаў. Горкі : Друк. Акад.; 1929; **Ігнатоўскі 21** – *Ігнатоўскі У. М.* Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. 2-е выд. Вільня : Выд-ва У. Знамяроўскага, 1921; **Іпэль 25** – *Іпэль А.* Беларуская мастацтва / пер. з нем. З. Гарбаўца, М. Каспяровіча. Віцебск: [б. в.], 1925; **Карм 22** – Кармовыя расьліны «Сырадэля» й «Пялюшка». Менск : Беларус. кооп.-выд. тав-ва «Адраджэньне», 1922; **Каспяровіч 25** – *Каспяровіч М.* Беларуская архітэктура / прадм. М. Шчакаціхіна. Віцебск : [б. в.], 1925; **Кацаўраў 25** – *Кацаўраў М.* Ячмень, авёс, проса, грэчка, кукуруза. Менск : Дзярж. выд-ва Беларусі, 1925; **Качаткоў 29** – *Качаткоў В.* Хмяі на службе селяніну. Менск : Беларус. дзярж. выд-ва, 1929; **Кашын 24** – *Кашын Н. В.* Фізыка. Першая ступень. Курс пабудованы на аснове лабараторных заняткаў. Ч. 1. М. ; Л. : Дзярж. выд-ва, 1924; **Кітайгародскі-1 34** – *Кітайгародскі І. І., Брэгман Н.* Выкарыстанне даламітаў БССР у механізаванай вытворчасці шкла // Мясцовая сыравіна ў шкляной вытворчасці. Вып. 3. Менск, 1934. С. 3–24; **Лёсік 24** – *Лёсік Я.* Культурны стан Беларусі к моманту Лютаўскае рэвалюцыі // Беларусь. Нарысы гісторыі, эканомікі, культурнага і рэвалюцыйнага руху / пад агул. рэд. А. Сташэўскага, З. Жылуновіча, У. Ігнатоўскага з дапамогай А. Смоліча, С. Некрашэвіча, Я. Пятровіча. Менск, 1924. С. 100–118; **Матар'ялы 25** – Матар'ялы абследавання тэхнікі сялянскай гаспадаркі / пад рэд. проф. С. Скандракова. Менск : Ін-т бел. культуры, 1925; **Міцкевіч 26** – *Міцкевіч К.* Мэтодыка роднае мовы. Менск : Дзярж. выд-ва Беларусі, 1926; **Міцкевіч 30** – *Міцкевіч К., Тэпін В.* Мэтодыка роднай мовы. Менск : Беларус. дзярж. выд-ва, 1930; **Перэльман 25** – *Перэльман Я. І.* Новыя і старыя меркі. Мэтрычныя меркі ў штодзённым жыцці й лягчэйшыя спосабы пераводу іх на расійскія. Менск : Дзярж. выд-ва Беларусі, 1925; **Перэльман 33** – *Перэльман Я. І.* Міжпланетавыя падарожжы. Асновы ракетнага лятання і зоркаплавання. Менск : НКЛП БССР : Дзярж. навук.-тэхн. выд-ва, 1933; **Перэльман 36** – *Перэльман Я. І.* Цікавая механіка. Менск : Дзярж. выд-ва Беларусі, 1936; **Піотуховіч 25** – *Піотуховіч М. М.* Францышак Багушэвіч як ідэоляг беларускага адраджэньня і як мастак // Пр. Беларус. дзярж. ун-ту. 1925. № 6/7. С. 19–34; **Пічэта 24** – *Пічэта У.* Клясавыя супярэчнасці ў Беларусі напярэдадні рэвалюцыі // Беларусь. Нарысы гісторыі, эканомікі, культурнага і рэвалюцыйнага руху / пад агул. рэд. А. Сташэўскага, З. Жылуновіча, У. Ігнатоўскага з дапамогай А. Смоліча, С. Некрашэвіча, Я. Пятровіча. Менск, 1924. С. 78–99; **Рагавы 33** – *Рагавы П.* Працы агра-глебавага інстытуту. Т. 2. Мінск : Выд-ва Беларус. акад. навук, 1933; **Румін 28** – *Румін В. В.* Забаўная хмяі. : пер. выбр. арт. / пад рэд. М. Грамыкі. Менск : Беларус. дзярж. выд-ва, 1928; **Румін 36** – *Румін В. В.* Цікавая хімія. Менск : Дзярж. выд-ва Беларусі, 1936; **Сагаловіч 33** – *Сагаловіч Г., Шкраба А.* Матэматыка для IV году навучання. Менск : Дзярж. выд-ва Беларусі, 1933; **Смоліч 24** – *Смоліч А.* Эканомічнае становішча Беларусі перад вайною і рэвалюцыяй // Беларусь. Нарысы гісторыі, эканомікі, культурнага і рэвалюцыйнага руху / пад агул. рэд. А. Сташэўскага, З. Жылуновіча, У. Ігнатоўскага з дапамогай А. Смоліча, С. Некрашэвіча, Я. Пятровіча. Менск, 1924. С. 22–77; **Смоліч 25** – *Смоліч А.* Тыпы географічных краявідаў Беларусі. Менск : Ін-т бел. культуры, 1925; **Сьветабуд 28** – *Міцкевіч А., Круталевіч А.* Асновы сьветабудовы : падручнік для тэхнікумаў і самаадукацыі. Менск : Беларус. дзярж. выд-ва, 1928; **Тарашкевіч 21** – *Тарашкевіч Б.* Беларуская граматыка для школ. Менск ; Вільня ; Бэрлін : Выд. тав-ва «Вываленне», 1921; **Трэпка 22** – *Трэпка А.* Фізыка. Курс VI класы гімназіі. Мэханіка. Цяпільня. Вільня : Віл. выд-ва Б. Клецкіна, 1922; **Фалееў 35** – *Фалееў Г. І., Перышкін А. В.* Фізіка. Ч. 1 : падруч. для 6-га класа сярэд. шк. 3-е выд. Менск : Дзярж. выд-ва Беларусі, 1935; **ЦБС 30** – Цэнтральная бульбяная станцыя. Да 1-ай усебеларускай выстаўкі сельскае гаспадаркі і прамысловасці / Беларус. навук.-даслед. ін-т сел. і ляс. гаспадаркі імя У. І. Леніна пры СНК БССР. Менск : Беларус. дзярж. выд-ва, 1930; **Цьвікевіч 24** – *Цьвікевіч І.* Гадаванне грудных дзяцей. Менск : Белтрэстдрук, 1924; **Цьвікевіч 27** – *Цьвікевіч І.* Што рабіць, каб доўга жыць. Менск: Беларус. дзярж. выд-ва, 1927; **Шпілеўскі 29** – *Шпілеўскі І. В., Бабровіч Л. А.* Мястэчка Койданава : адбітак з часоп. «Наш край» за 1929 г. № 2–4. Менск : [б. в.], 1929; **Шчакаціхін 26** – *Шчакаціхін М.* Гравюры і кніжныя аздобы ў выданьнях Францішка Скарыны : адбіта з юбіл. выд. «Чатырохсотлецце беларускага друку». Менск : Ін-т беларус. культуры, 1926. **Янчук 22** – *Янчук Н. А.* Нарысы па гісторыі беларускае літаратуры. Старадаўны пэрыяд : курс, прачыт. у Маск. ун-це / пад рэд. У. Дзяржынскага. Менск : Беларус. кооп.-выд. тав-ва «Адраджэньне», 1922; **Ярмашэвіч 35** – *Ярмашэвіч Я. М., Турок С. О., Шыперко Э. І.* Тапінамбур і цыкорыя – новыя віды сыравіны для харчовай прамысловасці. Менск : Дзярж. выд-ва Беларусі : Сельгассектар, 1935.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Крамко І, Юрэвіч А, Яновіч А. *Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Том 2.* Мінск: Навука і тэхніка; 1968. 342 с.
2. Кожина МН, Салимовский ВА, Котурова МП, Важенова ЕА, Кириченко НВ, Трошева ТБ. *Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII – XX вв. Том 1. Развитие научного стиля в аспекте функционирования языковых единиц различных уровней. Часть 1.* Кожина МН, редактор. Пермь: Издательство Пермского университета; 1994. 300 с.
3. Кожина МН, редактор. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка.* Москва: Флинта; 2006. 696 с. Совместное издание с «Наука».

4. Кожина МН, Дускаева ЛР, Салимовский ВА. *Стилистика русского языка*. Москва: Флинта; 2008. 464 с. Совместное издание с «Наука».
5. Запрудскі СМ. *Беларускае мовазнаўства і развіццё беларускай літаратурнай мовы: 1920–1930-я гады*. Мінск: БДУ; 2013. 367 с.
6. Кулеш ГІ. Паняцце гістарычнай стылістыка: да праблемы вызначэння зместу. У: Будзько ІУ, Паляшчук НВ, рэдактары. *Гістарычнае мовазнаўства ў кантэксце міждысцыплінарных даследаванняў. Зборнік артыкулаў Міжнароднай навуковай канферэнцыі; 25–26 кастрычніка 2017 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: Права і эканоміка; 2017. с. 131–135.
7. Міхневіч АЯ, рэдактар. *Беларуская мова: энцыклапедыя*. Мінск: БелЭн; 1994. 655 с.
8. Бодуэн де Куртенэ ІА. Количественность в языковом мышлении. В: Бодуэн де Куртенэ ІА. *Избранные труды по общему языкознанию. Том 2*. Москва: Издательство Академии наук СССР; 1963. с. 311–324.
9. Басова ГД, Качура АВ, Кихно АВ, Мусиенко ВП, Озерова НГ, Олейник ГП. *Сопоставительная грамматика русского и украинского языков*. Киев: Наукова думка; 2003. 534 с.
10. Козырев ИС. Из истории развития предлогов при форме сравнительной степени в белорусском и русском языках. *Вопросы языкознания*. 1972;2:90–98.
11. Шэмет ТЯ. Спосабы выражэння параўнальнага і колькаснага значэнняў у сінтаксічных канструкцыях з кампаратывам. *Беларуская лінгвістыка*. 2011;67:15–22.
12. Сенкевич МП. *Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений*. Москва: Высшая школа; 1984. 319 с.
13. Крапіва КК, Булахуў МГ, Шуба ПП, рэдактары. *Граматыка беларускай мовы. Том 2. Сінтаксіс*. Мінск: Навука і тэхніка; 1966. 756 с.
14. Бірыла МВ, Шуба ПП, рэдактары. *Беларуская граматыка. Частка 1. Фаналогія. Арфаэпія. Марфалогія. Словаўтварэнне. Націск*. Мінск: Навука і тэхніка; 1985. 431 с.
15. Бірыла МВ, Шуба ПП, рэдактары. *Беларуская граматыка. Частка 2. Сінтаксіс*. Мінск: Навука і тэхніка; 1986. 327 с.
16. Лукашанец АА, рэдактар. *Кароткая граматыка беларускай мовы. Частка 1. Фаналогія. Марфалогія. Марфалогія*. Мінск: Беларуская навука; 2007. 351 с.
17. Жаўняровіч П. Ступені параўнання прыметнікаў і прыслоўяў. Словаформы і сінтаксічныя сувязі. *Роднае слова*. 2000;8:73–76.
18. Бурак ЛІ. *Сучасная беларуская мова. Сінтаксіс. Пунктуацыя*. Мінск: Універсітэцкае; 1987. 320 с.
19. Бондарко АВ, Булыгина ТВ, Воейкова МД, Козинцева НА, Маслов ЮС, Павлов ВМ. *Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность*. Санкт-Петербург: Наука; 1996. 264 с.
20. Карабань ІА. Элатив і суперлатив. *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна. Серыя 4. Філалогія. Журналістыка*. 1970;3:35–40.
21. Конюшкевич МИ, Корниц МА, Лещенко ВА. *Синтаксис русского и белорусского языков: сходство и различия*. Минск: Народная асвета; 1994. 157 с.
22. Бондарко АВ. *Теория морфологических категорий*. Ленинград: Наука; 1976. 254 с.
23. Селігей ПО. Наукowy стиль украінскай мовы: рэсурсы оновлення. *Мовознавство*. 2006;2–3:174–186.

References

1. Kramko I, Yurewich A, Janowich A. *Gistoryja belaruskaj litaraturnaj movy. Tom 2* [History of the Belarusian literary language. Volume 2]. Minsk: Navuka i tjehnika; 1968. 342 p. Belarusian.
2. Kozhina MN, Salimovskij VA, Kotyurova MP, Bazhenova EA, Kirichenko NV, Troshewa TB. *Ocherki istorii nauchnogo stilya russkogo literaturnogo yazyka XVIII – XX vekov. Tom 1. Razvitie nauchnogo stilya v aspekte funkcionirovaniya yazykovykh edinits razlichnykh urovnei. Chast' 1* [Sketches of the history of scientific style of the Russian literary language in the XVIII–XXth centuries. Volume 1. Scientific style development in the aspect of linguistic units functioning. Part 1]. Kozhina MN, editor. Perm: Perm State University publishing house; 1994. 300 p. Russian.
3. Kozhina MN, editor. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow: Flinta; 2006. 696 p. Co-published by the «Nauka». Russian.
4. Kozhina MN, Duskajewa LR, Salimovskij VA. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian language]. Moscow: Flinta; 2008. 464 p. Co-published by the «Nauka». Russian.
5. Zaprudski S. *Belaruskae movaznawstva i razvicio belaruskaj litaraturnaj movy: 1920–1930-ja gady* [Belarusian linguistics and Belarusian literary language development: 1920–1930s]. Minsk: Belarusian State University; 2013. Belarusian.
6. Kulesh HI. [The concept of historical stylistics: problem of the definition]. In: Budzko IU, Palyashchuk NV, editors. *Gis-tarychnae movaznawstva w kantjeksce mizhdyscyplinarnykh dasledavannjaw. Zbornik artykulaw Mizhnarodnaj navukovaj kanferjencyi; 25–26 kastyrychnika 2017 g.; Minsk, Belarus'* [Historical linguistics in the context of multidisciplinary researches. Collection of articles of the International scientific conference; 2017 October 25–26; Minsk, Belarus]. Minsk: Prava i jekanomika; 2017. p. 131–135. Belarusian.
7. Mikchnievich AY, editor. *Belaruskaja mova: jencyklapedyja* [The Belarusian language: encyclopedia]. Minsk: BelJen; 1994. 655 p. Belarusian.
8. Boduen de Kurtene IA. [Quantitativeness in linguistic thinking]. In: Boduen de Kurtene IA. *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniju. Tom 2* [Selected writings on general linguistics. Volume 2]. Moscow: USSR Academy of Science Publishing House; 1963. p. 311–324. Russian.
9. Basova GD, Kachura AV, Kikchno AV, Musienko VP, Ozerova NG, Olejnik GP. *Sopostavitelnaya grammatical russkogo i ukrainskogo yazykov* [Comparative grammar of the Russian and Ukrainian languages]. Kiev: Naukova dumka; 2003. Russian.
10. Kozirev IS. From the history of prepositions used with forms of comparative degree of adjectives in Bielorrussian and Russian languages. *Voprosy yazykoznanija*. 1972;2:90–98. Russian.
11. Shemet TJ. [Ways of expressing of comparative and quantitative meanings in syntactic constructions with comparative forms]. *Belaruskaja lingvistyka*. 2011;67:15–22. Belarusian.

12. Senkievich MP. *Stilistika nauchnoi rechi i literaturnoe redaktirovanie nauchnykh proizvedenii* [Stylistics of scientific speech and copyediting for scientific works]. Moscow: Vysshaya shkola; 1984. 319 p. Russian.
13. Krapiva KK, Bulakchau MG, Shuba PP, editors. *Gramatyka belaruskaj movy. Tom 2. Sintaksis* [Grammar of the Belarusian language. Volume 2. Syntax]. Minsk: Navuka i tjehnika; 1966. 756 p. Belarusian.
14. Biryła MV, Shuba PP, editors. *Belaruskaja gramatyka. Chastka 1. Fanalogija. Arfajepija. Marfalogija. Slovawtvarjenne* [Belarusian grammar. Part 1. Phonology. Pronunciation. Morphology. Word formation. Accent]. Minsk: Navuka i tjehnika; 1985. 327 p. Belarusian.
15. Biryła MV, Shuba PP, editors. *Belaruskaja gramatyka. Chastka 2. Sintaksis* [Belarusian grammar. Part 2. Syntax]. Minsk: Navuka i tjehnika; 1985. 327 p. Belarusian.
16. Lukashanets AA, editor. *Karotkaja gramatyka belaruskaj movy. Chastka 1. Fanalogija. Marfanalogija. Marfalogija* [A brief grammar of the Belarusian language. Part 1. Phonology. Morphology. Morphology]. Minsk: Belarusskaja navuka; 2007. 351 p. Belarusian.
17. Zhauniarovich P. [Comparison forms of adjectives and adverbs. Word forms and syntax relations]. *Rodnaye slova*. 2000;8: 73–76. Belarusian.
18. Burak LI. *Suchasnaja belaruskaja mova. Sintaksis. Punktucyja* [Modern Belarusian language. Syntax. Punctuation]. Minsk: Universitjckae; 1987. 320 p. Belarusian.
19. Bondarko AV, Bulygina TV, Voieckova MD, Kozinceva NA, Maslow YuS, Pavlov VM. *Teoriya funkcionalnoi grammatiki. Kachestvennost. Kolichestvennost* [The theory of functional grammar. Qualitativeness. Quantitativeness]. Saint Petersburg: Nauka; 1996. 264 p. Russian.
20. Karaban IA. [Elative and superlative forms]. *Vesnik Belaruskaga dzjarzhawnaga wniversitjeta imja U. I. Lenina. Seryja 4. Filalogija. Zhurnalistyka*. 1970;3:35–40. Russian.
21. Konushkievich MI, Korchic MA, Leshchenko VA. *Sintaksis russkogo i belorusskogo yazykov: skhodstvo i razlichija* [Russian and Belarusian syntax: similarities and differences]. Minsk: Narodnaja asveta; 1994. 157 p. Russian.
22. Bondarko AV. *Teoriya morfologicheskikh kategoriy* [Theory of the morphological categories]. Leningrad: Nauka; 1976. 254 p.
23. Selihey P. Scientific style of the Ukrainian language: resources of renovation. *Movoznavstvo*. 2006;2–3:174–186. Ukrainian.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 16.06.2019.
Received by editorial board 16.06.2019.

Фольклористика

Фалькларыстыка

FOLKLORE STUDIES

УДК 398(476)«1930/1960»

САМОДЕЯТЕЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК САМОРЕПРЕЗЕНТАТИВНАЯ ПРАКТИКА СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ 1930–60-х гг.

А. А. ГУЛАК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Исследуется формирование в социально-культурном дискурсе Беларуси масштабного и уникального по своей сути проекта под названием «советский фольклор», который выполнял функции саморепрезентативной практики советской культуры. Представлены архивные материалы, характеризующие социальный статус акторов устной традиции советской эпохи, их художественную и критическую рефлексию. В частности, в аспекте рецепции и содержательной интерпретации носителем традиционной культуры исторических событий войны рассматриваются оригинальные произведения в жанре сказа, написанные самодельными авторами с Западного Полесья. Сделаны выводы о природе самодельного словесного творчества советской эпохи. Показано, что она базируется на деактуализации коллективности как одной из онтологических характеристик фольклора и подмене ее ролью мнимого индивидуального творца. Утверждается, что самодельное словесное творчество возникло в результате администрирования фольклористики и характеризуется цитатностью, редукцией художественной рефлексии, постепенной потерей связи с фольклорной и языковой традициями. Обозначены основные положения дискуссии по природе советского фольклора, которая развернулась в академической науке в 1950–60-х гг.

Ключевые слова: фольклористика; самодельное творчество; критика; сказ; новый автор; советская идентичность; администрирование фольклористики.

Образец цитирования:

Гулак НА. Самодельная творчасьць як самарэпрэзэнтатыўная практыка савецкай культуры 1930–60-х гг. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2019;2:93–101.

For citation:

Hulak NA. Amateur creativity as a self-representative practice of Soviet culture 1930–60s. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2019;2:93–101. Belarusian.

Автор:

Анастасія Анатольевна Гулак – кандидат филологических наук; доцент кафедры режиссуры факультета традиционной белорусской культуры и современного искусства.

Author:

Nastassia A. Hulak, PhD (philology); associate professor at the department of directing, faculty of traditional Belarusian culture and contemporary art.
rudolfina.hulak@tut.by

САМАДЗЕЙНАЯ ТВОРЧАСЦЬ ЯК САМАРЭПРЭЗЕНТАТЫЎНАЯ ПРАКТЫКА САВЕЦКАЙ КУЛЬТУРЫ 1930–60-х гг.

Н. А. ГУЛАК^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў,
вул. Рабкараўская, 17, 220007, г. Мінск, Беларусь

Даследуецца фарміраванне ў сацыяльна-культурным дыскурсе Беларусі маштабнага і ўнікальнага па сваёй сутнасці праекта пад назвай «савецкі фальклор», які выконваў функцыі самарэпрэзентатыўнай практыкі савецкай культуры. Прадстаўлены архіўныя матэрыялы, якія характарызуюць сацыяльны статус актараў вуснай традыцыі савецкай эпохі, іх мастацкую і крытычную рэфлексію. У прыватнасці, у аспекце рэцэпцыі і змештавай інтэрпрэтацыі носьбітам традыцыйнай культуры гістарычных падзей вайны разглядаецца арыгінальны твор у жанры сказа, складзены самадзейным аўтарам з Заходняга Палесся. Зроблены высновы пра прыроду самадзейнай славеснай творчасці савецкай эпохі. Даказана, што яна грунтуецца на дэактуалізацыі калектыўнасці як адной з анталагічных характарыстык фальклору і падмене яе роляй уяўнага індывідуальнага творцы. Сцвярджаецца, што самадзейная славесная творчасць савецкага часу ўзнікла ў выніку адміністравання фалькларыстыкі і характарызуецца цытатнасцю, рэдукцыяй мастацкай рэфлексіі, паступовай стратай сувязі з фальклорнай і моўнай традыцыямі. Акрэслены асноўныя палажэнні дыскусіі адносна прыроды савецкага фальклору, якая разгарнулася ў акадэмічнай навуцы ў 1950–60-я гг.

Ключавыя словы: фалькларыстыка; самадзейная творчасць; крытыка; сказ; новы аўтар; савецкая ідэнтычнасць; адміністраванне фалькларыстыкі.

AMATEUR CREATIVITY AS A SELF-REPRESENTATIVE PRACTICE OF SOVIET CULTURE 1930–60s

N. A. HULAK^a

^aBelarusian State University of Culture and Arts,
17 Rabkaraŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus

The article retraces the formation of an extensive and inherently unique project known as «Soviet folklore» in socio-cultural discourse of Belarus that served as a self-representative practice of soviet culture. The work describes archival materials that characterize social status of actors of Soviet oral tradition, their artistic and literary critical reflexion. In particular, an original legend by amateur author from West Polesie are analyzed in terms of how a person of traditional folk culture perceives and interprets the historical war events. The article makes conclusions about the nature of Soviet amateur oral tradition. It is being proved that it is based on deactivation of the collectivity as one of ontological characteristics of folklore and its replacing with an imaginary sole author role; it has emerged because of administration of folklore studies, and can be characterized by its citationality, reduced artistic reflection, and loss of ties with folklore and language tradition. The main provisions of the discussion in academic science of the 1950–60s, which was devoted to revealing the essence of Soviet folklore, are considered.

Keywords: folklore studies; amateur art; criticism; legend; new author; Soviet identity; administration of folklore studies.

Уводзіны

Развіццё тэорыі і практыкі савецкай фалькларыстыкі ў 1930–60-я гг. тэматызавана ў вялікай колькасці крыніц. Аднак у навуковым наратыве Беларусі некаторыя з’явы гэтага перыяду застаюцца акрэсленымі ў самых агульных рысах. Сярод такіх з’яў – маштабная самарэпрэзентатыўная практыка савецкай культуры, якая праявілася ў актывізацыі самадзейнай творчасці і творчай актывнасці грамадзян па распрацоўцы новага савецкага фальклору. Каардынуемая савецкімі ўстановамі культуры, гэта дзейнасць можа быць вызначана як адміністраванне фалькларыстыкі. Яе стратэгія заключалася ў актывным узаемадзеянні прадстаўнікоў культурных эліт з носьбітамі традыцыі па стварэнні і папулярызацыі твораў новага сацыялістычнага зместу, якія складалі своеасаблівы канон савецкага фальклору 1930–60-х гг. Актары гэтага працэсу і творы, функцыянальна абумоўленыя сітуацыйным сацыяльным кантэкстам (рукапісы, лісты самадзейных аўтараў, рэцэнзіі і інш.), сёння разглядаюцца як факты гісторыі навукі і культурнай практыкі савецкага перыяду.

Мэта гэтага даследавання заключаецца ў асэнсаванні сутнасных характарыстык самадзейнай творчасці, якая трактавалася ў навуцы і сацыяльна-культурнай практыцы як савецкі фальклор. Мэта дасягаецца праз вырашэнне шэрагу задач: акрэсліць асноўныя аспекты навуковай дыскусіі аб прыродзе фальклорнай творчасці савецкага часу; паказаць арыгінальныя, знакавыя ў сэнсе семантыкі і жанравай формы ўзоры самадзейнай творчасці і рэакцыю на іх прадстаўнікоў прафесійнай супольнасці; асэнсаваць мастацкі свет суб'екта гэтай творчасці.

У межах даследавання выкарыстоўваюцца гісторыка-генетычны і параўнальна-тыпалагічны метады, прыёмы тэксталагічнага даследавання.

Вынікі і іх абмеркаванне

Практыка стварэння папулярных песень, стылізаваных пад народную традыцыю, і публікацыя іх як узораў народнай творчасці ўзнікла ў СССР у 1920-я гг. У той час выдавецтвы па ўсёй краіне звярталіся да камсамольскіх арганізацый, прафсаюзаў працоўных, сялян і салдат з заклікам запісваць песні, якія выконваюцца ў народзе. Гэтыя заклікі пабуджалі маладых рабочых і сялян да творчасці, і часта маладыя «паэты» дасылалі свае вершы і песні ў выдавецтвы [1, с. 17–18]. У 1930-я гг. гэта практыка была легалізавана і атрымала тэарэтычнае абгрунтаванне ў колах ідэолагаў і дзеячаў савецкай культуры. Погляд на фальклор як на сродак прапаганды ў масах ідэй сацыялістычнага будаўніцтва найбольш выразна і настойліва быў акрэслены ў 1931 г. Ю. Сакаловым на адной з першых публічных дыскусій у Інстытуце мовы і мыслення¹. У 1934 г. на з'ездзе савецкіх пісьменнікаў Максім Горкі сцвердзіў народную творчасць у сістэме новага пралетарскага мастацтва, вынікам чаго стала ідэалагічна абумоўленая інтэграцыя фалькларыстыкі ў дыскурс літаратуры сацрэалізму з яго задачамі адлюстравання сацыялістычнай эпохі ў яе гістарычным развіцці.

Першапачаткова гэта лагічна абумовіла пошукі фактаў новай народнай творчасці ў стыхii тагачаснай масавай культуры. Аднак вынікі збіральніцкай практыкі паказалі, што новыя рэаліі спарадзілі ў носьбітаў традыцыі сацыяльную траўму рэвалюцыйнага пералому і развіццё форм яе кампенсаций. У сувязі з гэтым даволі хутка развілася адміністраванне фалькларыстыкі – актыўнае ўзаемадзеянне навукоўцаў, літаратурных крытыкаў і службоўцаў у галіне культуры з носьбітамі традыцыі і складанне твораў новага сацыялістычнага зместу. Сёння гэта дзейнасць, за якой замацавалася абагульненая назва «сказіцельства» (ад тэрміна «сказ»²), ацэньваецца крытычна – як ідэалагічна абумоўлены сінтэз элементаў этнічнай ліра-эпічнай традыцыі і папулярных савецкіх ідэалагем.

Аб'ектыўна гэта хваля мела не толькі негатыўнае значэнне, бо ў некаторым сэнсе яна спрыяла масавай творчасці і пошуку новых шляхоў мастацтва. Аднак уздым творчасці працоўных у фарватары традыцыйных жанраў прыводзіў да негатыўных вынікаў: з аднаго боку, да фальсіфікацый, стылізатарства і выпяцнення ўласна творчасці, з другога – да актыўнага ўкаранення такіх твораў у навуку, масавую свядомасць і культуру.

У нацыянальных традыцыях «сказіцельства» мела сваю спецыфіку, вылучаліся яго яркія прадстаўнікі. З 1930-х гг. паэтычную ленініяну і сталініяну стваралі ўсесаюзна вядомыя казахскі акын Джамбул Джабаеў, дагестанскі ашуг Сулейман Стальскі, азербайджанскі ашуг Гусейн Сарачлы. Кабзары і самадзейныя паэты Украіны³ складалі савецкія *думы*, *сказы* і *песні*. У рускім полі савецкай культуры ў авангардзе гэтага працэсу знаходзіліся аўтары новага эпаса – *сказаў*, *навін*, *гістарычных песень*, *плачаў*, *прычытанняў* (гл. [1; 2]). Паводле ацэнкі Т. Івановай, гэта адна з самых спрэчных старонак у гісторыі рускай фалькларыстыкі [2, с. 407]. Новыя фальклорныя творы рэгулярна з'яўляліся на старонках мастацка-літаратурных часопісаў СССР, выходзілі асобнымі зборнікамі, пераважна ў анталогіях разам з традыцыйным фальклорам. У беларускіх савецкіх зборніках фальклору падобныя ліра-эпічныя новаформы не пашыраны⁴. Аднак сляды гэтага сацыяльнага эксперымента захаваліся сярод архіўных матэрыялаў.

Практыка развіцця «сказіцельства» і вынікі гэтага працэсу не маглі не выклікаць дыскусій у тагачаснай навуцы. У савецкай фалькларыстыцы крытычнае асэнсаванне гэтай з'явы адбывалася з 1940-х гг. Спыненае праз узмацненне партыйнага кантролю ў 1945–1953 гг. пад кіраўніцтвам А. Жданава, яно аднавілася пасля смерці Сталіна. У сярэдзіне 1950-х гг. зборнікі народнай творчасці, якія выдаваліся ў тым ліку Інстытутам літаратуры АН СССР, падручнікі для вышэйшай школы выклікалі дыскусіі на конт прыроды савецкага фальклору.

¹ Навукова-даследчая ўстанова, якую ў 1921 г. заснаваў і да 1934 г. узначальваў акадэмік М. Я. Мар (да 1931 г. – Яфетычны інстытут).

² Сказ – від вуснага апаведу. Пачатак вывучэння сказаў і пашырэнне адпаведнай тэрміналогіі ў фалькларыстыцы адбываецца ў 1920–30-я гг.

³ Звесткі пра іх гл. у: Песни и думы советской Украины / пер. с укр. Г. Литвака. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1951. С. 327–330.

⁴ У акадэмічным выданні «Беларускі фальклор Вялікай Айчыннай вайны» (1961) ёсць рубрыка «Казкі, паданні, вусныя сказы», у якой змешчана 17 тэкстаў няпэўнай жанравай прыналежнасці – ад анекдота да мадэрнізаваных форм навілістычнай казкі.

З 1954 г. да 1960-х гг. на старонках часопісаў «Советская этнография», «Русский фольклор», «Новый мир», а таксама ў «Літаратурнай газете» з'яўляюцца артыкулы фалькларыстаў, філолагаў і гісторыкаў літаратуры С. Азбелева, У. Бахціна, У. Анікіна, Г. Астахавай, Э. Памяранцавай, У. Чычарава, А. Нячаева, Б. Пуцілава, прысвечаныя рэвізіі трактоўкі фальклору як часткі літаратуры, сцверджанай у навуцы Ю. Сакаловым і М. Азадоўскім, і пошуку кансэнсусу ў пытанні яго прыроды. Акадэмічнае асяроддзе канстатавала, што ігнараванне калектыўнасці і вуснасці бытавання, акцэнт на індывідуальным (творчай ролі выканаўцы) правакавалі ўкладальнікаў зборнікаў выдаваць «сурагаты за перлы народнай паэзіі, апраўдваючы псеўданавуковымі довадамі фальсіфікацыю народнага мастацтва»⁵ [3, с. 227].

Дыскусіі вакол савецкага фальклору ў савецкай фалькларыстыцы 1950–60-х гг. развіваліся ў розных кірунках: ад вызначэння фальклору і яго суадносін з пісьмовай літаратурай да ідэйна-эстэтычных крытэрыяў сапраўднасці народнага мастацтва і лёсу традыцыйных жанраў у новую эпоху. На левых пазіцыях стаялі К. Чыстоў, С. Васілёнак, П. Выхадцаў, якія народнасць фальклору вызначалі яго ідэйным зместам, атаясамліваючы яе з ідэямі сацыялістычнага будаўніцтва. Згодна з такім падыходам, за гады савецкай улады ў народнай творчасці і наогул у традыцыйнай культуры адбыліся настолькі значныя змены, што фальклор набыў іншую прыроду, чым у дакастрычніцкі перыяд. Вясковае насельніцтва перажывала культурную ўрбанізацыю, укараняліся атэістычныя ўстаноўкі, людзі масава авалодвалі пісьменнасцю, дзяржаўныя ўстановы запісвалі і тыражавалі ўзоры індывідуальнай творчасці – гэта тыя рэаліі сацыялістычнай рэчаіснасці, якія дэактуалізуюць класічныя анталагічныя характарыстыкі вуснай народнай творчасці. На правых пазіцыях у гэтай дыскусіі знаходзіліся Б. Пуцілаў, У. Чычараў, С. Азбелеў, А. Нячаеў, Э. Памяранцава і іншыя даследчыкі, якія крытыкавалі савецкія наватворы і адпаведную метадалогію. Уяўленне пра тое, што кожны выканаўца фальклору з'яўляецца патэнцыйным аўтарам самастойных арыгінальных твораў, з часам было адсунута як памылковае [1, с. 97]. Натуральна, прыведзеная ацэнка не вычэрпвае ўсіх аспектаў змены навуковай парадыгмы, якая пачала афармляцца ў канцы 1950-х – 1960-я гг., стаўшы сёння фактам гісторыі навукі.

Для нашага даследавання важна тое, што прыхільнікі супрацьлеглых пазіцый у пытанні прыроды сацыялістычнай народнай культуры дастаткова крытычна ўспрымалі творчы прадукт, які з'яўляўся ў выніку актыўнага адміністравання фальклорнага працэсу. У 1954 г. С. Васілёнак пісаў: «Па прыкладзе і пад кіраўніцтвам Усесаюзнага дома народнай творчасці імя Крупскай многія перыферычныя дамы народнай творчасці з'яўляюцца расаднікамі псеўданароднай творчасці. Яны не толькі не дапамагаюць развіццю народнай самадзейнасці, росту сапраўды народнага мастацтва, але замяняюць ажыццяўленню гэтай важнай дзяржаўнай справы» [3, с. 228].

Можна толькі часткова пагадзіцца з такой ацэнкай, калі мець на ўвазе ўвесь аб'ём працы, зроблены ў свой час многімі рупліўцамі народнай песні і мастацкай самадзейнасці. Напрыклад, менавіта з кіраўніцтва самадзейнасцю ў Баранавіцкай вобласці БССР пачынаўся творчы шлях Г. Цітовіча. У 1948 г. да трэцяй гадавіны перамогі Баранавіцкі абласны дом народнай творчасці (ДНТ) наладзіў свята песні, у якім удзельнічалі 32 харавыя калектывы агульнай колькасцю 1800 чалавек. У 1949 г. на святкаванні чацвёртай гадавіны ў Баранавічах «было арганізавана масавае выступленне гарадскіх і сельскіх калектываў мастацкай самадзейнасці, у якім узялі ўдзел звыш 160 калектываў агульнай колькасцю 3200 спевакоў, танцораў і музыкантаў»⁶.

У архівах Беларусі, найперш у БДАМЛіМ, ёсць звесткі пра розныя масавыя мерапрыемствы, напрыклад пра канферэнцыю самадзейных аўтараў сучасных народных песень (1950), падрыхтоўку зборнікаў, конкурсы збіральных і выканаўцаў народнай творчасці, конкурсы на лепшую п'есу для мастацкай самадзейнасці, агляды агітацыйна-мастацкіх брыгад, рэспубліканскія агляды мастацкай самадзейнасці (1960, 1961, 1962) і інш. Вельмі цікавую частку архіўных матэрыялаў складаюць «галасы эпохі» – дакументы аб індывідуальнай рабоце з самадзейнымі аўтарамі, якая праводзілася ў 1940–60-я гг. Тут прадстаўлены творы з розных абласцей Беларусі і рэцэнзіі на іх. Напісаныя чарнілам ці алоўкам у сшытках і на асобных аркушах, рэдка – надрукаваныя на машынцы, песні ваенных гадоў, вершы, паэмы і прыпеўкі ў свой час масава дасылаліся ў Рэспубліканскі дом народнай творчасці, адкуль паступалі рэцэнзентам або кансультантам. З творамі самадзейных аўтараў працавалі беларускія дзеячы культуры М. Лынькоў, Г. Цітовіч, А. Астрэйка, М. Клімковіч, А. Русак, Э. Агняцвет. Актыўны ўдзел у пошуку таленавітых выканаўцаў і аўтараў падчас экспедыцый прымаў беларускі этнограф і фалькларыст М. Грынблат.

У красавіку 1946 г. да ўдзелу ў арганізаваным Усесаюзным домам народнай творчасці конкурсе збіральных фальклору М. Грынблат рыхтуе зборнік вершаваных тэкстаў унікальнай белару-

⁵ Тут і далей пераклад наш. – Н. Г.

⁶ Беларус. дзярж. арх.-музей літ. і маст-ва (БДАМЛіМ). Ф. 79. Воп. 1. Спр. 50. Арк. 23.

скай выканаўцы (паводле тагачаснай фалькларыстычнай тэрміналогіі – народнай «сказіцельніцы») С. І. Сацкевіч, з якой ён пазнаёміўся падчас экспедыцыі ў Заходняе Палессе. Соф’я Іванаўна – непісьменная калгасніца 65 гадоў з в. Лунін Лунінецкага раёна Пінскай вобласці. Яна надывтавала М. Грынблату свае творы падчас Рэспубліканскага злёту народных выканаўцаў⁷ у сакавіку 1946 г. у Мінску, куды прыехала ў якасці дэлегата.

Сказы С. І. Сацкевіч меркавалася прадставіць якраз у актуальнай парадыгме «сказіцельства», што адпавядала маштабнаму фармату конкурсу. Гэта буйное саюзнае метадычнае мерапрыемства праводзілася на высокім узроўні пры ўдзеле фальклорнай секцыі Інстытута этнаграфіі АН СССР і кафедры музычнага фальклору Маскоўскай дзяржаўнай кансерваторыі. На працягу сямі месяцаў 1946 г. ішоў збор матэрыялаў. Мясцовыя ДНТ дапамагалі збіральнікам ладзіць экспедыцыі, рабіць падрадкавыя пераклады тэкстаў з нацыянальных моў на рускую. У конкурсе прымалі ўдзел 235 збіральнікаў, з розных рэспублік было даслана 12 800 твораў розных жанраў. Да рэцэнзавання арганізатары прыцягнулі 22 спецыялісты па фальклору народаў СССР. Старшынёй журы выступаў Ю. Багатыроў, кіраўніком музычнай секцыі – Я. Гіпіус, сярод членаў камісій былі прафесар К. Квітка, У. Чычараў, В. Крупянская, Г. Руднёва і інш.⁸ Адным з галоўных дасягненняў і вынікаў конкурсу стала стварэнне значнага фонду фальклору Вялікай Айчыннай вайны.

Прыкладам падобнага матэрыялу з’яўляліся творы палескай «сказіцельніцы» С. І. Сацкевіч. Рэцэнзія Э. Агняцвет утрымлівала ўхвальную ацэнку: «Сказы Сахвеі⁹ Іванаўны Сацкевіч чаруюць сваёй прастатой, жывым народным гумарам і гострай думкай. У сказах “Пра Гітлера”, “Пра парцізанаў”, “Пра рускае ўра” выяўлена глыбокая нянавісць да лютых ворагаў нашай радзімы. Сатырычным словам, гострай прыпеўкай Сахвея Сацкевіч выкрывае ворагаў беларускага народа...»¹⁰. Рэцэнзія М. Лынькова таксама была станоўчай: «Сказы Сацкевіч – адны з лепшых узораў вуснай народнай творчасці ў дні Айчыннай вайны. Зборнік гэтых сказаў мае падставы для апублікавання ў друку»¹¹.

Па якой прычыне зборнік не быў выдадзены, высветліць не ўдалося, відавочна, гэта была цэнзурная забарона. Напрыклад, у сказе «У сорок первом году набраўса Гитлер злосці...»¹² аўтарка трактуе асобу Жукава як героя-вызваліцеля¹³, пры гэтым не адлюстроўваючы ролю партыі і яе правадыра. У творы ёсць толькі адзінкавае згадванне лідара савецкай краіны, пры гэтым пададзена яно ў прастамоўным, недастаткова пафасным кантэксце: *А ў саду лі, во гародзі большая маркоўка, / А ў нашага Сталіна мударая галоўка*. Яркую індывідуальнасць аўтарскай інтанацыі стварае мова, заўважым, што яна захавана ўкладальнікам толькі ў асноўных рысах. Гаворка Соф’і Іванаўны Сацкевіч належыць да заходнепалескай дыялектнай групы, для якой не характэрныя адметныя рысы беларускіх гаворак асноўнага масіву. Такім чынам, мова сказаў С. І. Сацкевіч магла ўспрымацца цэнзарамі як ненарматыўная, а апублікаваныя на ёй тэксты, верагодна, выклікалі непажаданае меркаванне аб непісьменнасці і адсталасці складальніка савецкага твора.

Сказ «У сорок первом году набраўса Гитлер злосці...» уяўляе цікавасць у аспекце рэцэпцыі і змествай інтэрпрэтацыі носьбітам традыцыйнай культуры гістарычных падзей вайны і савецкіх ідэалагем. Яна ўвасоблена ў 102 радках, строфіка пераважна чатырохрадкавая, але сустракаецца і двухрадкавая. Калі рускія савецкія сказы былі арыентаваны пераважна на паэтыку былін і прычытанняў, то твор беларускага аўтара грунтуецца ў першую чаргу на прыпеўкавай традыцыі: складаецца з адносна самастойных строф, некаторыя з якіх вар’іруюцца. Сюжэт складаюць хроніка «гасцявання» Гітлера і яго войскаў пад Масквой, разгром іх савецкімі войскамі і ўцёкі. Ідэйны план вызначаецца экзальтаваным аптымізмам аўтара: *У сорок первом году набраўса Гитлер злосці, / Паслаў своїх бандзітаў до Москвы ў госці. / А Масква эта узнала і их ожыдала // Ихарошы гасцінчыкі для их готувала*¹⁴.

Уласна фальклорны складнік сказа пра Гітлера ўтвараюць асобныя рэплікі традыцыйнай культуры і фальклорнай паэтыкі. Напрыклад, да народнай традыцыі належыць *гасцяванне*: яно выражаецца ў комплексе этычных рэгламентацый, дзеянняў і вербальных формул. *Маршалак* – адзін з традыцыйных вясельных чыноў на Заходнім Палессі: *Тры годы біўса ў Росей і по лесу стукаў, / А тэпэр сэдзіць у Бэрліне наш маршалак Жукаў*¹⁵. Сродкамі мастацкай выразнасці служаць вобразы прадметаў сялянскага побыту, напрыклад *зубель*, *дымакур* – пчалярская прылада для падкурвання: *Як прашоў*

⁷Захаваліся некаторыя запісы сказаў, сярод іх – «Як задумаў Гітлер Росею забраць...» Лявошык Праскоўі Маісееўны (46 гадоў, калгасніца, непісьменная, родам з в. Камень Пагост-Загародскага сельскага савета Лагішынскага раёна Пінскай вобласці). Як і С. І. Сацкевіч, яна удзельнічала ў злёце выканаўцаў з Гомельскай, Магілёўскай, Пінскай і Бабруйскай абласцей.

⁸Цэнтр. навук. 6-ка Нац. акад. навук Беларусі (ЦНБ НАНБ). Ф. 42. Воп. 1. Спр. 1988. Арк. 3.

⁹Аўтарскія творы і рэцэнзіі прыводзяцца з захаваннем моўных асаблівасцей арыгінала.

¹⁰БДАМЛіМ. Ф. 79. Воп. 1. Спр. 4. Арк. 151.

¹¹ЦНБ НАНБ. Ф. 42. Воп. 1. Спр. 1945. Арк. 1.

¹²Там жа. Спр. 1371. Арк. 18–25.

¹³У масавай свядомасці перамога ў вайне звязвалася з асобай Г. К. Жукава, які насяў народнае званне «маршал Перамогі».

¹⁴ЦНБ НАНБ. Ф. 42. Воп. 1. Спр. 1371. Арк. 18.

¹⁵Там жа. Арк. 25.

немец у Луки, запаліў себе зубля, / Давай немец одпраўляцца до города до Орла¹⁶; мацацёр/макітра – гліняная пасудзіна, у пераносным значэнні – галава: Лежыць немец убіты, голова бы мацацёр¹⁷. Назіраецца ўнікальная ў падобным кантэксце праява народнай рэлігійнай свядомасці аўтара: *Святы божа, святы крэпкі, святы бэссмэртны, / Не буў немец у Москве і не пыйдэ до смэрты*¹⁸. Ужываюцца парэміі і пераасэнсаваныя матывы казак і песень: *Як нэ ўзяла немецкая по ўсэх фронтах рада, / Сталі немцы утэкаць із Масквы і Сталінграда; Ой, коб тебе, Гітлер, ужэ нэ дождаці, / Як у такі госці ў Москву посылалі; Беглі яны як дэнь, так уноч і языкі позмочвалі, / А савецкі сыны ззаду гузікі прыстрочвалі*¹⁹ і інш. Сярод тропай пераважаюць сінекдаха як форма метаніміі (*Гуляў немец коло Москвы*) і метафара з мінімальным фігуральным значэннем (*А Москва ёго біла добра по затылку*).

Сёння немагчыма высветліць, як М. Грынблат працаваў з народнай «сказіцельніцай», але не выклікае сумнення тое, што непісьменнай жанчыне з Заходняй Беларусі ён спецыяльна даводзіў паняцці, звязаныя з рэаліямі вайны і ходам ваенных дзеянняў: *кацёл* – аперацыя акружэння, *люгер* – нямецкі пісталет і інш. Паслядоўна згадваецца ў сказе С. І. Сацкевіч такі від зброі савецкай арміі, як Кацюша. У сюжэт уведзена «геаграфія вайны» з яе топасам: *Варшава, Познань, Гданьск, Будапешт, Берлін*.

Аднак факт, які дае падставы сцвярджаць, што сказ «У сорок первом году набраўса Гітлер злосці...» з’яўляецца арыгінальным узорам індывідуальнай славеснай творчасці, – праява ў ім лакальнай ідэнтычнасці аўтара. Адным з асноўных элементаў і маркераў лакальнай ідэнтычнасці носьбіта традыцыйнай культуры служаць *лакальныя значымыя месцы*, уключаючы сімвалічны цэнтр. У творы самадзейнай палескай «сказіцельніцы» сярод беларускіх гарадоў, праз якія праходзяць індывідуальна інтэрпрэтаваныя шляхі вайны, наогул не згадваецца сталіца БССР як сімвалічны цэнтр рэспублікі. Але гарады *Пінск і Лунінец* служаць лакальнымі значымымі месцамі: *...Ой, коб жэ нам дастацца до города Лунінца. / Прышлі воны ў Лунінец, задумаў до Гдыньска, / Бо савецкі ўжэ сыны выпэрлі до Пінска. / Бэглі немцы од Москвы од места до места, / Ой, коб жэ нам дастацца до города Брэсця*²⁰. Падобны эффект індывідуальна інтэрпрэтаваных падзей вайны вельмі ярка выражаецца ў наратывах пра яе пачатак. Так, многія інфарматыры паведамляюць, што вайна пачалася, як *немцы зайшлі ў вёску; калі пачулі, што едуць па дарозе танкі і г. д.*

У кантэксце тагачаснай фалькларыстыкі і наогул культурнай практыкі самадзейных аўтараў, падобныя да С. І. Сацкевіч, пераўтвараюцца ў самастойных суб’ектаў мастацкай рэфлексіі, іх кола пашыраецца. У выніку ў пасляваенны час у краіне разгортваецца, паводле Т. Кругловай, «працэс масавага і беспрэцэдэнтнага графаманства, самадзейнасці, аматарства» [4, с. 29]. Пацверджаннем служаць словы загадчыка сектара фальклору Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору АН БССР І. В. Гутарава, напісаныя ў 1963 г.: «Вершы ў савецкую эпоху пішуць усюды. Зараз, калі меркаваць толькі па той колькасці вершаў, якія дасылаюцца ў раённыя, абласныя і цэнтральныя газеты рэспублікі рабочымі, калгаснікамі, служачымі, студэнтамі (нефілалагічных факультэтаў), вучнямі, пенсіянерамі, – гэты від літаратурна-творчай самадзейнасці з’яўляецца ў нас у Беларусі вельмі пашыраным, і яго нельга не ўлічваць пры складанні зборнікаў сучаснай масавай народнай паэзіі» [5, с. 19].

Матэрыялы, дасланыя ў Рэспубліканскі ДНТ, ілюструюць менавіта працэс такога беспрэцэдэнтнага графаманства. Напрыклад, адной з найбольш папулярных тэм з’яўляецца вядомая яшчэ з 1930-х гг. практыка напісання персанальных і калектыўных лістоў працоўных таварышу Сталіну і савецкаму ўраду (так званыя лісты ва ўладу)²¹, якая шырока асвятлялася ў газетах і на радыё: *Пишу в Москву письмо, / Вот мысля это я, / Пусть передаст оно / Привет тем, кто в Кремля. // Пусть Сталину привет / Он мчится сдалека, / Как утром солнца свет / На землю свысока. // Всему правительству, / Тому, кто у Кремля, / Я шлю его в Москву, / Пусть примут от меня. // Желаю я еще / Тем поблагодарить, / О нас мечтают то, // Чтоб счастливее жить*²². Аўтар гэтых вершаў – Іван Цімашкоў (1928 г. н., в. Стара-селле Церахаўскага раёна Гомельскай вобласці). У 1952 г. ён быў ахоплены анкетай Рэспубліканскага ДНТ як збіральнік фальклору і самадзейных аўтар. З адказаў на пытанні анкеты І. Цімашкова вядома, што ён меў шэсць класаў адукацыі, а сваё сацыяльнае становішча вызначаў як «займаюся творчасцю».

¹⁶ ЦНБ НАНБ. Ф. 42. Воп. 1. Спр. 1371. Арк. 20.

¹⁷ Там жа.

¹⁸ Там жа. Арк. 22.

¹⁹ Там жа. Арк. 23.

²⁰ Там жа. Арк. 21.

²¹ Знакамітае «Пісьмо беларускага народа Вялікаму Сталіну» (1936) – помнік кніжнай культуры, дэкаратыўна-ўжыткавага і музычнага мастацтва савецкай эпохі.

²² БДАМЛіМ. Ф. 79. Воп. 1. Спр. 106. Арк. 8.

Вершы Цімашкова сведчаць пра тое, што яго свядомасць была запраграмавана ідэалагічнымі клішэ і калектыўнымі фобіямі часоў халоднай вайны. Індывідуальны пачатак у яго творчасці мінімальны, а мастацкая вобразнасць рэдуцыравана да цытавання газетнай рыторыкі: *Нам войны совсем не надо, / А нам разжигают, / Все поджигатели войны / Пусть смерти ожидают. // Мы всегда к войне готовы, / А войны мы не хотим, / Но в честь, во славу Мира / Мы жизнью не щадим. // Нам совсем она не нужна, / Мы не будем строить пир, / Мы все люди доброй воли, / Отстоим мы дело Мир!*²³ Негатыўную ацэнку творчасці І. Цімашкова даў у рэцэнзій член Саюза пісьменнікаў БССР адказны сакратар часопіса «Вожык» А. Астрэйка: «Уважаемый товарищ Тимошков! Вы абсолютно зря выдумали себе профессию – творчество. Вы, как малограмотный человек, человек, которого исключили из школы, не знаете ведь, что такое творчество. Смысла слова этого не знаете. А уже посчитали себя сочинителем. Писатель не может быть малограмотным. А Вы же двух слов грамотно не напишете. Бросьте сочинительство. Вы не мальчик. Вам 24 года. Займитесь делом. Работайте и не воображайте, что Вы сочинитель. Ходите на работу в колхоз, помогайте трудом своей семье, отцу, матери. Пока не научитесь грамоте – не пишите...»²⁴.

Аднак у кожным канкрэтным выпадку работа рэцэнзента патрабавала асцярожнасці пры вырашэнні ідэалагічна значных пытанняў. Прыкладам служыць заключэнне фалькларыста кіраўніка народнага хору Баранавіцкай вобласці Г. Цітовіча, дадзенае ў 1950 г. Гродзенскаму абласнаму ДНТ па запісаных «тав. Смірновым са Скідзеля» прыказках: «Сообщенные тов. Смирновым А. пословицы и поговорки представляют несомненный интерес. Особенно интересны первые три»²⁵. Нам жадальна было бы ўзнаць, існуюць ці гэтыя пословицы і пагаворкі ў месчным быту гор. Скідзеля ці яны вядомыя толькі тов. Смірнову?»²⁶ Далей Г. Цітовіч ухваляе ініцыятыву збіральніка са Скідзеля і адзначае, што праца па збіранні прыказак і прымавак пакуль адстае ў параўнанні з даследаваннем іншых фальклорных жанраў.

Прафесійная і самадзейная творчая ініцыятыва па ўслаўленні Сталіна (*панегірыкі-падзякі, клятвы-прысягання, зычання і пад.*), як вядома, была ў савецкай краіне масавай з’явай. Даніну ёй аддала Г. Пятроўская (вёска Кустоўніца Міхалкаўскага с/с Мазырскага раёна), адзін з актыўных самадзейных аўтараў Рэспубліканскага ДНТ. Яе творы таксама характарызуюцца дамінаваннем ідэалагічных клішэ і прыкметамі палітычнага графаманства. У апісанні савецкай рэчаіснасці ўжыты такія топасы савецкай міфалогіі, як квітнеючыя калгасныя палі і фермы. У наратыве глабальнай перамогі над прыродай падаецца багаты ўраджай савецкай вёскі, фіксуецца ідэалагічная перакадзіроўка міфалагемы зямля: *Имя Сталин в сердце нашем, / С ним поля в колхозе нашем, / С ним мы сеем, бороним / И с природою воюем. // Имя Сталин в сердце носим, / С ним поля в колхозе косим, / Сушим, в копны собираем, / Грамму сгнуть не допускаем. // Вот поэтому в колхозе / Мы не плачем о навозе, / Кони, овцы и коровы / Сытые, всегда здоровы. // Имя Сталин нам рождает / Сталинские урожаи. / С ним мы хлеб наш убираем, / Зернышка не потеряем. // Собираем мы хлеб за лето, / Хватит хлеба на полсвета, / А за сталинские пять лет / Хлеба хватит на весь свет*²⁷.

У 1950 г. Рэспублікаскі ДНТ піша дырэктару Палескага ДНТ у Мазыры Сталішэўскаму, што Г. Пятроўская – таленавіты самародак, аўтар вершаваных казак, песень і калгасных прыпевак, сваімі творамі яна ўносіць каштоўны ўклад у скарбонку савецкага фальклору, ёй патрэбна ўсебаковае спрыянне і дапамога. У наступныя гады Г. Пятроўская настойліва працягвае пісаць. Яе прыпеўкі да выбараў, цыклы «Частушки веселой колхозной девушки», «Частушки о ленивой подружке», «Сказку-поэму о Иосифе-Богатыре и его невесте России и шестнадцати сестрах»²⁸, вершаваныя сказы «Героиня труда», «Сон девицы» і іншыя Палескі ДНТ накіроўвае на кансультацыю ў Рэспубліканскі ДНТ. Аднак у цэнтры даводзіцца канстатаваць, што ў ідэйным і мастацкім плане яе творы непаўнаважныя. З рэцэнзій А. Астрэйкі: «Пісаць аб тым, што таварыш Сталін ажаніўся з Расіяй, можа толькі чалавек, які не падумаў аб тым, пра што ён піша, калі не сказаць горш»²⁹. Такім чынам, абагульнены партрэт новага аўтара, складальніка сказаў, паэм, песень, прыпевак і казак дэманструе асобу на ніжніх прыступках сацыяльнай іерархіі. Аўтар імкнецца авалодаць лексікай сацыялістычнага мастацтва як сацыяльным капіталам, які фіксаваў бы яго новую ідэнтычнасць, даваў шанц на поспех, ствараў ілюзію дачынення да глабальных працэсаў пабудовы новага свету.

²³ БДАМЛіМ. Ф. 79. Воп. 1. Спр. 75. Арк. 7.

²⁴ Там жа. Спр. 106. Арк. 3.

²⁵ Маюцца на ўвазе прыказкі *Два солнца на нашей земле: одно на небе, другое в Кремле; Что Сталин напишет – всякий услышит; Нас никто не собьет, нас Сталин ведет.*

²⁶ БДАМЛіМ. Ф. 79. Воп. 1. Спр. 75. Арк. 2–3.

²⁷ Там жа. Спр. 123. Арк. 26.

²⁸ З 1940 па 1956 г. у складзе СССР было 16 рэспублік. З 1956 г. Карэла-Фінская ССР увайшла ў склад РСФСР.

²⁹ БДАМЛіМ. Ф. 79. Воп. 1. Спр. 106. Арк. 318.

У гэтым сэнсе цікавы яшчэ адзін самадзейны аўтар – Пётр Макееў (1892 г. н., с. Перарост Добрушскага раёна Гомельскай вобласці). Ён скончыў два класы прыхадскай школы, складаць творы пачаў у 56 гадоў. З яго казкамі «Находка, или Смерть Гитлера», «Сказка про кота-шкодуна и про председателя колхоза – лентяя», «Умное яйцо» працаваў М. Клімковіч. У рэцэнзій на твор «Умное яйцо» ён адзначаў: «Эта сказка хуже всех остальных сказок Макеева: в ряде мест она вовсе лишена всякого смысла и состоит из набора непонятных автору слов, не подчиненных никаким грамматическим правилам. Сам замысел сказки – сделать традиционное сказочное “золотое яйцо” каким-то символом коммунизма – порочен. Ни петух, ни курица, тем более показанные в их натуралистическом браке, к идеям коммунизма никакого отношения не имеют. Не имеет такого отношения к этим идеям и Негус (да и Египет к негусу тоже) и женщины Трумена, которые “высжиживают” из яйца коммунистического птенца»³⁰.

Рэцэнзій ўказваюць на тое, што творы самадзейных аўтараў аналізаваліся ў першую чаргу ў аспекце літаратурнай крытыкі («Писатель не может быть малограмотным»), прытым што на тэарэтычным узроўні дэкларавалася фальклорная прырода гэтых твораў. Рэцэнзій цікавыя ў той жа ступені, што і самі тэксты, бо асвятляюць іх змест, паказваюць сэнсы, якія будуць нівеліраваны падчас публікацыі ці застануцца зафіксаванымі толькі ў архіўных матэрыялах. Акрамя таго, праблемае поле рэцэнзій характарызуе і другі бок удзельнікаў сацыяльнага праекта пад назвай «савецкі фальклор» – культурныя эліты. Прадстаўнікі прафесійных цэхаў культуры, наколькі гэта відаць з матэрыялаў, усведамляюць грамадскую адказнасць работы з аматарамі, працуючы на «пярэднім рубяжы» сацыяльнага эксперымента.

Заклучэнне

У 1930–60-х гг. у культурнай практыцы савецкай краіны разгортваецца працэс фарміравання савецкага фальклору – корпуса тэкстаў, на які ўскладалася функцыя рэпрэзентацыі перад масавым адрасатам савецкай культуры новых сацыяльных пераўтварэнняў і прагрэсу сацыялістычнага грамадства. Стратэгіяй гэтага працэсу было адміністраванне фалькларыстыкі – актыўная арганізацыйная праца ўстаноў кіравання самадзейнай народнай творчасцю, а таксама прадстаўнікоў пісьменніцкай арганізацыі і акадэмічнай навукі па выяўленні новых аўтараў, метадалагічнай дапамозе ім у стварэнні ўзораў аматарскай творчасці адпаведнага ідэйнага гучання. Вынікам гэтай працы стала маштабная творчая актыўнасць грамадзян, якая рэалізавалася праз сацыяльныя кантакты розных узроўняў, актыўнае ўкараненне новых твораў у навуку, масавую свядомасць і культуру. У акадэмічнай навуцы 1950–60-х гг. адбываўся працэс канцэптуальнага асэнсавання савецкага фальклору, які суправаджаўся дыскусіямі аб яго прыродзе, крытыкай «сказіцельства», фактаў фальсіфікацыі і стылізатарства.

Сярод архіўных матэрыялаў гэтага перыяду сустракаюцца арыгінальныя, знакавыя ў сэнсе семантыкі і жанравай формы ўзоры самадзейнай творчасці, якія разам з рэцэнзіямі на іх прадстаўнікоў прафесійнай супольнасці дазваляюць сцвярджаць, што аб'ектам рэпрэзентацыі ў творчасці новага аўтара служыць уяўны свет сацыяльнай гармоніі, дакладней біпалярны свет, разгорнуты ў апазіцыі *свой – чужы*. Паэтычнае натхненне новаму аўтару замяняе грамадзянская свядомасць, засваенне актуальных ідэалагем і рацыянальны разлік. У сітуацыі разбурэння арыентаў, якія падтрымлівалі традыцыйную ідэнтычнасць, новы аўтар імкнецца дэсемантызаваць яе, падмяняючы цытатнасцю і хранікальнасцю на фоне рэдукцыі мастацкай рэфлексіі. Сувязь самадзейных твораў на сацыяльна значныя тэмы, за якімі замацавалася абагульненая назва «савецкі фальклор 1930–60-х гг.», з фальклорнай і моўнай традыцыяй у многіх выпадках з'яўляецца фармальнай.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Миллер Ф. *Сталинский фольклор*. Санкт-Петербург: Академический проект; 2006. 188 с. Совместное издание с «ДНК».
2. Топорков АЛ, Иванова ТГ, Лаптева ЛП, Левкиевская ЕЕ, составители. *Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора*. Москва: Ладомир, 2002. 970 с.
3. Василенок, С. За передовую науку о народном эпическом творчестве. *Новый мир*. 1954;8:226–237.
4. Круглова ТА. *Искусство соцреализма как культурно-антропологическая и художественно-коммуникативная система: исторические основания, специфика дискурса и социокультурная роль* [автореферат диссертации]. Екатеринбург: Уральский государственный университет имени А. М. Горького; 2005. 46 с.
5. Гутараў ІВ. Аб сучасным беларускім фальклору. У: Гутараў ІВ, Глебкі П, рэдактары. *Сучасны беларускі фальклор*. Мінск: Выдавецтва Акадэміі навук БССР; 1963. с. 5–20.

³⁰ БДАМЛіМ. Ф. 79. Воп. 1. Спр. 106. Арк. 80.

References

1. Miller F. *Stalinskii fol'klor* [Stalin's folklore]. Saint Petersburg: Akademicheskij proekt; 2006. 188 p. Co-published by the «DNK». Russian.
2. Toporkov AL, Ivanova TG, Lapteva LP, Levkievskaya EE, compilers. [On the folklore and pseudo-folk nature of the Soviet epic]. *Rukopisi, kotorykh ne bylo: Poddelki v oblasti slavyanskogo fol'klora* [Manuscripts that were not: fakes in the field of Slavic folklore]. Moscow: Ladomir; 2002. p. 403–432. Russian.
3. Vasilenok S. [For the advanced science of folk epic art]. *Novyi Mir*. 1954;8:226–237. Russian.
4. Kruglova T. *Iskusstvo sotsrealizma kak kul'turno-antropologicheskaya i khudozhestvenno-kommunikativnaya sistema: istoricheskie osnovaniya, spetsifika diskursa i sotsiokul'turnaya rol'* [Socialist realism art as a cultural anthropological and artistic communication system: historical grounds, discourse specifics and sociocultural function; dissertation abstract]. Ekaterinburg: A. M. Gorky Ural State University; 2005. 46 p. Russian.
5. Hutarau IV. [About modern Belarusian folklore]. In: Hutarau IV, Hlebka P, editors. *Suchasny belaruski fal'klor* [Modern Belarusian folklore]. Minsk: Publishing House of the Academy of Sciences of the BSSR; 1963. p. 5–20. Belarusian.

Артыкул наступіў у рэдкалегію 10.05.2019.
Received by editorial board 10.05.2019.

РЕЦЕНЗИИ

Рэцэнзіі

REVIEWS

Савчук Т. Н. Аргументация в русско- и белорусскоязычном научно-гуманитарном дискурсе. Минск : БГУ, 2018. 279 с.

Саўчук Т. М. Аргументацыя ў руска- і беларускамоўным навукова-гуманітарным дыскурсе. Минск : БГУ, 2018. 279 с.

Savchuk T. N. Argumentation in the Russian and Belarusian language scientific and humanitarian discourse. Minsk : BSU, 2018. 279 p.

Современная лингвистика, с успехом пройдя стадии фиксации, накопления, первичного осмысления изолированных фактов, отработки методики их научного анализа, все больше занимается установлением широких обобщений и методологических основ лингвистических исследований, т. е. активно развивается на теоретическом уровне. Это является одним из важнейших показателей зрелости любой науки. Сегодня теоретические горизонты лингвистики существенно расширяются за счет того, что согласно с новейшими коммуникативно-познавательными задачами формируются требования изучать язык не только как систему, а как деятельность. Соответственно, актуальность приобретают исследования, в которых рассматриваются не просто соотношения внутрисистемных единиц, но и связи систем с неязыковой реальностью. Вследствие этого особое место в научной лингвистической парадигме отводится междисциплинарности – лингвистика все больше захватывает смежные исследовательские области и начинает интегрироваться с различными гуманитарными отраслями знаний по признаку общности решаемых проблем.

Одной из совокупных гуманитарных задач является анализ дискурса, в том числе такой его сложной разновидности, как научный дискурс, который занимает особое место в системе дискур-

сивных типов, поскольку язык в нем представлен прежде всего как язык определений, терминопотреблений и формулировок.

К числу наименее изученных научно-дискурсивных видов можно отнести дискурс гуманитарных наук, который в белорусской лингвистике до последнего времени не подвергался системному рассмотрению. Заполнение этой исследовательской ниши исключительно актуально в плане повышения общей и профессиональной коммуникативно-мыслительной культуры гуманитариев, а также статуса гуманитарного знания в целом.

Необходимость анализа и оценки научно-гуманитарной продукции подводит к важности изучения отдельных характеристик научного дискурса, среди которых одной из самых значимых является *аргументация*. Обоснованность, мотивированность, доказательность – необходимые признаки научного текста, в особенности в современных условиях, когда объемы научной информации предъявляют чрезвычайно высокие требования к качеству текстовой научной продукции. Чтобы результат восприятия текста соответствовал замыслу его создателя (что, по мнению исследователей, и является основной функцией дискурса), необходимо иметь сформированное четкое представление о сущности понятия «аргументация» как феномена, совмещающего лингвистические, когнитивные, логические и иные компоненты, и владеть определенным набором аргументативных компетенций и навыков. Полноценную информацию в этой области можно получить из монографического издания Татьяны Николаевны Савчук «Аргументация в русско- и белорусскоязычном научно-гуманитарном дискурсе», вышедшего в конце 2018 г. в издательстве БГУ.

Это исследование, в котором комплексно представлены ведущие концепции изучения аргумен-

тации (от Античности до наших дней), последовательно изложены основные теоретические положения аргументологии и впервые на материале белорусских и русских текстов из сферы гуманитаристики сформулированы аргументативные принципы (на стратегическом и тактическом уровнях), а также нормативные характеристики аргументативного дискурса.

Монография имеет исключительно продуманную структуру. В первой главе представлен подробный обзор истории аргументологии как науки, систематизированы сведения о различных (лингвистических и нелингвистических) концепциях аргументации и разнообразных подходах к ее изучению, даны необходимые определения и сформирован терминологический аппарат исследования. Вторая глава посвящена вопросам типологии аргументативных схем и особенностям структурирования научного дискурса. В третьей главе раскрыты непосредственно лингвистические аспекты теории аргументации: подробно исследованы языковые средства аргументации, сформулировано понятие аргументативных вербализаторов как особой категории языковых средств, установлена их специфика и классификационные характеристики. В четвертой главе работы предложены стратегии использования проанализированных в предыдущих частях аргументативных структур и способов языковой репрезентации аргументов, а в пятой – сформулированы нормативные требования научной аргументации (общеструктурные, стратегические, собственно лингвистические), следование которым позволяет избежать аргументативных неточностей и способствует созданию качественных научных текстов.

Таким образом, в рецензируемом издании проводится логичная подача материала от комплексного описания аргументации как научного объекта к изложению аргументативных схем и стратегий и представлению выверенной шкалы аргументативных оценок. Приведенные в исследовании данные и сформулированные научные выводы способствуют глубокому пониманию роли аргументации в процессе научно-гуманитарного творчества, помогают читателю уяснить разницу между научным стилем и научным дискурсом, задача которого не описать явления и процессы, а объяснить их.

Монография воспринимается как образец практического применения теории аргументации в научно-гуманитарном тексте. Общая структура текста, логика изложения материала, подбор вербальных средств и их взаиморасположение свидетельствуют о том, что излагаемые Т. Н. Савчук научные постулаты стали непосредственной основой авторских интенциональных установок.

В заключение хочется отметить, что материалы монографического исследования Т. Н. Савчук представляют большой интерес для каждого, кто участвует создании текстовой научной продукции. Они, безусловно, могут и должны применяться в ходе подготовки специалистов-гуманитариев, в особенности на второй и дальнейших ступенях образования, а в перспективе составить основу вузовского курса аргументологии, изучение которого позволило бы будущим исследователям четко усвоить принципы и конкретные механизмы организации научного дискурса.

*И. О. Гапоненко*¹

¹ *Ирина Олеговна Гапоненко* – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета.

Ірына Алегаўна Гапоненка – доктар філалагічных навук, прафесар; прафесар кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Iryna A. Haponenka, doctor of science (philology), full professor; professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University.

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

АНАТАЦЫІ ДЭПАНІРАВАННЫХ У БДУ ПРАЦ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN THE BSU

УДК 821.162.3.09(075.8)

Вострыкава А. У. Гісторыя літаратуры краіны вывучаемай мовы (чэшская літаратура) [Электронны рэсурс] : электрон. вучэб.-метадыч. комплекс для спец. 1-21 05 04 «Славянская філалогія» / А. У. Вострыкава ; БДУ. Электрон. тэкставыя дан. Мінск : БДУ, 2018. 224 с. Бібліягр.: с. 223–224. Рэжым доступу: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/215082>. Загал. з экрана. Дэп. 21.02.2019, № 002221022019.

Электронны вучэбна-метадычны комплекс прызначаны для студэнтаў спецыяльнасці 1-21 05 04 «Славянская філалогія». Вучэбная дысцыпліна «Гісторыя літаратуры вывучаемай мовы» (чэшская літаратура) ахоплівае гісторыю развіцця чэшскага прыгожага пісьменства ад узнікнення да сучаснасці і ахоплівае сем семестраў. Яна можа чытацца асобнымі часткамі ў якасці спецыяльнага курса і як частка асноўнага курса па гісторыі іншаславянскіх літаратур адпаведнага перыяду, а таксама ўваходзіць у склад інтэгральнага курса па гісторыі славянскіх літаратур для студэнтаў спецыяльнасці «Славянская філалогія». Адначасова прапанаваная дысцыпліна можа зацікавіць студэнтаў іншых спецыяльнасцей, аспірантаў і выкладчыкаў УВА, больш шырокае кола чытачоў увагуле.

УДК 821.162.1.09(075.8)

Хмяльніцкі М. М. Гісторыя літаратуры краіны вывучаемай мовы (польская літаратура) [Электронны рэсурс] : электрон. вучэб.-метадыч. комплекс для спец. 1-21 05 04 «Славянская філалогія» / М. М. Хмяльніцкі ; БДУ. Электрон. тэкставыя дан. Мінск : БДУ, 2018. 185 с. Бібліягр.: с. 180–185. Рэжым доступу: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/215084>. Загал. з экрана. Дэп. у 21.02.2019, № 002321022019.

Электронны вучэбна-метадычны комплекс прызначаны для студэнтаў спецыяльнасці 1-21 05 04 «Славянская філалогія». Вучэбная дысцыпліна «Гісторыя літаратуры вывучаемай мовы» (польская літаратура) вывучаецца сем семестраў, на працягу якіх разглядаюцца праблемы станаўлення і развіцця літаратуры Польшчы ад Х да ХХІ ст. Тэарэтычны і практычны матэрыял скампанаваны ў адпаведнасці з гісторыка-культурнымі эпохамі. Прапануецца літаратуразнаўчы інструментарый пазнання нацыянальна-самабытнага і ўніверсальнага пры комплексным разглядзе гісторыі польскай літаратуры і працэсаў міжкультурнай камунікацыі. Адрасаваны выкладчыкам, аспірантам і студэнтам спецыяльнасці 1-21 05 04 «Славянская філалогія», а таксама ўсім, хто цікавіцца праблемамі развіцця літаратуры Польшчы і міжславянскага літаратурнага ўзаемадзеяння.

УДК 811.581(075.8)

Восточный иностранный язык (китайский) (вводный уровень) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 05 07 «Восточная (китайская) филология» / сост. М. А. Татьяненко ; Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2018. 97 с. : ил. Библиогр.: с. 93–97. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/215439>. Загл. с экрана. Деп. 25.02.2019, № 002425022019.

Электронный учебно-методический комплекс по учебной дисциплине «Восточный иностранный язык (китайский) (вводный уровень)» для специальности 1-21 05 07 «Восточная (китайская) филология» включает в себя пояснительную записку, отражающую структуру ЭУМК, а также цели и задачи учебной дисциплины, требования к ее освоению, особенности структурирования содержания учебного материала и организации учебной работы; теоретический раздел по каждому из языковых аспектов (фонетика, грамматика, иероглифика); практический раздел с текстами для чтения и пересказа, образцами упражнений для практических занятий; раздел контроля знаний с примерами управляемой самостоятельной работы и экзаменационной письменной работы; вспомогательный раздел, содержащий учебно-программные материалы, перечень литературы, рекомендуемой для изучения дисциплины. Электронный учебно-методический комплекс предназначен для студентов филологического факультета БГУ; также может быть использован студентами других учреждений высшего образования.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Проблемы лингвообразования в неязыковом вузе [Электронный ресурс] : материалы III респ. науч.-практ. конф. (с междунар. участием), Минск, 31 января 2019 г. / редкол.: А. Э. Черенда (гл. ред.) и др. ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2019. 176 с. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/216065>. Загл. с экрана. Деп. 04.03.2019, № 002704032019.

Сборник материалов III республиканской научно-практической конференции (с международным участием) «Проблемы лингвообразования в неязыковом вузе» состоит из двух разделов: «Актуальные проблемы обучения иностранному языку в неязыковом вузе» и «Дискурс в иноязычном текстово-образовательном пространстве неязыкового вуза». В первый раздел вошли статьи, посвященные проблемам профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам в неязыковом вузе. Во втором разделе рассматриваются наиболее актуальные проблемы обучения профессиональному дискурсу. Авторская редакция текстов сохранена.

УДК 811.581'373(075.8)

Чтение и аудирование текстов [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 05 07 «Восточная филология» / сост. А. С. Холево ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2018. 73 с. Библиогр.: с. 72–73. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/216419>. Загл. с экрана. Деп. 06.03.2019, № 003206032019.

Электронный учебно-методический комплекс по учебной дисциплине «Чтение и аудирование текстов» для специальности 1–21 05 07 «Восточная филология» включает пояснительную записку, в которой представлены цели и задачи учебной дисциплины, требования к освоению и структура содержания учебного материала и организации учебной работы, теоретический раздел с вопросами для теоретического изучения, практический раздел, включающий в себе задания для дополнительной или самостоятельной работы, раздел контроля знаний с примерами заданий контрольных работ, а также вспомогательный раздел с перечнем литературы для изучения дисциплины, учебно-методическую карту дисциплины, перечень рекомендуемых средств диагностики, методику формирования итоговой оценки, описание инновационных подходов и методов преподавания, методические рекомендации по организации самостоятельной работы студентов. Электронный учебно-методический комплекс предназначен для студентов специальности «Восточная филология» филологического факультета БГУ; также может быть использован студентами других учреждений высшего образования.

УДК 811.161.3'38:005.92(075.8)(076.3)

Губкіна А. В. Дакументная лінгвістыка [Электронны рэсурс] : электрон. вучэб.-метады. комплекс для спец. 1-26 02 04 «Дакументазнаўства (па напрамках)» / А. В. Губкіна ; БДУ. Электрон. тэкставыя дан. Мінск : БДУ, 2019. 81 с. : табл. Бібліягр.: с. 57–60. Рэжым доступу: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/216573>. Загал. з экрана. Дзп. 11.03.2019, № 003411032019.

Электронны вучэбна-метадычны комплекс прызначаецца студэнтам спецыяльнасці 1-26 02 04 «Дакументазнаўства (па напрамках)». Ён утрымлівае тэарэтычны матэрыял па асноўных раздзелах курса «Дакументная лінгвістыка». Для засваення і замацавання тэарэтычнага матэрыялу, павышэння культуры маўлення прапануюцца прафесійна арыентаваныя заданні і практыкаванні. У электронным вучэбна-метадычным комплексе змешчаны кантрольныя заданні ў тэставай форме, спецыяльныя тэксты для перакладу, кантрольныя пытанні да заліку, спіс вучэбнай і даведачнай літаратуры.

УДК 811.161.3.'276.6(075.8)

Свістунова М. І. Беларуская мова (прафесійная лексіка) [Электронны рэсурс] : электрон. вучэб.-метада. комплекс для спец.: 1-31 03 07 «Прыкладная інфарматыка (па напрамках)», 1-31 04 02 «Радыёфізіка», 1-31 04 03 «Фізічная электроніка», 1-31 04 04 «Аэракасімічныя радыёэлектронныя і інфармацыйныя сістэмы і тэхналогіі», 1-98 01 01 «Камп'ютарная бяспека (па напрамках)» / М. І. Свістунова ; БДУ. Электрон. тэкставыя дан. Мінск : БДУ, 2019. 97 с. : табл. Бібліягр.: с. 91–92. Рэжым доступу: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/216901>. Загал. з экрана. Дэп. 15.03.2019, № 003515032019.

Электронны вучэбна-метадычны комплекс прызначаны для студэнтаў факультэта радыёфізікі і камп'ютарных тэхналогій, а таксама для факультэта сацыякультурных камунікацый адпаведных спецыяльнасцей. У комплексе змешчаны матэрыялы для лекцыйных і практычных заняткаў, кіруемай самастойнай работы, кантроль якой ажыццяўляецца ў выглядзе творчых і эўрыстычных заданняў, а таксама прыклады кантрольных тэставых заданняў, пытанні да заліку, спіс асноўнай і дадатковай вучэбнай і даведачнай літаратуры.

УДК 811.161.3'36'0(075.8)

Ціванова Г. К. Гістарычная граматыка беларускай мовы [Электронны рэсурс] : электрон. вучэб.-метада. комплекс для спец. 1-21 05 01 «Беларуская філалогія (па напрамках)» / Г. К. Ціванова, М. І. Свістунова ; БДУ. Электрон. тэкставыя дан. Мінск : БДУ, 2019. 225 с. : табл. Бібліягр.: с. 210–212. Рэжым доступу: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/216902>. Загал. з экрана. Дэп. 15.03.2019, № 003615032019.

Электронны вучэбна-метадычны комплекс па вучэбнай дысцыпліне «Гістарычная граматыка беларускай мовы» прызначаны для самастойнай і аўдыторнай працы студэнтаў спецыяльнасці 1-21 05 01 Беларуская філалогія (па напрамках) дзённай і завочнай форм навучання. У комплексе змешчаны лекцыйныя матэрыялы, заданні для практычных заняткаў і кіруемай самастойнай работы, а таксама необходимая даведачная інфармацыя.

УДК 811.581(075.8)

Восточный иностранный язык (китайский) (базовый уровень) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 05 07 «Восточная (китайская) филология» / сост. М. А. Татьяненко ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2018. 89 с. Библиогр.: с. 85–89. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/216957>. Загл. с экрана. Деп. 18.03.2019, № 003718032019.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Восточный иностранный язык (китайский) (базовый уровень)» для специальности 1-21 05 07 «Восточная (китайская) филология» включает в себя пояснительную записку, отражающую структуру ЭУМК, а также цели и задачи учебной дисциплины, требования к ее освоению, особенности структурирования содержания учебного материала и организации учебной работы; теоретический раздел по таким языковым аспектам как грамматика, иероглифика, фонетика в объеме, необходимом для успешного освоения данного курса; практический раздел с текстами для чтения и пересказа, большим количеством упражнений для практических занятий, списком электронных тестов для отработки и закрепления полученных знаний; раздел контроля знаний с примерами управляемой самостоятельной работы; вспомогательный раздел, содержащий учебно-программные материалы, перечень литературы, рекомендуемой для изучения дисциплины. Электронный учебно-методический комплекс предназначен для студентов филологического факультета БГУ; также может быть использован студентами других учреждений высшего образования.

УДК 811.161.3'0(075.8)

Кулеш Г. І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы [Электронны рэсурс] : электрон. вучэб.-метада. комплекс для спец. 1-21 05 01 «Беларуская філалогія (па напрамках)» / Г. І. Кулеш ; БДУ. Электрон. тэкставыя дан. Мінск : БДУ, 2019. 93 с. Бібліягр.: с. 85–93, бібліягр. у тэксце. Рэжым доступу: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/217851>. Загал. з экрана. Дэп. 01.04.2019, № 004501042019.

Электронны вучэбна-метадычны комплекс прызначаны для студэнтаў філалагічных спецыяльнасцей. Матэрыялы ЭВМК ахопліваюць асноўны змест тэарэтычнага і практычнага курсаў вучэбнай дысцыпліны «Гісторыя беларускай літаратурнай мовы» ў адпаведнасці з тыпавай і вучэбнай праграмамі курса. Раскрыццё дыскусійных тэарэтычных праблем дысцыпліны накіравана ў ЭВМК на адлюстраванне па магчымасці ўсяго спектру меркаванняў гісторыкаў мовы па гэтых праблемах, ад традыцыйных да найноўшых. Дапаможнік уключае таксама тэматыку і змест кантралюемай самастойнай работы

студэнтаў (КСРС), пытанні да экзамена. Змешчаныя ў дапаможным раздзеле кароткі слоўнік асноўных тэрмінаў і паняццяў дысцыпліны і тэксты для гісторыка-лінгвістычнага аналізу будучы патрэбнымі пры самастойнай падрыхтоўцы да заняткаў і пісьмовых работ.

УДК 811.112.2'0(075.8)

История изучаемого языка (немецкого) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 05 06 «Романо-германская филология» / сост. Д. Н. Королёв ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2019. 83 с. : табл. Библиогр.: с. 82–83. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/218195>. Загл. с экрана. Деп. 03.04.2019, № 004803042019.

Электронный учебно-методический комплекс по учебной дисциплине «История изучаемого языка (немецкого)» для специальности 1–21 05 06 «Романо-германская филология» включает пояснительную записку, в которой представлены цели и задачи учебной дисциплины, требования к освоению и структура содержания учебного материала и организации учебной работы, теоретический раздел с вопросами и материалами для изучения, практический раздел с тематикой практических занятий и управляемой самостоятельной работы студентов, раздел контроля знаний с примерами заданий и списком вопросов, а также вспомогательный раздел с перечнем литературы для изучения дисциплины. Электронный учебно-методический комплекс предназначен для студентов специальности «Романо-германская филология» филологического факультета БГУ; также может быть использован студентами других учреждений высшего образования.

УДК 811.133.1'36(075.8)

Цыбульская Н. А. Теоретическая грамматика [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 05 06 «Романо-германская (французская) филология» / Н. А. Цыбульская ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2018. 106 с. : табл. Библиогр.: с. 103. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/218350>. Загл. с экрана. Деп. 10.04.2019, № 005110042019.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) адресован студентам филологического факультета специальности 1-21 05 06 «Романо-германская (французская) филология». Содержание ЭУМК включает необходимый минимум сведений о грамматическом строе французского языка, закономерностях функционирования грамматических и текстовых единиц; практические задания для проведения семинарских (практических) занятий; вопросы для контроля изучаемого грамматического явления, которые могут использоваться как в аудиторной работе на семинарских занятиях, так и во внеаудиторной. Справочно-информационный раздел содержит учебную программу, список библиографических источников, терминологический глоссарий.

УДК 81'1(075.8)

Лапунова О. В. Прагматика [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 05 06 «Романо-германская (французская) филология» / О. В. Лапунова, Н. А. Цыбульская ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2019. 57 с. : табл. Библиогр.: с. 47–50. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/218777>. Загл. с экрана. Деп. 22.04.2019, № 005322042019.

Электронный учебно-методический комплекс предназначен для студентов филологического факультета специальности 1-21 05 06 «Романо-германская (французская) филология». Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов: современная структура знаний о прагмалингвистике; теория речевых актов; современная классификация речевых актов; речевое общение; моносубъектность и полисубъектность высказывания; полифонический анализ высказывания и др.

УДК 81'34(075.8)

Цыбульская Н. А. Теоретическая фонетика [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 05 06 «Романо-германская (французская) филология» / Н. А. Цыбульская, О. В. Лапунова ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2019. 62 с. : табл. Библиогр.: с. 62. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/219327>. Загл. с экрана. Деп. 10.05.2019, № 005910052019.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов филологического факультета специальности 1-21 05 06 «Романо-германская филология». ЭУМК дает представление о состоянии звукового строя современного французского языка: инвентаре фонетических единиц на

сегментном и просодическом уровнях, способах их систематизации, взаимодействии звуков в речевой цепи, важнейших фонетических изменениях, функциональном статусе единиц сегментного уровня, принципах фоностилистической дифференциации устных текстов во французском языке.

УДК 811.133.1(075.8)

Цыбульская Н. А. Основной иностранный язык (французский) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 05 06 «Романо-германская (французская) филология» / Н. А. Цыбульская, А. В. Квачек ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2019. 110 с. : табл. Библиогр.: с. 86–87. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/220595>. Загл. с экрана. Деп. 30.05.2019, № 006630052019.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предлагает аутентичные тексты, практические и тестовые задания с целью формирования иноязычной коммуникативной компетенции, позволяющей использовать иностранный язык как средство профессионального и межличностного общения. ЭУМК включает темы нормативной грамматики (морфологии и синтаксиса). Грамматические, лексические и стилистические явления изучаются в комплексе в процессе обучения речевой деятельности. Адресован студентам 3-го курса специальности 1-21 05 06 «Романо-германская (французская) филология».

УДК 811.161.1'243(075.8-054.6)

Зайцева Л. А. Русский язык как иностранный. Модуль профессионально ориентированного владения языком (гуманитарный профиль). I сертификационный уровень [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для слушателей подготовительного отделения для иностранных граждан факультета доуниверситетского образования БГУ / Л. А. Зайцева, Ж. В. Проконина ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2019. 136 с. : табл. Библиогр.: с. 134–136. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/220617>. Загл. с экрана. Деп. 03.06.2019, № 006703062019.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) содержит описание обучающих, дидактических и диагностических материалов, предназначенных для иностранных слушателей подготовительного отделения по учебной дисциплине «Русский язык как иностранный. Профессионально ориентированное владение», соответствующих I сертификационному уровню владения языком. Материалы могут быть использованы на различных обучающих программах русского языка как иностранного.

УДК 801.7(075.8)

Тэксталагія [Электронны рэсурс] : электрон. вучэб.-метадыч. комплекс для спец.: 1-21 05 01 «Беларуская філалогія (па напрамках)», 1-21 05 02 «Руская філалогія (па напрамках)» / склад. Т. В. Лук'янава ; БДУ. Электрон. тэкставыя дан. Мінск : БДУ, 2019. 95 с. Бібліягр. : с. 79–82, бібліягр. у тэксце. Рэжым доступу: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/220727>. Загал. з экрана. Дэп. 04.06.2019, № 007304062019.

Электронны вучэбна-метадычны комплекс (ЭВМК) разлічаны на студэнтаў спецыяльнасцей 1-21 05 01 «Беларуская філалогія (па напрамках)», 1-21 05 02 «Руская філалогія (па напрамках)». Змест ЭВМК арыентаваны на вывучэнне асноўных пытанняў, неабходных пры тэксталагічнай працы.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Синило Г. В.</i> Диалог с Экклезиастом в поэзии Пауля Флеминга	5
<i>Альшеевская А. С.</i> Типы и степени проявления антропоморфности персонажей	20

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Гутовская М. С.</i> Семантико-ономасиологическое своеобразие лексико-фразеологического поля мета-языковых обозначений в русском и английском языках	29
<i>Стриго Е. В.</i> Активизация словообразовательного потенциала непроемких глаголов с латинской корневой морфемой в современном русском языке	42
<i>Ковалевская И. И.</i> О диалогической структуре межкультурного делового общения (на примере благодарственного письма и запроса)	48
<i>Рааго П. А.</i> Отражение растительного мира в системе белорусской и словацкой глагольной лексики	57
<i>Ковалева А. И.</i> Внутренняя форма простых структурных дериватов – имен существительных с различными словообразовательными значениями в русском языке	70
<i>Навроцкая И. В.</i> Синтаксические конструкции с компаративом в научном стиле белорусского литературного языка 1920–30-х гг.	77

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Гулак А. А.</i> Самодеятельное творчество как саморепрезентативная практика советской культуры 1930–60-х гг.	93
--	----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Гапоненко И. О.</i> Савчук Т. Н. Аргументация в русско- и белорусскоязычном научно-гуманитарном дискурсе	102
Аннотации депонированных в БГУ работ	104

ЗМЕСТ

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

<i>Сініла Г. В.</i> Дыялог з Эклезіястам у паэзіі Паўля Флемінга.....	5
<i>Альшэўская А. С.</i> Тыпы і ступені праяўлення антрапаморфнасці персанажаў	20

МОВАЗНАЎСТВА

<i>Гутоўская М. С.</i> Семантыка-анамасіялагічная адметнасць лексіка-фразеалагічнага поля метамоўных абазначэнняў у рускай і англійскай мовах.....	29
<i>Стрыга К. В.</i> Актывізацыя словаўтваральнага патэнцыялу невытворных дзеясловаў з лацінскай каранёвай марфемай у сучаснай рускай мове.....	42
<i>Кавалёўская І. І.</i> Пра дыялагічную структуру міжкультурнай дзелавой камунікацыі (на прыкладзе падзячнага пісьма і запыту)	48
<i>Рааго П. А.</i> Адлюстраванне расліннага свету ў сістэме беларускай і славацкай дзеяслоўнай лексікі	57
<i>Кавалёва Г. І.</i> Унутраная форма простых структурных дэрыватаў – назоўнікаў з рознымі словаўтваральнымі значэннямі ў рускай мове.....	70
<i>Наўроцкая І. В.</i> Сінтаксічныя канструкцыі з кампаратывам у навуковым стылі беларускай літаратурнай мовы 1920–30-х гг.	77

ФАЛЬКЛАРЫСТЫКА

<i>Гулак Н. А.</i> Самадзейная творчасць як самарэпрэзентатыўная практыка савецкай культуры 1930–60-х гг.	93
--	----

РЭЦЭНЗІІ

<i>Гапоненка І. А.</i> Саўчук Т. М. Аргументацыя ў руска- і беларускамоўным навукова-гуманітарным дыскурсе	102
Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац.....	104

CONTENTS

LITERARY RESEARCH

<i>Sinilo G. V.</i> The dialogue with of Ecclesiastes in Paul Fleming's poetry.....	5
<i>Alshevskaya A. S.</i> Types and degrees of manifestation of the characters' anthropomorphicity	20

LINGUISTICS

<i>Gutovskaya M. S.</i> Semantic-onomasiological peculiarity of the metalanguage lexical-phraseological field in the Russian and English languages	29
<i>Stryha K. V.</i> Activization of word-formation potential of non-derivative verbs with root morpheme of Latin origin in the modern Russian language.....	42
<i>Kavaleuskaya I. I.</i> Dialogic structure of intercultural business communication (as exemplified in letter of thanks and inquiry).....	48
<i>Raago P. A.</i> Reflection of the world of plants in the system of the Belarusian and Slovak verbs	57
<i>Kovaleva A. I.</i> Inner form of noun morphological derivatives with different derivational meanings in Russian language	70
<i>Naurotskaya I. V.</i> Syntactic constructions with comparative forms in the scientific style of the Belarusian literary language of 1920–30s	77

FOLKLORE STUDIES

<i>Hulak N. A.</i> Amateur creativity as a self-representative practice of Soviet culture 1930–60s	93
--	----

REVIEWS

<i>Haponenka I. A.</i> Savchuk T. N. Argumentation in the Russian and Belarusian language scientific and humanitarian discourse	102
Indicative abstracts of the papers deposited in the BSU	104

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по филологическим и педагогическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал
Белорусского государственного университета.
Филология.
№ 2. 2019**
**Часопіс
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.
Філалогія.
№ 2. 2019**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.
Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.
E-mail: jphil@bsu.by

«Журнал Белорусского государственного университета. Филология» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка»
(ISSN 2308-9180).

Редакторы *Т. В. Мейкишане, С. Е. Богущ,
А. С. Люкевич*
Технический редактор *Т. А. Караневич*
Корректор *К. Б. Скакун*

Подписано в печать 28.06.2019.
Тираж 100 экз. Заказ 250.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2019

**Journal
of the Belarusian State University.
Philology.
No. 2. 2019**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.
Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.
Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.
E-mail: jphil@bsu.by

«Journal of the Belarusian State University. Philology»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika»
(ISSN 2308-9180).

Editors *T. V. Meikshane, S. J. Bohush,
A. S. Lyukevich*
Technical editor *T. A. Karanevich*
Proofreader *K. B. Skakun*

Signed print 28.06.2019.
Edition 100 copies. Order number 250.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March, 2014.
17 Kal'varyjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2019